

КН
100
К63

КОМСОМОЛ В ДЕРЕВНЕ

ОЧЕРКИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ.

В.Г. ТАНА-БОГОРАЗА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 2 6

53931/89

КОМИССИЯ ПО УСТРОЙСТВУ СТУДЕНЧЕСКИХ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСКУРСИЙ

КОМСОМОЛ В ДЕРЕВНЕ

ОЧЕРКИ

под редакцией проф. В. Г. ТАНА-БОГОРАЗА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Комсомольские этнографы.

Первые две статьи сборника дают посильный анализ комсомольского движения и «Образцовую ячейку» в селе Выемкове Северо-Двинской губернии. «Образцовая ячейка» в конкретном и живом описании показывает нам, как в какие-нибудь три года из горчичного зерна малой комсомольской клеточки выросло сильное дерево образцового комсомола. И если нас спросят, как надо работать комсомольским ячейкам,—является естественный ответ: «Вот так и работайте, как работала эта ячейка». Статья «Образцовая ячейка»—это есть программа работы, воплощенная в образы.

Таким образом для меня самого, в сущности, уже не осталось темы. Авторы сборника описали комсомольскую работу на севере, в центре и на юге, у русских, у чувашей, у черкесов, у зырян. Вышел целый цветистый венок, многоцветная радуга, полная жизни и блеска. Написали они и о том, как надобно работать комсомолу.

Мне остается сказать лишь несколько слов о них самих, этих юных авторах нашего комсомольского сборника.

Есть между ними два-три человека возмужалых и обстреляных, даже побывавших на фронте гражданской войны. Было это три-четыре года назад, а теперь уже кажется какою-то археологией.

Какая же теперь гражданская война? Все побеждено, залечено, введено в норму.

Но большая часть наших комсомольцев-писателей—юные авторы, и, несмотря даже на их деловитую суровость, можно было бы сказать об ином из них словами идиллии греческого поэта Феокрита: «Его поцелуй нежны, не колют, уста его пухом едва озлатились». Но вместо идиллии Феокрита, эти юные борцы являются участниками самого грандиозного перелома, который только видел мир—русской и всемирной революции.

Оттого и выходит такое применение диалектического метода—писатель заявляет: «Мне, как старому активному работнику комсомола...», а на деле ему 19.

Но антитеза и теза, обе вполне соответствуют действительности, ибо этот юный писатель, действительно, старый работник комсомола, пожалуй, с 1919 года.

Впрочем в последние годы Россия так много пережила, что возраст молодежи должен считаться по-иному—по месяцу за год или больше. За минувшие 4 года РЛКСМ вырос, по меньшей мере, на четверть столетия.

Авторы сборника являются также и актерами, и во многих рассказах вплетен элемент биографии.

И, например, товарищ Вера, покинувшая выемковскую ячейку затем, чтобы поехать в ВУЗ в Ленинград, действительно попала в этот ВУЗ, в наш собственный ВУЗ, имя которого стоит на обложке сборника—Ленинградский Географический Институт.

Другие писатели являются также активными работниками, основателями новых ячеек, и в их описание входят и такие моменты: «Созвать собрание я созвал, указал на необходимость создать тесную смычку между деревней и заводом и на положительные результаты такого общения. Часть парней согласилась с моими доводами и решила вступить в Березовскую ячейку». Таким образом описание готовой работы сплетается с новой работой и рождает ее, что и является общей целью предлагаемого сборника.

Наши студенты-писатели происходят из деревни. Оттого и деревенский комсомол.

Мы старались в нашем сборнике затронуть все главные стороны комсомольской жизни: начало работы—«Первые шаги» и «Образцовую ячейку», увенчанную премией,—«Комсомольские будни» и праздники, спектакли, стенгазету, интимные стороны быта, отношения с отцами, начиная от отцовского крещения безменом по сыновнему затылку (хорошо, что удержали) и кончая коллективным заявлением степенно-бородатого сельского схода: «Благодарим комсомольцев за их работу и в будущем будем надеяться, что ячейка нас не оставит». Просьба степенного сельского схода, чтобы юная ячейка его «не оставила»—такой аттестацией можно поистине гордиться. Ведь это «курица», которая просит «яйца», чтоб они ее «учили».

Но русская революция надолго отменила старинное правило: «Яйца курицу не учат». Оказывается: учат, даже «ликнеграмствуют» и в трудную минуту выручают из беды.

Мы включили в свои описания и прозу и стихи—легкокрылую частушку:

Ваше поле колосисто,—
Наше колосистее.
Ваши девки—коммунистки,
Наши коммунистее.

И такие прекрасные взрывы индивидуальной лирики:

День-то, день-то позолоченный,
Будто счастья ясный лик,
Как шатер, в огнях сколоченный,
Светом солнечным велик.

Или:

Осень—мужичья богачка—
Хлебом набила овин.
Кто это небо запачкал
Грязью ползучих овчин?

«Осенние краски» И. Михайлова (см. № 10 Сборника).

Молодая деревня, которая может давать такие яркие и точные «осенние краски», ведь, это уже зрелая деревня.

Литературная коллегия—«литколлегия» или «редколлегия» нашего активного кружка—за два года выпускает пятый сборник.

Предыдущие четыре сборника: «Революция в деревне», ч. I и ч. II, ГИЗ 1924, 1925; «Старый и новый быт», Ленгиз 1924; «Обновленная деревня», Ленгиз, 1925; «Еврейское местечко в революции», ГИЗ, 1925.

За минувшие два года работы мы научились многому. Начали свою работу бесформенными и робкими экскурсиями в ближайшие губернии, а потом развернули свою сеть шире, стремясь охватить весь СССР. После русских захватили племена туземные, сначала финнов, потом Сибирь и Кавказ. И самая организация активного ядра получила правильную форму. Центральная группа из комсомольцев и беспартийная периферия—такое соединение в российской революции всегда приносит максимум положительной работы.

И ныне мы ставим перед собою новые задания и цели, порою довольно широкие, а порою ограниченные, конкретные и одновременно остро отточенные. Например: I. Сборник биографий деревенских работников политпросвета, комсомола и т. д. В центре сборника должно быть ядро автобиографий, так, чтобы сами борцы и работники описывали собственную работу. II. Сборник селькорских достижений, приключений, потерь и побед. В настоящее время селькоры являются авангардом деревенской революции—алмазным наконечником бура, пробивающего бреши в толще всероссийского невежества и неустройства и всяческой неправды и всяческого зла. III. В связи с материальной культурой—сборник биографий новокупленных тракторов: кто их купил и на какие средства, из госрасчета или из хозрасчета; какая человеческая оболочка возникла кругом трактора:—совхоз, артель, коммуна; как тракторы работают, заменяя лошадей и порою даже вытесняя их на более отдаленные позиции. Ведь да-

же и теперь крестьяне в украинской степи стали говорить о тракторах: «Коней годуешь, годуешь (кормишь), ухажуешь за ними день и нич, а все пользы мало. А це така киняка, шо покочив робыть, та поставив, так вона стоить собі, исты не просить и не беспокоить хозяина». IV. Сборник деревенских рецензий на разные новые книжки по агрономии и общественным вопросам, написанных непременно самими крестьянами.

В более общей постановке: 1) анализ российского землеустройства в его последовательном развертывании—сельские переделы, межевания, коллективы, коммуны; 2) развитие кооперации по географическим зонам в ее мелких ячейках и крупных сочетаниях.

Дальнейшее перечисление поставленных нами вопросов и тем было бы, быть может, преждевременно. Я не упомянул вопроса об изучении комсомольской работы в различных ее проявлениях. Этот вопрос сам собой разумеется.

Из вопросов, поставленных выше, некоторые тесно сплетены с основной тканью комсомольской работы и ее продвижением вперед; например вопрос о селькорах. Для того чтобы связать постановку других вопросов с нашей активной работой, надо помнить, что наша активная группа комсомольцев в союзе с беспартийными представляет группу молодых исследователей великой работы, органической и революционной, проделанной в русской деревне за последние 4 года; и в первую очередь работы комсомола.

И, в сущности говоря, все наши сборники, перечисленные выше, насыщены комсомольской активностью и комсомольским содержанием. Предлагаемый сборник является только вершиной, стальным острием нашей исследовательской кирки. Этой киркой мы одновременно взрыхляем неровную почву и проводим прямые борозды по новому геометрическому плану.

Таким образом вся наша работа в широком смысле слова есть работа комсомольская.

Комсомольская деревня.

И растут и растут ребята,
Подымаются дети станков.
Нет, не даром кричал оратор:
«Молодежь,
Передовики передовиков».

* * *
Раньше просто в ничью бузили,
А теперь на дела понесло,
Комсомол—
Этой мощной силе
Настоящее русло.
Безыменский.

Комсомол, возникший в огне революции, в стихийном подъеме рабочего движения и затем, как зараза, перекинувшийся в глухие деревенские углы, за время гражданской войны побывавший в огневой большевистской закалке, развернулся в массовую организацию рабоче-крестьянской молодежи. Тяжелы были этапы и переходы этого могучего движения. Голодные годы, потеря лучшего ядра на фронтах, даже временное ослабление движения на переходе к нэпу, работа на хозяйственном фронте в период мирного строительства,—все это трудные, но в то же время яркие и славные страницы комсомольской истории, имеющие массу незабываемых жгучих моментов. Комсомол, переживши полосу гражданской войны и вступив в период созидательного творчества, может теперь оглянуться на свое прошлое и, подведя итоги своим достижениям, наметить дальнейшие пути развития, лежащие перед ним.

Русская революция, всколыхнувшая застоявшееся болото не только у нас, но и во всем мире, пробудила многомиллионную крестьянскую массу от вековой спячки к новой творческой жизни. Деревенскому комсомолу, одному из рычагов этой грандиозной машины, двинувшей человечество небывалым порывом вперед, принадлежит великая задача—быть строителями нового общества. Эту задачу деревенский комсомол выполняет в одних местах слабо, неуверенно, а в других местах—решительно и твердо. Но прежде чем говорить о достоинствах и недостатках этой работы, необходимо остановиться вкратце на тех условиях де-

ревенской действительности, в которых комсомолу приходится вести свое ответственное и трудное дело.

В деревне сейчас происходит несомненный рост и укрепление крестьянского хозяйства. Производительным силам деревни предоставлена возможность развиваться. На фоне этого развития и роста происходит явное расслоение деревни, заметное выявление крепких мужичков на одном полюсе и батрацко-бедняцких элементов на другом. Это—экономическая сторона вопроса. С другой стороны, в связи с выборами в советы, вопросы подъема политической активности крестьянства, оживления советов и других общественных организаций деревни стоят в порядке дня. Но в деревне еще не все обстоит благополучно. Темнота деревенская, масса суеверий и предрассудков, подчас недоверчивое отношение крестьян к новым мероприятиям—все это создает ряд препятствий культурному подъему нашей деревни. Но без такого культурного подъема трудно говорить о поднятии крестьянского хозяйства и об его интенсификации. С другой стороны, неумелое руководство советами со стороны сельячеек играет на руку элементам, сознательно задерживающим развитие нашей деревенской экономики и общественности.

Наши общественные организации на селе, комитет взаимопомощи, кооперативы и другие, зачастую еще не отвечают тем задачам, которые ставят перед ними партия и власть. Указанные выше условия работы деревенского комсомола еще более увеличивают его политическое значение как рычага между партией и широкими массами крестьянского молодняка, как неутомимого помощника партии в деле строительства в деревне. За последний год мы имеем громадный рост наших комсомольских организаций, объясняющийся подъемом политической активности молодняка. Это особенно заметно в деревне, где вместо 14.000 ячеек прошлого года, мы имеем 27.000 в нынешнем году. Полумиллионная масса комсомольцев в деревне, выросшая из 147.000 прошлого года,—это уже сила, это массовая организация крестьянской молодежи. В связи с таким ростом перед комсомольскими организациями встает целый ряд задач как в области воспитания в ленинском духе вновь влившейся массы молодежи, так и в выявлении активного ядра и его направлении по верному пути. Примерная цифра этого актива, работающего в советах, комвзаимах, кооперации и т. д., сейчас определяется в 100.000 человек. Отсюда вывод напрашивается сам собой. Для той массы комсомольцев, которая может стать одним из важнейших опорных пунктов партии в деревне, требуется повседневное и умелое руководство.

Этот деревенский актив сыграет и уже начинает играть громадную роль в деле уяснения крестьянству наших практических мероприятий по поднятию сельского хозяйства, насаждению ко-

операции, оживлению советов, насаждению культурных способов ведения хозяйства. Если к этому прибавить то, что в комсомол еще недостаточно вовлечена громадная масса молодых батраков и не втянута крестьянская девушка (по последним данным, девушек-крестьянок в комсомоле всего 10%), то все это ставит перед нами задачи не только расширения наших деревенских организаций, но и углубления нашей воспитательной работы в деревне.

В области общественной работы в деревне еще не изжит целый ряд ненормальностей, в том числе и страсть к командованию со стороны комсомольских ячеек. Это подрывает их авторитет и тормозит их работу.

Но все это немыслимо исправить, с одной стороны, без увеличения партийного ядра в комсомоле, а с другой—без усиленного руководства и внимательного выполнения лозунга «лицом к деревне» со стороны пролетарского комсомола в городе. Поэтому каждый отмеченный факт в комсомольской работе должен быть тщательно изучен для выявления всех недостатков и на основе стремления к их исправлению.

Прежде чем перейти к описанию отдельных сторон комсомольской жизни и работы, необходимо отметить одно характерное явление, присущее почти всем комсомольским организациям. Большинство комсомольских ячеек, возникших в годы 1920—22 и ранее, имели своими предшественниками так называемые «культурки»—культурно-просветительные кружки. Особенно ярко это подчеркнуто в истории Выемковской ячейки Северо-Двинской губ. и Прионежского комсомола. Стихийное стремление сельской молодежи к организации, к участию в общественной жизни находило свое выражение в создании культурпросветов и клубов. Здесь в глубине этих организаций таились первые зародыши комсомола, и из этой культурнической стадии часть молодежи, почувствовавшая веяние революции и необходимость политической самоорганизации, создала новую невиданную для деревни силу—комсомол. В большинстве городов объединение молодежи шло несколько иным путем,—через ученические организации. Мне самому пришлось быть свидетелем начального движения молодежи в уездном городке Орловской губ., где в 1918 году создалась организация коммунистической учащейся молодежи (ОКУМ), пославшая своих представителей на всероссийский съезд ОКУМ и затем давшая начало комсомолу.

В более позднее время, когда движение молодежи вызывалось самыми условиями ее существования, комсомол, минуя первую стадию, возникал непосредственно там, где этому благоприятствовали обстоятельства. Однако сохранились и такие углы, где организация молодежи до сих пор затрудняется целым рядом

факторов: тут и оторванность от центра, и отсутствие инициативной группы, и, сверх того, особые социально-экономические условия данного района. Летом 1924 г. в Ярославской губернии, в глухом Пошехонье, за 60 верст от уездного города, мне пришлось натолкнуться на целый район, в котором не только не существует комсомола, но и слышали о нем очень мало, несмотря на то, что в 25 верстах существует ячейка РЛКСМ. Здесь настолько развито увлечение драками, гулянками, что они составляют основное содержание жизни молодежи. В праздник молодежь окрестных деревень собирается в центральную деревню еще с раннего утра. Девушки, взявшись за руки, одетые в платье первой смены (за день переоденутся три раза и больше), поют свои визгливые частушки. Парни, конечно, все «при пинжаках», в новых рубахах и обязательно с толстенными железными тростями. Весь день группы парней ходят с «тальянкой» или с «вяткой», горланят частушки и по очереди заходят в каждую избу, где их обносят самогоном и пивом. Один из парней тут же пускается в пляс, подбодряемый возгласами окружающих. Тотчас же находится другой, третий—и пошла писать губерния. Один чище другого выделывает ногами кренделя. К вечеру, изрядно нагрузившись после обхода деревни, парни пускают в ход свои железные палки, и гулянье кончается серией драк, часто доходящих до увечья. Потом целый месяц этот праздник будет служить темой для разговора. Пострадавшие затаят злобу до следующего праздника, а там уж под каким-нибудь предлогом затеют ответную драку,—и так оно длится из года в год, от праздника к празднику.

Все это выражено в частушке, которая характеризует направление мыслей местной молодежи:

Гуляй, товарищ, веселее,
Чтобы тросточка вилась,—
Эта белая рубашка
Чтобы кровью облилась.

Вот в таких условиях у буйной «отчаянной» молодежи не создается предпосылки для какой-либо организации, не говоря уже о комсомоле.

За 2 месяца моего пребывания в Ярославской губ. удалось создать ядро парней, заинтересовавшихся тем, о чем я им ежедневно рассказывал, и через месяц после отъезда я получил от них письмо с благодарностью за выписанную для них газету «Смена», с сообщением о том, что у них организовался кружок друзей «Крестьянской Газеты»—первое объединение молодежи на новых началах. Привожу отрывок из письма одного парня, главного организатора: «Как я рад, что вы меня не забыли, сердечно

благодарю за вашу об нас заботу. Газету «Смена» я получил за 2 недели, которую с большим восторгом читает наша молодежь. У нас теперь есть кое-что новенького из жизни: устраиваем клуб силами местной молодежи, и существует «Кружок друзей Крестьянской Газеты», в состав которого входит 11 человек, ребята все вам знакомые...».

На этом организация молодежи не останавливается и идет дальше: уже организован кружок «друзей просвещения».

Приведу еще отрывок из другого письма, показывающего, какими громадными шагами молодежь идет вперед: «Газету «Смена» мы получаем, за что сердечно благодарим вас. Я и мой кружок очень довольны тем, что вы не забываете нас и среди своих ученых обязанностей и трудов вспоминаете нас и наш темный уголок Телепшино. Мы начинаем подходить к новой жизни, теперь у нас ребята организованы мною в кружок культурной деятельности и политического просвещения. Мы работаем, клуб наш налажен, уже были поставлены три спектакля...»

Еще раз благодарю от имени известных вам наших ребят, теперешних членов «кружка друзей просвещения» и прошу вас: не забывайте нашу организацию. Это—начало громадного будущего, которое надвигается и идет к нам».

Вот путь, который, несомненно, приведет к комсомолу.

На основании таких фактов, действительно, начинаешь убеждаться, что комсомол в деревне это не явление, насажденное сверху, извне привитое, а напротив, организация, поднимающаяся из глубины, неразрывно связанная живыми нитями с окружающей массой, отражающая ее настроения, которым нужно дать правильное направление и руководство. Комсомол в деревне—это бытовое явление, результат того социально-политического сдвига в жизни, во взглядах и в психологии крестьянства, который принесла Октябрьская революция.

Возьмем общественно-политическую область работы комсомола, чтобы убедиться, какую великую роль играет комсомол в деревне. Волсовет важнейший пункт в этой области. Комсомольцы, работающие в советах, только в том случае пользуются авторитетом среди крестьянства, если они своевременно учитывают его основные нужды и, применяясь к ним, дают правильное направление мероприятиям Советской власти. Для этого необходимо, чтобы комсомольцы были в курсе всех событий, происходящих в деревне, а также не порывали связи со своими собственными хозяйствами. Нередко мы видим как раз обратное явление. Комсомольские ячейки, оторвавшись от окружающей действительности, забывают свои непосредственные задачи как помощников партии и власти в советском строительстве и начинают заниматься администрированием, подчас подменяя собой органы власти на

местах. Это явление безусловно ненормальное и теперь, когда партия придает оживлению советов такое громадное значение, оно, надо думать, будет изживаться. Недаром тов. Молотов на IV партконференции сказал: «Необходимо, чтобы партийные товарищи, работающие в комсомоле, и весь комсомол в целом понимали те громаднейшие обязанности и ту громадную ответственность перед партией и пролетариатом, которые на комсомоле лежат в настоящее время».

Комсомол проводит большую работу в советах, комитетах взаимопомощи, кооперативах и других общественных организациях.

Комсомол защищает интересы беднейшего крестьянства. Это не только слова, но жизненная правда наших дней. Чувашские и зырянские комсомольцы в вопросах о переделе лесов и лугов стали на сторону бедняков и этим безусловно заслужили авторитет и доверие со стороны широких масс крестьянства.

Помощь семьям красноармейцев и безлошадным, починка дорог, осушка болот, организация яслей в деревне во время летней страды—явление совершенно новое,—все это поднимает комсомольцев в глазах крестьян, и недаром выемковские ребята выдержали конкурс на звание лучшей ячейки, как указано в очерке. Ведь только такой практической деятельностью можно доказать, что комсомольцы не «лодыри», не лентяи, а действительные строители нового в деревне. Еще Ильич завещал нам в 1920 году: «Быть членами Союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Только в том случае, если они этой работой достигнут практических успехов, они становятся коммунистами». А благодарность мужиков комсомольцам—это лучшая премия на конкурсе жизни.

Деревенский сход. Какие возможности здесь для комсомольцев показать крестьянам, что они делают для них! Не с командования на сходах надо начинать, а вот «секретарить» сначала, разъяснять крестьянам наболевшие вопросы и затем постепенно завоевывать авторитет. И даже такие элементы, которые идут против комсомола, в конце концов, или сами начинают понимать его значение или перестают совсем ходить на сходы. Старики в Чувашии давно уж на сход не ходят: «Все равно,—говорят,—по комсомольски будет».

Кому насаждать в деревне идеи кооперации, как не комсомольцам! И тут комсомол, вербуя своих ребят в члены кооператива, проводя комсомольца в правление, пропагандируя значение кооперации—этого моста между пролетарским городом и деревней—не остается на последнем месте.

Деревенский комсомолец прежде всего общественник, и только участвуя в общественной работе, он может принести партии пользу как приводный ремень к крестьянству.

Уже одно то, что организация комсомола начиналась с культурных кружков, показывает, что, именно идя по линии наименьшего сопротивления, комсомол проводит в этом направлении громадную работу в деле поднятия культурного уровня крестьянства.

Избы-читальни, становящиеся центром всей политпросветительной работы на селе, в большинстве своем имеют избаками комсомольцев, и актив молодежи, группирующейся около избы-читальни, также состоит по преимуществу из комсомольцев. Здесь проводится большая культурная работа. Но до сих пор еще избы-читальни не имеют достаточного количества подходящей литературы и газет. Из далекой области Коми (зырян) несутся жалобы на книжный голод, на недостаток политической литературы, в особенности, по ленинизму.

Это—пока еще слабая сторона нашей работы, но надо думать, что наши издательства, уже начинающие выпускать деревенскую литературу, не забудут и деревни нацменов, где жаждущая знания молодежь нетерпеливо ждет тождовой книги.

Работа по ликвидации неграмотности должна в первую голову выполняться комсомолом. Ильич возлагал в этом отношении на молодежь большие надежды: «Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной и безграмотной страны в грамотную нельзя; но если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот Союз, объединяющий 400.000 юношей и девушек, имеет право называться Союзом Коммунистической Молодежи» (из речи на III съезде Союза).

А сейчас мы имеем в Союзе около миллиона членов, и если эта громадная армия возьмется за дело ликвидации неграмотности, то к десятилетию Октябрьской революции, если не полностью, то во всяком случае на 80% будет выполнен завет Ильича.

Но и в самом комсомоле еще не ликвидирована неграмотность. На Кубани комсомольцы уже взялись за эту работу, но вот, например, там же на хуторе Красном, из 20 человек комсомола только пятеро грамотных. А таких уголков еще много по Советскому Союзу.

Неразрывно с этим связано горячее желание учиться. Во всем сборнике это проходит красной нитью. Куда бы ни был заброшен комсомолец, в жаркую ли Кубань или на холодный север, за полярный круг,—всюду горит эта жажда знания, стремление на рабфак, в ВУЗ, затем, чтоб «зачерпнуть в себя больше научного». Это стихия, которой никакими силами не удержать. Учатся в ярко освещенном клубе, учатся и при свете жалкой лучины или коптилки, учатся в поле на работе, летом и зимой, в жару и в стужу, учатся за обедом. Вся миллионная комсомольная сидит за

книжкой, одновременно с этим выполняя громадной важности государственную работу.

«Комсомол постановил пригласить учителя с высшим образованием, чтобы он подготовил комсомольцев к поступлению в ВУЗ», пишет товарищ о Кубанском комсомоле. Это достаточно ярко дополняет сказанное выше о стремлении комсомолии к учению.

Школа в деревне тоже не уходит из круга внимания комсомола. Чем только можно помогают комсомольцы школе. Работа выемковских комсомольцев—лучший пример этого. Взяли ребята шефство над школой, произвели ремонт, разработали школьный огород и таким образом на деле доказали свои слова и заставили крестьян прислушаться к ним и серьезнее отнестись к школе. Необходимость увязки комсомольской работы с работой учительства как будто уже начинает сознаваться комсомольцами. Пример—чувашии комсомольцы, которые уже «космычились» с местным учительством.

Работа совместно с учительством необходима еще и потому, что у нас культурных, грамотных сил внутри Союза почти нет. Взять даже такой пустяк, как составление протокола собраний ячейки. До каких курьезов доходят ребята в своих протоколах! Вот пример:

Слушали:

1. Об империалистических войнах. Докладчик Карпунин.
2. Отчет о работе отряда пионеров. Докл. т. Смирнов.
3. Программу и устав РЛКСМ.

Постановили:

1. Взгляд на грядущие войны одобрить.
2. Поднажать.
3. Утвердить.

Комментарии излишни.

Спектакли в деревне. Таких спектаклей, как «Комсомольский спектакль», описанный т. Стебнищким, ставятся сотни и тысячи. Драмкружки—это наиболее легко и доступно. Вполне понятно, что здесь комсомольцы прямо чудеса вытворяют. В суровом Печорском крае, в Прионежье, во Владимирской губернии, на Кубани—всюду процветают спектакли с доморощенными артистами, нехитрой бутафорией и заменяющими грим мелками и угольками. Здесь комсомолия широко развернулась и надо сказать, что в ряде мест ребята настолько наловчились играть, что своими хорошими постановками создают себе большую популярность во всей округе. Сюда же относятся и постановки живых газет, начинающие все больше прививаться в деревне.

А комсомольская стенгазета стала поистине незаменимым орудием влияния комсомола на крестьянскую беспартийную молодежь. Заскорюзлыми мозолистыми руками, на исписанной уже на одной стороне бумаге, самодельными чернилами и красками, под редакцией какого-нибудь Ваньки или Петьки, даже не окончивших

сельской школы, создается стенная газета. При умелой постановке стенгазеты она служит хорошим организатором всей работы в деревне, и, выявляя недостатки крестьянской жизни, привлекает симпатии взрослого населения к комсомолу. Это с большим успехом практикуют, например, выемковские комсомольцы.

Селькоры, ставшие новой общественной силой деревни, которой не страшны ни предательские выстрелы из-за угла, ни побои, ни поджоги, в значительной части своей состоят из комсомольцев. Перед комсомольцами-селькорами новый, еще непопеченный край работы. Здесь будет выковываться новый актив деревни, который в деле искоренения недостатков нашей работы в деревне будет иметь огромное значение.

Наши деревенские поэты-комсомольцы, группирующиеся около стенгазет, дают нам массу интересного самобытного материала. Стихи комсомольца Михайлова, приводимые в настоящем сборнике, так живо и красочно передают мысли деревенского комсомольца, так образно описывают окружающую природу, что просто не верится, будто это мог написать парень-комсомолец, выросший в Новгородской губернии, среди полей и лесов, в грязной деревенской избе, не имеющий даже среднего образования. Можно с уверенностью сказать, что в недалеком будущем из него выработается хороший певец крестьянского и комсомольского быта.

Процветают и комсомольские рукописные журналы.

Избыточная энергия, кипучая сила, выпирающая наружу, выливающаяся в форме «драч», дебоширства и озорства, может найти себе выход в спорте.

И на неоспоримых фактах мы начинаем убеждаться, что все возможности для его возникновения в деревне налично. Нужны только инициатива и желание работать. Самые примитивные виды спорта, как массовые игры и ритмические движения, не требующие особых затрат, также футбол, прививающийся в деревне, могут быть осуществлены комсомольскими ячейками. В Усть-Цыльме, на Печоре живет и крепнет спортивный кружок. В Вознесенье, у Онежского озера,—образцовый Спартак, уже выезжающий «на истязания» (вместо: «на состязания»). У выемковцев работает спорт-кружок под руководством демобилизованного красноармейца. Последний пример использования красноармейцев может широко культивироваться нашими ячейками.

Однако нелегко ребят отучить от драч, служащих им часто своеобразным развлечением. Насколько это вросло в сознание деревни,—можно видеть из разговора двух девиц:

- Тебя что, Танька, не видно было вчера на гулянье.
- Спать захотелось, я и пошла домой.
- Жаль, что так рано ушла и ничего не видела, а после

тебя какая драка была: Ваньку Узварова щипинского, как барана; изрезали и две гармоньи испортили. Было очень антиресно.

Вовлечение такой девушки в комсомол и разъяснение ей окружающего является насущной задачей комсомольской ячейки. Вообще у нас с крестьянской девушкой дело обстоит еще не блестяще. Мы еще не нашли к ней подхода, не сумели отвлечь ее от печки. Но есть и отрадныe факты. Выемковская ячейка добилась вовлечения всех девушек в клуб и устройства женских конференций, и она, несомненно, в ближайшее время будет иметь в своих рядах не одну активную комсомолку.

Таким образом здесь еще приходится искать новых форм работы.

Политическое просвещение в деревенском комсомоле тормозится отсутствием опытных руководителей, скудостью литературы и пр. Первичная ступень—комсомольский политкружок—еще не охватила всей массы деревенских комсомольцев. Но при наличии в ячейке сколько-нибудь толкового руководителя можно добиться того, что комсомольцы будут иметь хотя бы основы политграмоты.²

Переходя к безбожным комсомольским делам, нужно отметить, что в этой области имеются довольно полные материалы. Это наиболее выступающая вперед, излюбленная часть комсомольской работы. Что может быть легче, как посмеяться над попом, продернуть его в стенгазете и решительно сказать: «Нет бога и—баста. А если есть, так пускай меня убьет на этом самом месте!» Такие методы антирелигиозной пропаганды, практикующиеся нередко и теперь, должны быть отброшены и заменены новыми, построенными на естественно-научной основе.

Вот примеры неумелого подхода к антирелигиозной пропаганде. Чувашские комсомольцы борются с язычеством,—оскверняют священное дерево, отправляя около него свои естественные потребности. Это в лучшем случае может окончиться скрытым озлоблением населения против комсомольцев, а в худшем—открытым возмущением. Другой пример: в одном селе комсомолец, желая напугать попа, забрался до службы в алтарь. Перед началом службы он был обнаружен, и расвиревшая толпа растерзала его на куски. От таких приемов нужно, безусловно, отказаться, ибо они не только дискредитируют комсомольцев, но и подрывают авторитет власти и партии в деревне. Уже сейчас намечается переход к систематической регулярной антирелигиозной пропаганде взамен антипоповщины, надругательства и хулиганства. Комсомольская пасха и рождество стали принимать характер настоящего праздника, и с каждым годом число идущих на комсомольские пасху или рождество заметно увеличивается, в то время как церковь пустеет. Насколько комсомольский празд-

ник вошел в быт молодежи,—показывает весьма распространенная частушка:

В Комсомолки на пасху
Собралась палата.
Саваофа порешили
Сократить по штату.

Нигде кажется так язвительно комсомольцы не продернут попа, как в частушке. Антирелигиозных частушек—тысячи. Это яркий показатель того, что массы молодежи уже навсегда отходят от религии, да и взрослые тоже не отстают. Еще несколько лет упорной работы, еще одно усилие правильного направления комсомольского безбожного пыла в верное русло, и скоро придется вести антирелигиозную пропаганду только среди семидесятилетних старух и трехлетних ребят.

Но, с другой стороны, даже среди самих комсомольцев, в особенности в национальных окраинах, предстоит длительная работа. Там комсомолец, верующий в бога, не редкость, а распространенное явление. Интересны факты, сообщаемые из тех мест, где колдовство еще широко раскинуло сети и захватывает в них не только беспартийную, но и комсомольскую молодежь. Товарищ из области Коми приводит рассказ комсомольца Кокач-Паша из дер. Гучерги, Турьинской волости, Устьвымского уезда, лечившего свои глаза у колдуньи. После долгих и сложных манипуляций глаза у комсомольца случайно поправились. Он кончает следующими словами: «Я думаю, это—внушение. Хотя она вылечила, но я не верю, ведь я комсомолец». И тут же добавляет: «Что-то, братик, есть непонятное. Не веришь, а верится. Объясни, как это будет по-научному. Я не верю, я—комсомолец, а тут—и не понимаю, и обидно».

Сектантское движение тоже не должно оставаться без внимания комсомола, ибо за последнее время оно разветвляется все шире и шире. На далекой Печоре комсомольцам приходится бороться со староверами. Вот формулы, на которых зиждутся устои староверия: «Трижды предан будет анафеме тот, кто станет пить чай, кофий и курить табак». Или другое: «Если продернет баба нитку без узла, то три поклона положить надо, иначе грех будет». Вот в таких-то условиях столетиями крепко вбитой в головы крестьян еще до-никоновской веры приходится вести антирелигиозную пропаганду. Однако и в таком захолустье на комсомольском рождестве театр не пустует.

«Печорские староверы убедятся, что поп-начетчик сеет вредное, а комсомолец—полезное», так заявляют комсомольцы с Печоры.

Во многих комсомольских ячейках практикуются довольно удачные диспуты с попами, на которых приезжие пропаганди-

сты умело разбивают поповские доводы. Довольно характерные факты приводит тов. Макарьев в своем очерке Прионежского комсомола, где отмена крестьянами ряда церковных праздников является прямым результатом работы безбожников-комсомольцев.

Комсомольцы настолько захватывают своей работой беспартийную молодежь, что она бросает свои посиделки, вечерки и идет к комсомольцам в клуб. Вот что пишет товарищ с Печоры: «Нередко всей вечеркой, коллективно, молодежь отправляется на комсомольские занятия и совместно проводит игры и спортивные выступления».

«Религии должен быть положен конец»,—говорят выемковские ребята и вырабатывают свой десятилетний план борьбы с религией. Можно быть уверенным, что они его исполнят. Устроенный ими безбожный «Петров день» служит этому достаточной порукой.

Антирелигиозная деятельность—это неотъемлемая часть комсомольской работы. Только через организацию безбожных кружков, с систематической проработкой вопросов, применяя свои знания к анализу явлений природы (град, засуха, дождь), мы придем к последнему и решительному штурму богов.

Вопросы поднятия крестьянского хозяйства, улучшения обработки земли, введения машин и пр. заслуживают самого серьезного внимания комсомольцев. Агрономическая пропаганда в деревне должна быть для комсомольцев исходной точкой для всей работы. Наиболее жизненным, всегда новым и практически важным для крестьянина является положение его хозяйства. Вполне правильно и своевременно ставить вопрос о перенесении центра тяжести работы в эту область после завоевания авторитета среди крестьянства. И это комсомольцы должны учитывать. Для того чтобы выполнить задачи интенсификации сельского хозяйства, нужен квалифицированный актив из среды самой крестьянской молодежи. Задачу подготовки такого сельскохозяйственного актива поставили себе школы крестьянской молодежи—сельхозуч. Этим деревенским фабзавучей сейчас пока еще немного. Но при хорошей постановке ученья сельхозуч даст нам в ближайший ряд лет передовой авангард революционеров в крестьянском хозяйстве, которые поведут деревню от старой дедовской трехполки с сохой к мощному трактору. Школы крестьянской молодежи дадут нам практических работников во всех областях работы в деревне и в первую очередь в самом сельском хозяйстве.

Такую работу уже исполняют тысячи сельскохозяйственных кружков. Этот наиболее доступный вид подготовки доморощенных «агрономов» широко прививается, и мы имеем уже наглядные результаты работы таких кружков. Необходимо укрепить и еще далее расширить эти достижения, привлекая к участию

в кружках не только молодежь, но и взрослое население. Коллективизация сельского хозяйства—один из ударных вопросов дальнейшего развития деревни, и этот лозунг комсомольцы горячо поддерживают и пропагандируют среди крестьянства. Кубанские комсомольцы на деле борются за коллективное хозяйство, являясь первыми застрельщиками коллективизации. Таких примеров много.

Комсомол ведет деревню к новым формам хозяйства, новым способам обработки земли, готовит смену старикам, но смену, обученную на основе новейших завоеваний техники в сельском хозяйстве, на основе электрификации.

В нашей литературе еще мало освещен вопрос о взаимоотношениях комсомольцев с родителями, о положении комсомольца в семье. Между тем эти взаимоотношения имеют огромное влияние и на психологию и на работоспособность комсомольцев. Слишком мало внимания еще уделяется личной жизни комсомольца, а ведь это—момент, имеющий для деревенского комсомольца первостепенное значение. Факты, описанные тов. Ершовым, безусловно заслуживают внимания. Ярко описанные подробности домашних гонений из-за вступления в комсомол крестьянской девушки дают нам полную картину тех условий, в которых находятся юноши и девушки, стремящиеся принимать активное участие в деревенской жизни.

Здесь мы сталкиваемся с рядом противоречий. С одной стороны, комсомолец должен активно работать в своем собственном хозяйстве, вести его по новому пути, уделять ему максимум внимания, сделать его образцом для окружающих. С другой стороны, он вынужден вести общественную работу, которая отнимает у него массу времени и отрывает его от непосредственной работы в хозяйстве. Это относится если не ко всем комсомольцам, то именно к их лучшей активной части. Комсомолец обесценивается, таким образом, как рабочая сила, и принужден или бросать общественную работу и заняться хозяйством, или вступить в разлад со своей семьей. Отсюда—перспектива тяжелых испытаний и лишений.

Это—явления экономического порядка. А примеры «размычки» между отцами и детьми на идеологической почве еще более часты. «Бешеный дом» (нардом), спектакли, безбожие ведут к крупным разногласиям. Раз «авторитет в доме потерялся», то понятно, что создаются предпосылки к понуканию, попрекам, и далее, к ссорам, часто оканчивающимся уходом комсомольца из семьи. В особенности остро обстоит дело с религией. Случай «крещения безменом», описанный тов. Ершовым,—не единственный, и к таким случаям нужно подходить очень серьезно. Здесь требуется какое-то воздействие на обе стороны, иначе дело может

принять совершенно неожиданный оборот. Книга—тоже яблоко раздора. Это связано со старинным недоверием, порою боязнь книги. Упадок хозяйства в результате загруженности комсомольцев, когда один из них повернут «лицом к деревне», другой—на инструкторские курсы, указанное выше расхождение между отцами и детьми,—все это заставляет призадуматься над личной жизнью комсомольца и над увязкой ее с общественной работой.

Вступление в комсомол остро воспринимается родителями, и нередки случаи, когда родители выписывали обратно своих детей из комсомола. Конечно не всегда боязнь пойти против родителей является причиной невступления в комсомол. Бывает и по-иному.

«Без девки не проживешь, а без комсомола жить можно», слышится иногда. Повидимому наши ячейки еще не сумели отвлечь парней от увлечения гуляньями и девушками. Между прочим деревенские парни считаются с мнением женской половины деревни, и нередко они говорят: «Если бы не бабы, то в комсомол все парни записались бы».

Уделяя внимание работе среди девушек, вовлекая их в комсомол, мы построим свою работу таким образом, чтобы общественная деятельность, покрывая личную жизнь, в то же время не убивала бы ее совершенно.

Взаимоотношения полов в комсомоле у нас еще до сих пор не урегулированы. Можно отметить, однако, что влияние комсомола на нравы молодежи чрезвычайно сильно, и особенно оно проявилось в деревне нацменьшинств. Раньше зырянские юноши и девушки не могли встречаться и гуляли отдельно, а теперь вместе бывают на посиделках, да еще занимаются чтением газет, беседами о новом быте. Этот громадный сдвиг мог быть совершен только такой социальной революцией, как Октябрьская.

Комсомолец еще не научился смотреть на девушку, как на товарища, и это принимает часто уродливые формы. Здесь еще нужна глубокая работа над переделкой старой психологии и морали, пока не изжитых у комсомольцев.

Отметив важнейшие пункты работы комсомола, нельзя не коснуться еще подготовки смены—нашей пионерии, армии октябрат. Это разрастающееся с невиданной быстротой детское коммунистическое движение, руководимое комсомолом, не должно быть оставлено без внимания также и деревенскими комсомольцами.

Сейчас еще трудно говорить о формах пионерской работы в деревне, но, во всяком случае, имеющиеся факты убеждают, что это молодое движение в ближайшее время выльется в стройную мощную организацию армии юных ленинцев. «Смена смене» идет.

Мною отмечены сжато важнейшие моменты жизни и работы

деревенской комсомолки. Суммируя тот богатый материал, который дает нам сборник, нужно сказать, что за последние годы деревенским комсомолом сделано для деревни столько, сколько в другое время делалось в десятилетия и даже в столетия.

Комсомол в деревне—это богатая, неисчерпаемая сила, которая при поддержке комсомольцев города осуществит великие ленинские заветы. В работе деревенского комсомола много будничного, мало выделяющегося, но из этих маленьких усилий складывается большое целое, дающее подспорье коммунистической партии в деле строительства социализма в деревне.

«Больше внимания мелочам»,—сказал Ильич, и мы, учитывая эти мелочи, сумели сделать наши комсомольские ячейки такими, какой стала «Образцовая ячейка» в Выемкове.

Образцовая ячейка.

Среди лесов и болот Севера, в низине реки Вычегды, затерялась невзрачная деревушка Выемково. Приютилась она на бугре у задумчивого дремучего леса. Никто не знает, где кончается лес, и на сколько сот верст он тянется к югу. Говорят: меряла баба версты клюкой, да махнула рукой, а другого охотника не нашлось, так и не знают, где лесу конец. Притаилась деревенька и тихо слушает вековые сказки дремучего богатыря-леса, который навеивает ей угрюмую думу, суживает кругозор и стеной отгораживает деревушку от всего мира.

А с другой, северной, стороны бежит Вычегда, подбираясь все ближе и ближе к этой деревушке. Весной она так широко разливается, что все поля и луга покрываются водой, только торчащие деревья напоминают, что здесь не озеро.

Затопляется Выемково в большие разливы и плавает в воде. Сообщение налаживается такое же, как в Венеции,—из окна прямо в лодку и поезжай во все стороны. В избах детишки катаются на самодельных плотках из досок или скамей.

Поэтому нет ни склада, ни ладу в расположении домов. Для постройки выбирают место повыше.

Окружают село поля,—маленькие лоскуточки отвоеванной от леса земли, огороженные со всех сторон «огородами»—плетнем. Трудится крестьянин над ними со своим Савраской, прыгает по глиняным и песчаным буграм за сохой-кормилицей. Но природа не оправдывает его трудов. Разлив реки уносит озимые посевы, а заморозки в июне или в начале июля губят хлеб. Иной раз мужик с поля, кроме мякины, ничего не получит. Прибавляют к хлебу всевозможные суррогаты и пробиваются кой-как до нового урожая. От голодной смерти спасает отчасти заработок на лесных заготовках зимой и на сплаве леса по речкам и рекам вплоть до Архангельска летом. Свободного времени нет у северянина. Круглый год работа, которая едва-едва дает ему с семьей возможность существовать. Поэтому и нет в деревне кулаков, а бедняков хоть отбавляй. Только перед самой войной 1914 г. сумели выбиться три мелких торговца.

Жила деревня старыми дедовскими обычаями и получила прозвище «Дикий Ерусалим», где раньше «было 40 дворов, 80 еретников» (колдунов). «Ерусалимичи»—народ боевой, дикий: драку ли затеять, побить ли кого—для них разлюбозное дело. Петров день—храмовой праздник—ни разу не проходил без драки. В драке, если не было под рукой ножа или еще чего пострашнее, в ход пускались колья, жерди, поленья. Убийств не бывало, но увечий—сколько угодно. Парни дрались не только деревня с деревней, но и в той же деревне один конец испокон веку враждовал с другим. На игрище, где чаще всего затевались драки, в общей свалке попадало и девицам, особенно тем, которые «морговали» буянов, не хотели с ними плясать.

В темные зимние вечера процветало озорство. Утащат сани с какого-либо двора в лес за деревню. Колодец засадят дровами и соломой. А бывали даже и такие случаи, что, забравшись на крышу дома, закладывали дымовую трубу. Напугать крестьянина стуками в стену буянам ничего не стоило. Большею частью озорничали рекруты, пользуясь своим правом неограниченной свободы.

Девушки жили более замкнуто в семье. Родительская воля была законом, который исполнялся свято. Изредка случалось и в старину, что девица «оступится». После этого горе и несчастье преследовало такую «оступившуюся» не только в семье отца и матери, но еще больше того в семье мужа.

Чтобы девушка не «обесславил» род, ее одну редко отпускали на гулянку. Брат, замужняя сестра, нередко мать сопровождали ее.

Только перед войной немножко посвободнее стало жить. Но все же и теперь иная мать, желая поучить двадцатилетнюю дочку, нередко бьет ее наутро, после не в меру затянувшейся гулянки. Лопата, ухват, возжи—все пускается в ход.

В деревне сейчас 125 дворов и 675 человек населения. Каждая отдельная семья живет замкнуто. Братья делятся сразу же после женитьбы, но нередко случается, что и потом живут в одной избе, так как младшему по разделу достается или холодная горница или баня. А своей избы еще нет.

В конце 90-х г.г. открыта была в Выемкове церковно-приходская школа, но редко кто ее кончал. Учились только мальчики. «Парень, мол, пойдет в солдаты, а там грамота пригодится». Только в последние годы перед войной девочки стали посещать школу.

Церковь выстроена давно. Но хотя она и посещалась прихожанами, все же доходов не давала. Кроме попа и учительницы, никого из интеллигенции в селе не было, да и сейчас нет, если не считать учащихся разных средних школ и одной студентки ВУЗ'а.

В настоящее время в Выемкове работает сильная комсомольская ячейка, организованная еще в 1920 году. Война всколых-

нула деревню,—половина взрослых мужчин ушла на фронт, и только часть их впоследствии вернулась. Побывав в новых местах, в плену, они многому научились и насмотрелись и в деревню занесли новые веяния.

А там и революция докатилась до Севера. Но резких изменений в экономической жизни революция не произвела. Газеты сообщали о борьбе не на жизнь, а на смерть где-то там далеко в центре. Здесь же читали, да обсуждали: что за время такое пришло? И, должно-быть, смекнули, какое пришло время,—все бедняки деревни потянулись в ряды партии.

Молодежь ухватилась за газету. Не удовлетворяла уже старая жизнь, такая непохожая на ту, о которой писала газета. Вот что пишет один комсомолец в своих воспоминаниях об этих годах в деревенском журнале «Юношество» от 15-го февраля 1923 г. «Сретенье—праздник большой в деревне. Мы, тогда еще подростки лет 16—17, шатались по деревне отдельно от взрослых ребят. Затевали свои игрища, а то и просто, если нет никакого веселья, шли играть в карты. Надо заметить, что для карточной игры существовали отдельные притоны. Так вот в этот праздник собрались мы в избе одного из товарищей и как-то нечаянно наш разговор перешел на ту тему, что вот, дескать, везде в России открываются кружки молодежи, да вот и в нашем уезде, в селе Лантышском, молодежь уже хочет ставить спектакли. Как бы это нам организовать?»

— А что, ребята, давайте и мы откроем кружок,—предлагает один из товарищей.

— Надо официально. Собрание надо открыть да председателя с секретарем выбрать,—замечает другой,—и потом уж решать такой вопрос.

Избираем председателя и секретаря и начинаем обсуждать вопрос о кружке. Плохо складываются речи. Только из отдельных фраз можно понять, что действительно вся присутствующая молодежь загорелась желанием начать разумную работу. Решили тогда на собрании открыть запись в члены Выемковского культурно-просветительного кружка молодежи, и тут же записалось 15 человек. В скором времени установили связь с учительством, с уездным отделом народного образования, выработали устав и пошла работа».

А вот что пишет другой участник организации культурно-просветительного кружка о выработке устава. «Председателю, секретарю и казначею поручено было выработать устав кружка. Ребята тут призадумались, как же это выработать устав? Идут в УОНО, но там получают отказ: «Если вы организовали кружок сами, так и устав выработайте сами». Однако мы не ушли и добились, наконец, того, что нам показали какую-то ин-

струкцию об организации школьных советов. Возвращаясь домой, дорогой ребята повторяют прочитанное,—как бы не забыть. Вечером в тот же день был выработан устав, при чем еще пользовались для руководства уставом какого-то товарищества».

Таковы были первые шаги молодежи по пути организации. Для дальнейшей работы необходимо было помещение. Толкнулись в УОНО, предложили следующую комбинацию.—Необходимо школу перевести из здания б. церковно-приходской школы в дом попа, сбежавшего к белым. Это здание гораздо пригоднее для школы. Освободившуюся школу использовать под клуб. Формальная сторона дела была быстро улажена.

Помещение оборудовали, убрали, сколотили сцену и открыли «Клуб имени А. В. Луначарского». К этому моменту уже была закончена ликвидация белых банд, организованных англичанами.—Кровавые события прокатились и в наших краях.

Впервые за сотни лет местное население очутилось в прифронтовой полосе и пережило все ужасы ее, хотя и непродолжительные.

Расстрелы коммунистов белыми революционизировали население, а тем более молодежь. Клуб в этот момент являлся местом собраний и центром всей политической жизни деревни. Но сразу не могла наладиться быстрая ликвидация политической безграмотности,—не было руководителя.

Молодежь пошла по линии наименьшего сопротивления. Занялась культурно-просветительной работой, главным образом постановкой спектаклей.

Было положено начало библиотеке. Каждый член клуба, кто имел дома хоть какую-нибудь книжку, тащил ее в клуб. А в дальнейшем решено было собирать книги по деревне. Но много собранных книг оказались непригодными для библиотеки. Большая часть книг получена от УОНО. К лету 1924 года в библиотеке насчитывается до 2.000 томов, из них очень много ценных по всем отраслям. Богаче всех отдел беллетристики. Имеются почти все русские классики.

Организация клуба населением была встречена недружелюбно,—особенно стариками и женщинами. Мужчины же, побывавшие на войне, не только посещали клуб, но даже записывались в культурно-просветительный кружок. Членами клуба числились и бородачи под пятьдесят лет.

Трудна была постановка первых спектаклей. Многие из молодежи не видели ни разу в жизни спектакля. Пришлось для этого специально ходить в город, чтобы разузнать, как все это делается. С женскими ролями приходилось еще хуже. Но ребята не задумывались. Переодевшись в бабий костюм, разыгрывали, кого надо. А так как в соседней Лантышской организации некоторые

ребята очень хорошо «нарепетировались» на исполнении женских ролей, то естественно, что создалось сотрудничество. «Артисты» приезжали и проводили у нас свои роли.

Решено было поставить пьесу из местной жизни во время белых банд: «Под сапогом капитана Орлова». Потребовалось много участников. Ребята мобилизовали всех членов кружка, прихватив не только партийцев, но и мужиков, даже тех, которым было под 50 лет. Но выступление на сцене было признано деревней позором. Один местный крестьянин, демобилизованный солдат, принял горячее участие в этой постановке. Он все время был одним из деятельных членов кружка. Проводя вечера в клубе, выступая на сцене, он этим самым дома у себя создал целый ад. Жена не могла простить ему его «актерство». Ни уговоры, ни ругань, ничто не помогало. Она плакала целые дни, причитая, что он ее обесславил не только на всю деревню, но даже на всю волость, что ей теперь нельзя никуда выйти, стыдно и лицо показать на улицу. Семейная вражда доходила до драк и чуть было не окончилась вовсе разрывом.

И вся деревня так посмотрела на новую выдумку ребят. Осуждали больше всего пожилых женатых мужчин.

— Уж пусть ребятняк веселится да «беса тешит», а женам-то «не к лицу». Дети большие, скоро надо женить и замуж выдавать, а отцы в «дурь» пустились. Вторую молодость захотели справлять, одной-то, вишь, нехватило. Пора грехи замаливать, а они еще «наряженными» в клубе бегают,—ворчала деревня.

И первые «спертáки» (спектакли) прошли весьма и весьма неудачно. Мало кто приходил смотреть,—женщин и вовсе не было. Но постепенно любопытство брало верх, и вскоре зал уже не вмещал зрителей.

Месяца 3—4 спустя появились на сцене и девушки, более смелые, из тех, у которых братья или отцы работали в клубе. И доставалось же им за это! Сколько всяких сплетен сочинялось—не перечать. Клуб считался местом разврата; так его и звали «заразой». Старое поколение шипело во всех углах, пугая молодежь «грехом», суля за тешение беса горящую смолу в аду. Но надо сказать, что молодые женщины не прочь были бы сходить на «приставление», да боялись злых языков кумушек.

Молодежь не унывала. Весной заново перестроили сцену, оклеили газетами все комнаты, перенесли на новое, более удобное место печь, украсили клуб, купили занавес у местной крестьянки и с упоением продолжали работу. Организовали новый литературный кружок и наладили в нем занятия.

Спектакли ставили довольно часто. Шел большею частью Островский. Новых пьес было очень мало. Одну и ту же пьесу

повторяли 2—3 раза. Грим был удовлетворителен. О костюмах не приходилось и говорить. Нельзя было в деревне достать ни одного костюма. Не давали,—боялись, что «споганят». На сцене «беса тешат», а потом хозяин пойдет в нем в церковь. Такого греха не отмолить! Сильно доставалось за это артистам от родни. Чтоб привлечь на спектакль родню артистов и этим снискать себе расположение, а также иметь возможность при случае достать необходимый для сцены костюм, все участвующие получали бесплатные билеты для родни. Имея билет, принесенный дочерью или сыном, старуха-мать раскачивалась, долго ворчала, иногда ругалась, но, в конце концов, все-таки шла и постепенно втягивалась. Смолкала постоянная ругань в семье, и вся семья постепенно заинтересовывалась новыми спектаклями,—чудно, ведь!—как ни придешь смотреть, кажинный раз все новое показывают. А, ведь, другие так «баско» (красиво) играют, любо посмотреть.

Нравилось публике больше всего комическое. Хо́хот во время такой пьески не смолкал. Постоянно слышались из публики соответствующие комментарии.

Но недолго просуществовала «культурка». Ровно через год был организован комсомол, а культурно-просветительный кружок распущен. Если членов последнего насчитывалось до 80 человек, то в комсомол записалось всего 14 человек. В настоящее время к концу августа 1924 года в рядах комсомола числится 27 человек, из них девушек 12 человек. За летние месяцы вновь вступило 4 девушки. Нужно отметить, что за этот период приток новых членов громадный.

Ком'ячейка успела за этот период достаточно широко вернуть свою работу и завоевать себе авторитет.

Но на первых порах комсомол был встречен враждебно, даже со стороны молодежи. Более буйные элементы деревни, невоздержанные на слово и дело, не хотели и нетерпели никакой организации. Они видели, что молодежь уходит из-под их влияния, и решили мстить за это комсомолу. Они не могли примириться с тем, что «организованные» ребята давали им отпор,—не подчинялись их грубой силе. Много и долго негодовали они на то, что комсомольцы считают себя передовой крестьянской молодежью.

— Записались в союз, так и начали «возноситься»,—говорит в кучке собравшихся ребят-единомышленников такой ненавистник комсомола.

— И не говори,—«передовая молодежь!»—вторит другой.

— Как же, подумаешь! Когда успели передовыми стать! Мы в клубе-то тоже умели сидеть...

— Наставить банок передовым-то, гордость-то и слетит.

— Не худо бы проучить лицих-то,—заключает кто-то из кучки.

И ватага идет напролом. Отыскивает сначала какой-нибудь повод для этого. Что сделать? Распрекрасное дело итти в клуб и на шуметь там хорошенько, изругать всю комсомолию почем зря.

А комсомюзники не любят ругательств, как чорт ладона. Чтoб ни-ни... а то чуть чего, вежливо попросят выйти.

— Товарищ, здесь нельзя выражаться,—обращается комсомолец к парню, «кроющему по верхушкам».

— Чево? Я сижу смирно,—отвечает нехотя забияка. Но через несколько минут забывает, повторяется старая история.

— Товарищ, не забывайте, что вы в общественном месте. А то я попрошу выйти,—раздается строгий окрик комсомольца.

— А ты чего ко мне пристал? Не твой клуб. Общйй. Дома на печке распоряджайся,—слышится ответ.

— Подумаешь, хозяин нашелся. Видали мы таких-то!—задирает следующий.

Поднимается общйй хохот, и как будто в припадке сильного смеха буяны падают на пол со скамейки, а на самом деле просто, чтоб поломать ее.

Занятия прекращаются. Комсомольцы тоже выходят из терпения; но в клубе дальше словесных перепалок дело не идет. Только в пьяном виде «оппозиция» лезет в драку, но в такие критические минуты буянов всегда усмиряют или попросту вытаскивают из клуба на улицу. В отместку за это в ту же ночь в клубе оказываются выбитыми все стекла. Достается и ребятам-комсомольцам. В темные ночи шайка, засев в укромное местечко, поджидает возвращающихся домой комсомольцев. Орудия борьбы с ними—это камни, колья, поленья. Но редко удавалась такая ночная засада. Мальчики-подростки выследят или девицы наткнутся случайно на теплую компанию,—сейчас же передадут комсомольцам. А путей к дому сколько угодно. Так и просидят, не солено хлебавши, приятели до утра или до «заморозу», в холодную пору. Комсомольцы, зная, что их подкарауливают, меняли каждый день путь своего возвращения домой. Только клуб страдал. Часто приходилось вставлять стекла или же заделывать окна досками или картоном,—годы такие были, что едва-едва можно было достать стекло.

Такое «окружение» заставляло ячейку смыкаться теснее. Работа протекала преимущественно только в клубе и среди своей среды. Но комсомол все больше и больше креп и твердо шел по намеченному пути, опираясь на уездную ячейку и партию.

Постепенно все шире и шире развертывалась работа. Возникли кружки хоровой, литературно-художественный. Стали издавать и свой журнал «Юношество». На него много сил и времени уложили. Немало вечеров сидели ребята, ломая головы над сочинением той или иной заметки.

Ряды пополнялись все новыми и новыми членами. Но ряд мобилизаций по комсомольской линии унес лучших работников из рядов ячейки. Все они пошли в учобу в военные учебные заведения. Один в 1924 году уже окончил Толмачевский военный институт, трое учатся в 1-й пехотной школе, и один в военно-политическом морском училище в Ленинграде.

Девушки не вступали в комсомол до 1922 года. Большинство вступивших были учащиеся школы-семилетки. Много пришлось пережить им. Долго скрывали они, что записались в союз. Часто дома их били, не пускали в клуб, не говоря уже о постоянной ругани. Все комсомольцы в такие минуты отмалчивались, стойко выдерживали нападения и нередко тайком убегаи в клуб на собрания.

Слова «комсомолец» и «лодырь» были равнозначные.

— Чево вы там в своем ненаглядном клубе делаете?—ворчала мать.

— «Лодыря корчат»,—категорически заявлял отец.

— Даровая, только мотаешься. До 20 лет сидишь у отца с матерью на шее. Век, што ли, тебя будем даром (без работы) кормить,—кричала мать дочери-комсомолке,—день и ночь шатайтесь, бесстыдницы! Успеете еще набегаться потом, когда будете побольше. А ежели ты у меня осрамишься,—мотри, убью, не посмотрю, что за вас вся «камунья» (коммунисты) стоит. Только сделай у меня, так я на тебе живого места не оставлю, волосы все выдеру, да и выставлю за дверь,—иди тогда в свой клуб, а мой дом и не знай!—кричала совсем расхордившаяся матушка.

Но, помня пословицу, что «брань на вороту не виснет», девица терпеливо все выслушивала, не отвечая ни слова. А в праздник ворчливая мамаша важно сидела в первых рядах в клубе и любовалась, как ее Катя или Машутка «разделявала» какую-нибудь барышню.

Огонек в клубе привлекал молодежь и мужиков. Не ко всякому в дом можно зайти. Дома же сидеть—скука зеленая, поневоле пойдешь в клуб. Там всегда всякому место найдется, да и послушать кой-чего можно, новости все узнать.

«На огонек» шли все.

— Ну, айда, ребята в клуб. Посмотрим, что там делают,—говорит из толпы парень, проходя мимо клуба.—На улице холодно.

— Пойдемте,—заключает гармонист,—руки замерзли играть. Толпа ребят вваливается в клуб.

— Здорово, Ваня, Миша... это гармонист обходит всех присутствующих, здороваясь за руку с комсомольцами.

— Марья Васильевна, Елена Петровна, здравствуйте!—Это уже обращение к комсомолкам. Как же,—барышни—и неудобно по-

этому по батюшке не величать. Принято у молодежи девушек величать по имени и по «изотечеству».

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь,—приветствуют комсомольцы. А так как стулья и скамейки заняты, то они теснее усаживаются, давая место вновь прибывшим.

Комнатка скоро наполняется. Уютно в ней. На столе горит лампа, а не лучина, как в избе. Коптит немножко, да это ничего. Потому и коптит, что самодельная. На стене висит портрет Ленина, под ним плакаты «Берегите книгу—она друг», «Книга—лучший друг, который объяснит все, что тебе непонятно». Не удивляйтесь,—здесь библиотека, то-есть здесь стоят шкапы и полки с книгами; производится выдача книг в определенные дни. В другом углу стоит другой шкаф. В нем добра много! Хранятся в нем театральные костюмы, что дал УОНО, парики, грим. Парики делали сами. Специалист был среди ребят, которого родные возили в Питер, где он учился «на парикмахера», а вернувшись домой, он был организатором культурно-просветительного кружка, а также и комсомола в своем селе.

В этом же заветном шкапу хранились и хранятся все дела ячейки и кружков. На двух окнах висят занавесочки,—они необходимы. Эта комната во время спектаклей превращается в гримировочную. В обычные дни это комната для занятий. Ведь в клубе только и есть эта комната, зала со сценой, да малосенькая кухня.

В первые годы, когда еще мало кто заглядывал в клуб в будни, маленькая «клубная» комната вмещала посетителей. Но уже зимой 1923—24 г. то-и-дело приходилось переносить занятия в зал.

Приход посторонних посетителей не прерывал занятий, если приходящие не были из «оппозиции».

Беседа часто шла о религии, о боге, о сотворении мира; выяснялось здесь происхождение земли и человека, планет; толковались явления природы—гром и молния, непонятное по сущности северное сияние и прочее; даже опыты ставились. Не было вопроса, который бы не давал материала для бесед в клубе в длинные зимние вечера. Пришедшие втягивались в общую беседу. Ведь редко кто не задумывался надо всем этим. А теперь все это толковалось по-новому, становилось понятным, ясным.

Чтение газет не стояло в стороне. Политика тоже давала темы для разговоров на целые вечера.

Литературный кружок часто читал рассказы, стихотворения классиков, повести. От них часто переходили к своим деревенским сказкам. Нередко с такими «побывальщинками» выступали «гости». В общей беседе время летело. Далеко за полночь расходились из клуба.

Нужно отметить, что такие беседы часто шли совсем не по плану. Но зато и обсуждались вопросы самые жизненные, злободневные.

Репетиции всегда привлекали много публики. Это поднимало настроение актеров, а также шла более детальная отделка пьес. Все присутствующие делали свои замечания. Привлекали на сцену и молодежь не-клубников. Предлогом служило часто отсутствие того или иного артиста.

— Ваня, иди на сцену, проведи действие,—обращается руководитель постановки пьесы к какому-нибудь случайно зашедшему пареньку.

— Будешь играть купца, который всю семью держит в кулаке. Парень польщен, краснеет, тянет басом:

— Не умею я, не знаю ничего.

— Научим,—бойко отвечает разбитная комсомолка Лиза.

— Мы тоже не умели, а теперь научились. Ну-ка, иди.

— Следующий спектакль потребует много действующих лиц. Вот учись теперь, а на другой раз в спектакле будешь выступать,—наперебой тараторят ее подруги, желая расшевелить упрямого парня. Последний медлит. В зале начинают шуметь. Кто трунит, кто уговаривает.

— Полно ломаться! Иди-ка, разыграй купчину,—доносится с другого конца.

— Что трусишь? Храбрость города берет. Залезай на сцену,—торопит руководитель.

Смущенный даже вспотевший парень, но с улыбающейся физиономией, влезает на сцену. Сначала не умеет ни встать, ни повернуться, руки мешают, язык не повинуется. Но проходит первая робость, и, глядишь, выработается сначала плохенький, а к концу года хороший исполнитель тех или иных ролей. Девушка идет на сцену охотнее, чем парень. Каждому и каждой всегда хочется сыграть хорошо, чтоб публика одобрила. Плохих актеров осуждают. Поэтому невольно каждый стремится не ударить, что называется, лицом в грязь.

Побывав раз на сцене, парень и девушка мало-по-малу втягиваются в общую жизнь клуба. А отсюда—прямой путь через кружок в комсомол. Нужно определенно сказать про девушек, что большинство их, если не все, прошли именно этот путь. Вступив в комсомол, они становятся активными в работе, навек к которой приобретен уже в предыдущей кружковой деятельности.

Зима 1922—23 г.г. прошла под знаком работы среди молодежи. Взят был определенный курс на вовлечение всей беспартийной молодежи, хотя бы в клуб. Для этой цели комсомольцы стали разрешать танцы после спектаклей, несмотря на то, что

«сверху» летели бумажка за бумажкой о прекращении в клубе всяких танцулек.

На 1—2 часа молодежь задерживалась в клубе и веселилась во-всю. Если же этого не было, то часто после окончания спектакля нанималась изба под «игрище», и молодежь проводила там остаток вечера. На «игрище» же выступала на первый план «оппозиция» и бесцеременно хозяйничала там, разрушая тем самым работу ячейки. И вот сразу же можно было заметить, что «вечорок» в деревне уже становится на три четверти меньше, чем в довоенное время. «Игрища» устраиваются только тогда, когда приезжают из других деревень парень или девушка на побывку к родным. Такой обычай заведен, что хозяин делает «игрище» для гостей.

Но теперь, повеселившись вдоволь в клубе, девушки расходились по домам, а для парня в этом была экономия: чтобы нанять избу под игрище, надо дорого заплатить, достать керосин и все прочее. Керосин ценился очень дорого и считался большой роскошью. Денег у молодежи не было, а таскать от батьки хлеб «как-то нехорошо». В клубе же платить не надо, только всего и заботы, чтобы уговорить гармониста да найти гармошку-венку.

Девушкам клуб нравился не меньше, чем парням. Здесь можно всякие танцы потанцевать, а на игрище только одну кадриль, «барыню» да «восьмерку». К тому же здесь «приличнее»,—парням не дают «крыть по верхам» и безобразить.

«Оппозиция» не успокаивалась, хотя ряды ее сильно редели; устраивала скандалы больше в пьяном виде. Когда объявленное время для танцев истекало, секретарь ячейки или заведующий клубом объявлял танцы законченными. Вот тут-то и «поднимают бучу» буяны. Не уходят и с кулаками и руганью требуют продолжения танцев. Двое-трое встанут в дверях, чтобы никого не выпускать, а остальные требуют продолжения вечера. Поднимается суматоха. Буян в пылу начинает работать кулаками. Но тут всегда находились сторонники комсомольцев, скручивали буянов и выставляли на чистый воздух для освежения. Вечер заканчивался. Но первое время, когда на стороне клубистов не было еще и половины всех ребят, им приходилось иногда идти на уступки в том случае, если они видели, что «оппозиция» слишком воинственно настроена или у нее было больше сторонников, чем у клубистов. В общей свалке страдали главным образом мебель и двери. А ночью или в ближайшие дни—стекла и рамы выбивались в отместку за позорное изгнание из клуба.

Но вскоре этому был положен конец. Убедившись, что большая часть беспартийной молодежи и вообще всего населения на стороне «комсомольцев», комсомольцы составили акт на одно

дебоширство «оппозиции»,—кстати подвернулся в этот момент волостной милиционер. Суд приговорил буянов к общественным работам по пилке дров в советских учреждениях города. Это было зимой 1923 года.

Жизнь показала, что постепенно беспартийная молодежь втягивается в клубную работу. Надо было ее окончательно втянуть в общую комсомольскую работу, а также завоевать себе авторитет в глазах всего населения. Эти две задачи выдвинула жизнь, комсомол поставил их на очередь дня и соответственно этому строил свой план работы. Начало зимы 1923 года—поворотный пункт в этом смысле. Нужно было показать свою работу, чтобы рассеять недоверие населения к ячейке и положить конец всему тому, что еще говорилось о «комсомюзниках».

Кто такой был комсомолец? Что о нем думали?

Перво-наперво—«лодырь», который все больше языком болтает, а дела не любит. Штается поздним вечером да ночью, только собак гоняет.

— Все про себя говорят, что учатся, а какое их учение—один грех. Книжки непутящие читают, а возьми любого, так ни один, поди, ни псалтыря, ни часослова не знает.

— Да, учатся,—сказали тоже,—заставь трем собакам «шти» разлить,—не сумеют.

Скептически относились ко всем разговорам комсомольцев о машинах и их применении в сельском хозяйстве. Одно говорили:

— Лень работать,—вот про машины и выдумывают; им охота легко, по-барски жить, ночь проштатаются—все утро и спят. Ан, нет! Ты поработай с утра до вечера, как мы, бывало, работали.

Выдвигался серьезный вопрос, от разрешения которого зависело дальнейшее существование ячейки. Кроме очередной работы среди девушек и женщин, надо было «завоевать» мужика, точно так же, как завоевали беспартийную молодежь.

Как подойти к мужику? Как лучше сделать «увязку»? Обсудили комсомольцы и взялись за дело.

Чаще стали заглядывать на сходы деревни. Взялись «секретарить» на них. С этого началось, а там и дальше пошло. Как какое собрание случится, комсомольцы подготовят доклад о международном положении, о кооперации. Сами выступают или попросят старших партийцев. Кооперация в докладах получила всестороннее освещение,—главное, живой пример был налицо. В городе в кооперативе работал местный крестьянин, посланный как делегат от деревни и потом выбранный в правление кооператива. Заинтересовавшись работой, он поставил кооператив на должную высоту. Он был активнейшим членом-правленцем, постоянно делал доклады на собраниях, вербовал новых членов,

вел агитацию за открытие кооператива в своей деревне, что и было осуществлено к началу зимы 1924 года.

Все более и более популярной становилась комсомольская стенгазета. Обличая в «отделе местной жизни» те или иные упущения и деяния, явно недопустимые, как, например, покосы чужих пожен и т. п., стенгазета будоражила «общественное мнение» деревни. Часто на сходах выносились те или иные постановления только потому, что нельзя было оставить без последствий что-либо «продернутое» в стенгазете, необходимо было воздействовать определенным образом, дабы улегся шум, поднявшийся вокруг затронутого стенгазетой вопроса. Так стенгазета приучала к активности.

Комсомольская ячейка взяла шефство над школой. Развалился старый поповский дом, стекла повывбиты, затянута картоном, фанерой; ворота и забор свалились. Огород некому вспахать, денег в школе нет, а даром никто пахать не поедет. И в летнее время некому за огородом посмотреть. Думала, думала учительница и решила от имени школьного совета предложить комсомолу взять шефство над школой. Знала она ребят как хороших работников, относилась к ним по-товарищески. «Увязка» была необходима еще и потому, что школьники часто проводили вечера в клубе.

Ячейка, обсудив вопрос, приняла шефство над школой. Означено это было тем, что сделали в школе самый необходимый ремонт, а для того чтобы сколотить нужную на ремонт сумму, поставили специально с этой целью несколько спектаклей. Шефы вставили стекла, починили забор и ворота, вспахали огород и помогли засадить его.

Как раз в тот год во время весеннего разлива уровень воды был небывалый. Все село буквально плавало. Течением уносило все, что не было укреплено или привязано. На дворе школы лежало много дров, как распиленных, так и в бревнах. Вода, подбравшись к школе, не пощадила бы этих дров. Спасать надо. А кто же пойдет? Все у себя дома заняты, тоже колья, жерди, дрова спасают, сено, солому несут с гумен, у того своротило течением баню, амбар на бок покосился, у другого жилой дом полон воды. Не до соседа! Свое надо спасать, пока не унесло. Но и тут на выручку школе пришли шефы-комсомольцы. Первым долгом сделали запруды, чтобы дрова не расплывались. А затем стали кидать поленья на поветь, где совсем было пусто. Поочередно дежурили и отстояли таки своего «подшефника» от «всемирного потопа 1923 года».

Мужики не пропустили случая. И хоть одобрения явно не высказали, а все же между собой переговаривались, что, мол, вот не ребята бы, так у школы все дрова унесло бы. Где учи-

тельше справиться с водой, коли вон у Петровны даже баню своротило. И тут впервые, может быть, стало ясно, что школа это не есть нечто свыше предписанное, никому, кроме поддерживающего ее «начальства», ненужное, как исстари привыкли смотреть на церковно-приходскую школу. На-кось, какое дело! Ребята вздумали спасти школу, чинить ее... Призадумался мужик. Вот и мой Пашка бегаёт туда второй год. Надо с осени и другого посылать. Не будет дров, замерзнет малыш, тем более, что одежда плохая. Хорошо, что спасли ребята дрова, не прозевали... А если бы унесло, надо опять привозить. Погнажи бы нас же, а разве есть время? Даром (без денег) не больно охота робить.

Летом комсомольцы отлично следили за школьным огородом, растили и оберегали его от хищников, крылатых и двуногих. Свой клубный огород тоже содержали образцово. Весь необходимый ремонт клуба произвели летом своими силами. Зимой запасли бревна на тес, чтобы покрыть крышу и сделать новое крыльцо у клуба.

Мужики только ухмылялись и выжидательно поглядывали на ребят.

Осенью на очереди стоял вопрос о вовлечении девушек и женщин в клуб. После долгих обсуждений решили устраивать в клубе по вечерам «посиделки». Все желающие могли приходиться в клуб с работой, без различия, какая это работа. Светло и тепло в клубе всегда будет, и—в этом полная гарантия—никто работать не помешает.

Робко, неуверенно в клубном зале появилась прялка, одна, другая, третья, зажуужали веретена, ныряла иголка по изодранной мужниной или братниной рубашке, вязальные спицы замелькали в проворных руках. Застрельщицами здесь были, конечно, комсомолки. Они подговаривали сначала девушек-подруг, заходили по пути к соседям звать с собою в клуб, тащили и молодух. Да вскоре никто и не отказывался от приглашения. Чем скучать в своей избе да при лучине портить глаза, так разве не лучше пойти в клуб,—там горит керосиновая лампа, не смолкает оживленная беседа и читают журналы «Крестьянка» и «Безбожник». Узнаешь и про политику,—какие такие на белом свете есть «Германия», «Америка», «Хранция». Про Ленина и Карла Маркса расскажут. Карла Маркса называли просто Кар Мар,—больно тяжело выговаривать, имя мудреное,—жаловались бабы,—«язык не ворочается».

Конечно не все вечера проходили по определенному плану. Ведь это был первый опыт массовой работы. Иногда беседа отклонялась в сторону и начинали рассказывать потешные истории, сказки. Почти каждый вечер заканчивался пением старинных

песен. Обсуждались жизненные вопросы, касающиеся девушек и женщин,—о их правах, о браке и т. д.

Женщин на клубных «посиделках» было гораздо меньше, чем девушек. Женские конференции туго входили в жизнь. Выделенные делегатки плохо посещали собрания в городе и слишком редко отчитывались. Но все же первые шаги были сделаны.

На посиделки не возбранялось приходить всем, кто пожелает. Сначала такие посиделки были встречены не особенно дружелюбно,—считали их пустой затеей. Но девицы своей работой доказывали, что они там проводят время не попустому и работают не хуже, чем дома. «Вещественные доказательства» говорили сами за себя. Девица приносила столько веретен, сколько полагается сделать за один вечер.

Постепенно недоверие исчезало.

Много шуму и разговору наделал религиозный диспут на тему: «Религия—опиум народа», устроенный комсомольцами.

«Народушку собралось страсть! Негде было сидеть. Сам «ба-тюшко» (священник) выступал».

Поэтому пришли все старики и пожилые мужики. Но женщин было мало.

Диспут начался в 10 часов вечера, а окончился в 5-м часу утра. Докладчиком был приезжий из города агитатор, окончивший педтехникум, парень умный и начитанный.

Священник не был заранее оповещен и поэтому рано ушел с диспута, ссылаясь на то, что он не подготовлен. Страсти разгорелись, и прения сторон затянулись. Выступали религиозные старики, которые упрямо защищали веру и церковь. Особенно один старик удивил всех своей религиозной страстностью. Он здесь же при всех вдруг ни с того ни с сего заявил, что он «верит в бога и за него отдаст свою жизнь, если бы даже его за это сейчас расстреляли». Комсомольцы не раз наблюдали за ним. Он способен часами выстаивать на молитве.

На диспуте комсомольцы, конечно, растолковали всем, что никто религию не преследует и каждому дается свобода верить, как он хочет. Цель же диспута такова, чтобы объяснить, для чего нужна была религия раньше старому строю и как она возникла в прежние времена. Ставили в вину комсомольцам одно: зачем они не предупредили заранее священника.

Но, тем не менее, крестьянское миропонимание было взбалмучено. В течение долгого времени было много разговоров о диспуте. На комсомольцев-безбожников махнули рукой. Все равно не переучишь. Сами в грехе, сами и в ответе. Ячейка же тем временем неустанно проводит свои безбожные взгляды в газетах и журналах клуба, не упускает ни одного случая ввернуть свое слово. Антирелигиозная пропаганда рассчитана на 10 лет.

В течение этого периода необходимо подрастающее и все теперешнее молодое поколение сделать безбожным, а в 1934 году праздновать открытие клуба в местной церкви. Этот план поддерживается неверующими мужиками, а таких, как известно, после войны и революции немало. Они благоразумно советуют молодежи не горячиться и не лезть на рожон. Пионеры растут безбожниками; молодежь, в особенности парни, сплошь и рядом неверующие. Остаются старики да бабы,—единственные посетители церкви. Мужики посещают церковь редко. А если и идут, то не в церковь, а в церковную сторожку. Это тоже своего рода мужичий клуб. Пока идет обедня, много вопросов можно обсудить о политике да о налогах. И о боге и святых тоже нередко речь заходит. Чудеса потеряли свою чудесность, а попы получают должное за свою праведную жизнь. Махорка-самосадка потребляется при таких спорах в двойном количестве, аргументы подкрепляются «скромными» словечками, и люди забывают о том, что сидят рядом с церковью. Увлечшись разговорами и спорами, забывают и про обедню и, не заходя в церковь, из сторожки расходятся по домам, иногда до, а иногда много после окончания службы.

В дальнейшем центр тяжести работы ячейки перенесен был на агрономию. С этой целью договорились с районным агрономом, чтобы он читал лекции или вел беседы с крестьянами. Местный агроном, имея за собой громадную практику на нашем Севере и являясь местным уроженцем, сразу же завоевал симпатии населения. Беседы его посещались охотно, чуть ли не охотнее, чем спектакли. Женщины шли особенно охотно, когда беседа касалась кормления скота, разведения капусты, льна. Несколько бесед о сортировании семян перед высевной кампанией повлекли за собой то, что большинство крестьян сеяло сортированными семенами. Крестьяне сами даже попросили агронома сделать доклад об устройстве маслодельного завода. «Растолкуй нам, что выгоднее: сепараторы или старый способ, как наши бабки русское масло сбивали». После этой беседы составилось определенное мнение, что необходимо построить маслодельный завод.

Туго идет дело с трехполкой,—не могут никак еще с ней расстаться, и никакого определенного мнения нет по этому вопросу, кроме того, что, мол, «это самое многополье у нас неприемлемо». Есть желание сеять горох, клевер, но, к сожалению, нет семян. Но в области сельскохозяйственной агитации комсомол успешно начал свою работу, и он проведет до конца свою линию.

Сельскохозяйственная литература читается как молодежь, так и мужиками, что пограмотнее. Комсомолец заинтересован в том, как бы лучше поставить хозяйство по-новому, а крестьянина инте-

ресует доходность от хозяйства. Ведь бюджет крестьянина основан на этих доходах. С каким любопытством была встречена первая на селе сеялка, купленная одним кооператором! Вся деревня сбегалась ее посмотреть.

Весна для выемковских комсомольцев принесла новую весть. Губком РЛКСМ объявил конкурс по губернии на лучшую деревенскую ячейку. Комсомольцы решили принять участие в конкурсе. Постоянно общаясь с другими ячейками, они видели, что работа у них идет не хуже других. А когда члены ездили на съезды в губернию, то и там выяснили, что работа в центре идет не лучше, чем у них.

Набравшись храбрости, зарегистрировались и попрежнему продолжали свою работу. В клубе к весне работало уже пять кружков: драматический, спортивный, хоровой, литературно-художественный и научно-политический. В течение зимы почти вся беспартийная молодежь была втянута в клуб. Завклубом был беспартийный. Он работал до военной службы в «культурке» и, демобилизовавшись, принял самое деятельное участие в работе ячейки, выделяясь организационными способностями.

Трудно было уловить границы комсомольской работы и отделить ее от работы клубных кружков. Беспартийная молодежь и комсомольцы работали единым фронтом. На всех кружковых занятиях чувствовалась полная заинтересованность и, так сказать, «спетость» участников. На занятия приходили не только члены клуба, но и вся интересующаяся молодежь, мужики и в одиночку даже женщины. Для всей молодежи клуб стал родным гнездом. Только что заканчивается дневная работа, как со всех концов деревни стекается свободная публика. Около клуба или в самом клубе молодежь проводит весь вечер. Летом особенно процветал хоровой кружок. Приехавшая на каникулы учащаяся молодежь привезла из Ленинграда новые революционные песни, которые и были разучены хором.

Шли на спевки все, кто сколько-нибудь умел петь. Скоро вся деревня распевала «неслыханные» песни. Возвращаясь домой в теплые летние ночи после занятий, стройно распевали карманьолу, и звуки ее эхом отдавались в чутком лесу. Новая жизнь шла в деревню, шла бодро и уверенно. Молодые силы, полные энергии, встречали ее, ждали, готовые начать стройку нового общественного уклада. Карманьола разносилась по мирно спящему селу, которому никогда не снилось, что есть на свете, кроме борьбы за существование, еще какая-то классовая борьба.

Сонная крестьянка, разбуженная песней, быстро подымала голову и слушала.

— Эки греховодники,—шептала она про себя,—вон уже рассвет начинается, а они все еще бродят. Господи, помилуй!

— Паша, а Паша! Ты дома?

— Нету. Верно все еще не пришел. Опять не выспится, утром отец хотел рано встать, чтоб по росе покосить. Экие «шулиганы!» Храни тебя господи, дитятко!..—и мать вновь засыпала.

Паша же, пробираясь домой, старался не шуметь. Не стукнет, даже сапоги снимет на повети или «на мосту». Наскоро съев оставленный на столе ужин, моментально ложится и засыпает.

Новые песни несут новые незнакомые деревне веяния. Новое берет верх над старым. Старых песен совсем не поют. Но и напев новой песни становится иным в исполнении деревенского хора,—свежее, звонче... За все то новое, что дает клуб молодежи, она его и любит. Не пройдет дня без того, чтобы не «улучить минутку»—не сбежать на часок в клуб. Даже самая горячая страда, жниво, не служит препятствием этому. Новости послушать «антиресно», всех, кого надо, повидать можно и «чуточку» погулять.

Праздничный день собирает под вечер около клуба всех, кому охота веселиться. До нынешнего лета праздник проводили на лугу, где качели. Туда приходил гармонист и начиналась гулянка. Но теперь заросла-запала дорожка травой-муравой в эти места. Вся праздничная, да и не только праздничная, жизнь деревни сосредоточена около клуба. Все ребята сделались активистами. А какая гулянка, коли «робят» не будет!

Все они в клубе на занятиях. Кружки занимаются наперегонки. К празднику приурочиваются спектакли, конференции молодежи, либо женские конференции. Пожилые идут туда тоже. Теперь иначе, как в клуб, и идти некуда. Из-за билетов чуть не драка. Женщины в особенности обижаются, если им не достается билета.

— Што это вы билеты все распродали?—обращается пожилая женщина к казначею клуба.

— Всегда с вашими правилами опоздаешь. Пока обряжалась да убиралась,—вечер и прошел. Некогда притти было.

— Ишь продали малью (ребятишкам),—ворчливо заявляет недовольная ее соседка по очереди.

— Они успеют находиться по «спертакам», еще вырастут.

— Теперь наша пора ходить. Скоро умрем.

Завидев комсомольца, кричат:

— Вася, Вася! Дай билет. Пришла сегодня, вьрвалась из дому, а тут билетов-то нету.

— Больно, говорят, антиресное приставленье будет. Ежели у тебя нету, поди спроси у ваших. Может и найдешь.

Редко, когда не удовлетворяются просьбы женщин. Приходится выпускать добавочные билеты, с предупреждением, что придется стоять или с кем-либо потесниться. «В тесноте, да не

в обиде,—лишь бы пролезть как-нибудь, сынок; не все с горшками да ухватами нам, бабам, век коротать».

Особенно многолюдны были спектакли, поставленные в августе месяце отъезжающими учащимися.

Воскресенье. Вечер. Домовитая хозяйка сидит за работой у открытого окна. Мимо проходит толпа соседок.

— Здорово, Миколаевна! Бог в помощь!

— Здравствуйте, бабоньки, спасибо.

— Чево робишь?

— Так маленько взялась за починку. За лето все проралось.

— Пойдем, Миколаевна, в клуб.

— Спертак, што ли, там?

— Да, да. Мы собрались и пошли. Говорят зимой-то не будут больше играть.

— Почему?

— Ребята в ученье уезжают. Собирайся. Пойдем посмотрим в последний раз.

— Пойти разве, верно. Дело не убежит. Подождите! Я умоюсь да платом завяжусь.

Проходя с «конца» в клуб, бабы всех скликают дорогой. Зал клуба набит битком. Пьесы, как в зеркале отражающие быт крестьянки, если они удачно поставлены, нередко заставляют рыдать зрительниц. Не разберешь подчас, над чем плачет какая-нибудь Миколаевна,—над участью ли героини пьесы или над своей собственной несчастной долей.

Новые пьесы—проводники новых идей. Постепенно исчезает прежняя нетерпимость к гражданскому браку, к разводам. А самое главное, начинают критически относиться к окружающей жизни.

Со сцены ведется борьба с бичом деревни—сифилисом. Умело задуманная и удачно выполненная сценка во много раз лучше всякой лекции и беседы вскроет тот ужас, на который обречен отказавшийся от лечения больной. А предварительная беседа-разъяснение перед спектаклем заставляет внимательнее присмотреться к пьесе. И все вместе дает самые реальные результаты. В быту проявляется более осторожный подход к заведомо больным лицам. Больная семья невольно изолируется от окружающих. Случаи наследственного сифилиса у маленьких детей заставляют внимательнее относиться к своим детям. Матери опасаются ходить в зараженную баню, брать чужую посуду и другие мелочи. Пожалуй молодежь в этом отношении отстаёт. До того ли, чтоб все время разбирать да оглядываться, кто больной, кто здоровый.

В августе впервые была организована живая газета. Текущий момент (англо-советские переговоры) поставлен был в дей-

ствующих лицах. Вопрос волновал всех крестьян. Дадут англичане денег или откажут? К новой постановке отнеслись очень внимательно. Она вызвала даже небольшие прения среди присутствующих, что далеко не всегда бывает после обыкновенных докладов «о текущем моменте».

Большую роль в жизни села играют конференции молодежи и женщин. Первые собирают гораздо больше публики, так как сюда приходит не только молодежь, а все, кто вообще посещает клуб. «Бабьи собрания» немногочисленны. Приходят почти всегда одни и те же крестьянки,—одинокие, беднячки, вдовы. Крестьянку-среднячку связывает ховяйство. Оно еще крепко своей рутинной, и большинство деревенских женщин не вышли из-под ее власти. Но зимние «посиделки» и тут дали значительный сдвиг.

Выделенное самими женщинами активное ядро конференций свидетельствует о том, что работа идет ровным темпом. Две замужние женщины вступили уже в члены клуба и зимой собираются работать в кружках.

Что же показали конференции беспартийной молодежи к лету 1924 года? Вот факты.

Наступает вечер. По всей деревне бегают комсомольцы и пионеры,—они посланы оповестить молодежь о конференции. Спустя час публика собирается, несмотря на позднее время. На повестке дня «Доклад о зарубежной молодежи» и «Народные заговоры и знахарство».

Секретарь комсомольской ячейки объявляет конференцию открытой. Приступают к выборам председателя и секретаря на данную конференцию. Моментально из зала предлагают ряд фамилий, среди которых фамилия руководителя «оппозиции»,—да, да, того самого, что не раз устраивал походы против клуба и вел с комсомольцами открытую вражду. Голосуют. Единственно принимается его кандидатура. Секретарь просит его занять председательское место. Встает из угла парень, решительно идет на сцену, занимает председательское место. И конференция начинается.

Это—не сон. Вот она, живая действительность. Трудно верить, что непримиримый, казалось, враг, отбывавший общественные работы за прежние «славные подвиги» по части искоренения «клубной заразы», теперь работает рука об руку с ячейкой в этом же самом клубе.

«Оппозиция» растаяла, как сосулька в апрельский полдень; молодежь теперь едина. Этот перелом совершился в зиму 1923—24 года. Бывшая «оппозиция» влилась в клуб и стала наравне с его активистами, пошла в ногу с клубниками в общей работе. Ячейка показала, что она не впустую работает, а неутомимо и неуклонно строит новую жизнь.

Приближался Петров день, храмовой праздник деревни. В этот день в Выемково сходились праздновать со всех окружающих деревень, иногда верст за 30. Кто приезжал к родным в гости пива попить, кто невест смотреть, а невесты себя показать,—единственный в своем роде случай, когда родня может увидеть парня или девушку, за которую намереваются просватать свое детище. Поэтому со старых времен ведется так, что вечером в такой день устраивается гулянье, или, как у нас называется, «лугованье», продолжающееся до восхода солнышка.

Долго думали ребята, как провести Петров день по-новому и по-своему, чем заинтересовать деревню взамен старых обычаев и, в то же время, чем продемонстрировать свой протест против праздника.

Порешили, наконец, накануне устроить субботник по приведению клуба в полный порядок, провести все обычные занятия по расписанию, на другой же день (в праздник) устроить живую газету, закончив ее спектаклем. Это во время обедни. Вечером же устроить на площади спорта, по-старому, «на лугу», тоже спектакль, пригласив выступить со своими пьесами городскую труппу артистов-любителей. В антрактах сделать доклады о международном положении, научные и о религии.

Чтоб выполнить намеченное, необходимо было точно распределить обязанности каждой группы активистов. Самое главное затруднение,—как построить открытую сцену на улице. Сцену решили поставить на пути в церковь, чтобы и те, кто не хотел завернуть, все же поглядели бы на спектакль. Устроили сцену на дворе школы, как раз против церкви. Работа кипела. Народ шел в церковь, а молодежь с песнями возилась на театральных подмостках. Другие в клубе работали,—вставляли стекла, чинили рамы. Девицы копошились в огороде на грядках. Только старухи да бабы молились в церкви, а молодежь почти вся была в клубе или гуляла на улице. Однако большинство девушек предпочло совсем не выходить. Не побывать в церкви вообще не важно, можно дома найти какую-нибудь работу и заняться ею, отговорившись, что занята, мол. Мать поворчит, поворчит, да и бросит. А если уйти из дому в церковь, а на самом деле просто так прогулять, так за это жди ругани на целый день. Девушки избирают наименьшее зло, то-есть остаются дома.

В это утро наблюдалась такая картина. Школьный двор ожилился, комсомольцы спозаранку обтянули сцену парусиной, приготовили все необходимое. Тут же кооператив открыл торговлю булками, калачами, пряниками, конфетами, орехами.

Во время обедни начата была живая картина. Кой-кто из идущих в церковь сворачивал во двор школы. На раскатанных по двору бревнах сидели мужики, парни, девушки и 2—3 по-

жилые женщины. Детишки сбежались со всего села. Всякому любопытно посмотреть «спертак» на улице.

Но начали с докладов: «Текущий момент», «Календарь святых». Последний доклад вызвал общее веселье, так как докладчик очень умело, с юмором рассказывал про бесчисленных «святых»,—кого за какие дела почитают, от какой болезни замаливают и как служат молебны,—все это он изобразил в самом смешном виде. Затем выступали комсомольский и пионерский хоры; далее шли юмористические рассказы, декламация. Пение «Интернационала» было приурочено как раз ко звону во все колокола после окончания церковной службы.

Молодые силы вышли на бой. Молодые голоса заявляли о себе твердо и уверенно:

Весь мир насилья мы разроем
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,—
Кто был ничем, тот станет всем.

Горящие глаза, бодрый вид певцов говорили о том, что эта рать твердою ногою вступила на новый путь и старому миру не устоять. Комсомол, объединенный со всей молодежью, медленно, но верно идет вперед, вытравляя постепенно старое и закладывая фундамент для новой стройки будущего общества.

Толпа цветной лентой рассыпалась по кладбищу, выходя из церкви, а оттуда напрямик во двор школы. В этот момент была начата пьеса «По-новому», где перед глазами зрителя проходила жизнь крестьян, постепенно перешедших от трехполья к многополью, от молебнов через избу-читальню и агронома к трактору. Шефы—рабочие завода—хорошо наладили дело и помогли вывести крестьян на новый путь. Оканчивалась пьеса праздником урожая, который заменил церковный храмовой праздник.

Как только упал занавес, публика долго благодарила актеров несмолкаемыми аплодисментами.

В тот момент, когда выходили из церкви, можно было наблюдать очень любопытную картину, позволяющую сделать соответствующие выводы.

Девушки, сидевшие до сих пор во дворе, как местные, так и пришедшие, вдруг потянулись гуськом одна за другой, незаметно от публики, прочь отсюда и стали смешиваться с толпой выходящих из церкви. Через некоторое время они вновь появлялись на дворе, как будто прямо из церкви. Поневоле пойдешь на хитрости,—что же скажут старухи, если их сын женится на безбожнице. Этого не позволит ни одна мать. А как пойдет худая слава, будут все «обегать», ни один жених не придет. А в «вековухах» сидеть кому охота? Правда парни теперь по-новому

смотрят на брак, но все же неприятно притти в такую семью, которая явно враждебна к своей невестке.

К вечеру сцена была перенесена на «Площадь спорта». Не стеснялись ребята своих рабочих костюмов во время ее установки и перевозки. Наступил праздник и для старух. Грешно, вишь, итти в клуб, да и деньги там платить надо. Вот они и постарались воспользоваться случаем. Давно хотелось поглядеть «спертак»,—ведь ни разу в жизни не видели, несмотря на то, что вот уж который год всячески хулят и поносят его. Громаднейшая толпа, собравшаяся около сцены, чуть было не сломала подмости. На сей раз усерднее всех работали локтями старухи, пробираясь в первые ряды, поближе к сцене, чтобы все видеть и слышать. Доклад «Наука и религия» вызвал горячие прения, как и тогда, зимой, на диспуте. Но теперь присутствовало много женщин, и, конечно, они подали голос. Кажется в первый раз они так дружно взялись за докладчика.

Они доказывали, что бог есть, приводили бесчисленное множество примеров из своей жизни, когда его сила спасала их ребят и скотину: стоило лишь помолиться, обещать свечку поставить, принести шерсти, масла.

— А вам, коли бога нет,—кто помогает?—спрашивали докладчика.

— Хоть и носитесь с дохтурами, а от них никакой пользы нет.

— Ежели отнимете от нас бога, так на кого же мы останемся?

— Нечем тогда нам будет жить.

— Вы в книжках видите, а мы, вишь, слепые.

Перебивая одна другую, высказывались женщины.

Не поверили также или, во всяком случае, очень сомневались по поводу сказанного докладчиком об омоложении. Принимали это за сказку. А когда на заданный вопрос, где производятся эти опыты, докладчик сказал, что во Франции, это сильно разочаровало всех. Но все же после чуть не целый месяц говорили об этом. Радовались мужики, что можно опять стать молодыми и жениться второй раз, а женщины в ответ только твердили, что это неправда, а если и правда, то, мол, вам, старым грибам, не дожить до этого. Денег нехватит на затею.

Учитывая страшную отсталость женщины, ее полную оторванность от общественности, так как хозяйство не дает ни одной свободной минуты, женские конференции имеют целью вытащить ее из хозяйственного и семейного омота. Отмечено было выше, что посещают конференции по преимуществу женщины-одиночки и беднячки. Это вполне понятно. Какая-нибудь горемыка-вдова сама себе хозяйка, ей необходимо быть во всех вопросах в курсе дела. А женщина, имеющая мужа или сына, поневоле отходит от общественной жизни.

Обычно бабы так рассуждают:

— Зачем я пойду на собрание, коли Иван (муж) ушел. Он и за мое постоит,—один дом. А дела и так «полон рот». Нет, уж, пусть один ходит, а другой должен работать.

Часто так бывает—десятский «гонит» (оповещает) на бабье собрание:—«Мотри, Михайловна, обязательно приходи. Нам велено всех гонить.—Пусть и девки твои идут»,—добавляет десятский.

— Ладно,—отвечает Михайловна, а затем, обращаясь к мужу, говорит:

— Мужик, а мужик! Послушай-ко! В клуб на собрание гонят. Поди, сходи.

— Вот еще выдумала! Вас, ворон, зовут, а не нас. Бабье собрание-то?—спрашивает муж.

— Бабье,—говорит десятский.

— Куды уж я пойду! Сходи сам,—нерешительно заявляет жена.

— Коли охота шататься,—ступай. Тебя никто не держит,—цедит сквозь зубы мужик,—я не пойду.

Иногда баба наберется храбрости и пойдет, но большей частью останется дома. Зато баба-одиночка, вдова, в этом случае совершенно независима, если ее не связывают дети.

На конференциях всегда ставятся вопросы, связанные непосредственно с бабьей жизнью. Жизнь ребенка, уход за ним, гигиена здоровья,—вот вопросы, которые освещаются здесь. Ячейка в таких случаях приглашает учительницу. Некоторые вопросы освещают сами. Агроном привлекает внимание женщин несложными беседами по огородничеству. Освещается и вопрос правового положения женщины.

К общественности привыкают медленно. Чтобы выбрать председательницу конференции, приходится вести долгие разговоры. Девушки, конечно, бойчее. Часто какая-нибудь 19-летняя Маша или Глаша ведет собрание.

Ячейка всецело завоевала симпатии женщин, когда нынешним летом организовала в деревне ясли. Мужики же сначала совсем холодно отнеслись к такому предложению РИК'а. Но комсомольцы взялись за дело, «агитнули» среди женщин, устроили все формальные дела, переписали всех маленьких ребят, чтоб набрать соответствующий комплект. Перед началом занятий произведен был медицинский осмотр, и на лето женщины были освобождены от забот о ребятишках.

Руководителя и нянюшку ячейка выделила из своей среды. Молодежь иногда подтрунивала над комсомольцами, которые работали в яслях.

— Вот дела, так дела! Советская власть заставляет детей «нянчить»,—вот уж умора.

Но комсомольцы вполне резонно возражали:

— Мы для себя смену растим. Подростут,— всех пионерами сделаем.

Если не во всех отношениях хорошо были оборудованы ясли, все же это мероприятие давало большие плюсы. Каждая мать, оставляя ребенка в яслях, могла спокойно на целый день уходить на работы, не боясь, что ребенка изувечат или убьют, как это бывает в тех случаях, когда дети остаются с 7—8-летними няньками, запертые на целое лето в душных избах.

Через ясли шла самая реальная увязка ячейки с женщинами.

Наступившая страда и жнитво выдвинули новые задачи перед ячейкой. Комсомольцы постановили помочь всем семьям красноармейцев и убитых на войне. Каждый парень пойдет косить или метать в зароды (стога) сено, а девицы— жать или грести, сообразуясь с тем, в какой работе в данное время нуждается хозяйство. С этой целью каждый член комсомола был «прикреплен» к определенному хозяйству.

При пересмотре семей красноармейцев, нуждающихся в помощи, собрание невольно обратило внимание на ряд хозяйств беднячек-крестьянок, большей частью безлошадных. Решили, что им тоже необходимо помочь. Постановленное стали проводить в жизнь.

Сговорившись с хозяйкой, к которой он был прикреплен для проведения субботника, парень выполнял работу, как только выдавался часок-другой, свободный от работы в своем хозяйстве.

— Андреевна! Я к тебе косить приду,— обращается комсомолец к «хозяйке». — А может тебе сметать зарод надо, так я все равно сделаю.

— Ой, голубчик, у меня денег нету тебе заплатить,— отвечает вдовушка.

— Что ты, Андреевна! Мне не надо твоих денег, я и так приду тебе помочь.

— А пошто?— удивляется она.

— У тебя денег нет, а работать надо, так мы решили посоветить вам всем, кто нуждается в работниках. Погода-то вон какая хорошая. Сразу можно сено зеленое поставить.

Кое-как удается растолковать удивленной бобылке, в чем тут дело. Рада-радехонька баба неожиданной помощи. Пойти на деревню искать косца, так возьмет два рубля в день, а не то в жнитво два дня жать. Косца дадут плохого— подростка 16—17 лет, который дома не нужен.

Возвращаются домой с работ. Разговоры о работе. Женщины рассказывают друг другу, как у них работали комсомольцы.

— Я сегодня сметала все копны,— заявляет Андреевна.

— Поди, все убрала? А кто косил?— спрашивает спутница.

— Косомолечь Петя приходил косить. Из клуба по собранию его ко мне назначили. Моя Маша летось эту самую пожно два дни косила, я-то сама совсем не могу и литовку в руки взять, одышка одолела. А он утром рано-рано пришел да до павжны (полудня) и выкосил. Сегодня погода, сама знашь, кака хорошая была. Успела к вечеру все сметать.

На дороге беседующих нагоняет еще группа сельчан, возвращающихся с работы. Среди них солдатка, у которой муж умер, оставив ее с четырьмя детишками. Она с восторгом рассказывает ту же историю,— как комсомолец у ней косил целый день.

Прослышав об этом, потянулись к клубу бабы-среднячки, живущие без мужей с ребятами. Но ребята не могли больше помочь им. Ведь своя работа тоже не ждет. Пришлось разоблачать ложный слух, что мол, ячейка помогает потому, что «бумажка такая пришла, чтоб бабам всем помогать». Судили, рядили об этом, кто как понимал. Вывод, против которого мужики не нашли ничего возразить, был таков.— Власть Советская стоит за баб да за бедняков. А кто такие комсомольцы?— Коммунисты.— А коммунисты стоят у власти. Следовательно комсомольцы «коммунисты» помогают бабам по своему решению, без всякой «бумажки» из города.

Домашние комсомольцев ворчали: «У них, мол, полна изба ребят, скоро-то их не вырастишь. Вас, ведь, никто не помогал нам растить, так вам-то какое дело до чужих ребят? Чьи ребята, тот пусть и растит их».

Но дезертиров, несмотря на все попреки, не нашлось среди комсомольцев.

В середине лета умерла в больнице пожилая женщина, оставив двух ребятшек 10 и 15 лет. Стояло горячее жнитво. Но комсомольцы, не долго думая, решили устроить воскресник. Собрались в клуб с серпами, кое-кто из беспартийных тоже пришел, и организованно с песнями отправились в поле. Работали парни и девушки вперегонки. Прошло 2—3 часа,— поле уже окончено.

Так же весело участники расходились по домам.

Расшевелили и мужиков. В полуверсте за деревней в «протоке» вязли крестьянские телеги, так что с возами опасно было ездить этим местом,— того и гляди, колесо сломаешь или воз опрокинется на бок. Когда возили навоз, кое-кто догадался накидать в грязь «тальнику», но этого было мало.

Комсомольцы взялись «доставить мужика до сознания» и показать ему, что устройство дорог и мостов есть дело самих крестьян, раз они граждане республики труда.

В праздничный день, вооружившись лопатами и топорами и на сей раз захватив с собой двух лошадей, такой же веселой

вереницей и опять с песнями пошли на работу. Весело и дружно в какие-нибудь 6—7 часов был сложен новенький бревенчатый мост, удобный и прочный.

В следующий раз, собравшись, осушили болото,—канаву прорыли в несколько саженей длины. В этом субботнике принимали участие 2—3 мужика и несколько человек беспартийной молодежи. Мужики думали об этом всю жизнь, а только сыновья их взялись за дело.

Пригляделись мужики, подумали, да на общем сходе и вынесли такую резолюцию: «Благодарим комсомольцев за их работу, в будущем будем надеяться, что ячейка нас не оставит».

Комсомольцы праздновали свою первую победу.

Ведь всего два года назад, в 1922 году, мужики гнали клуб вон из деревни. Они хотели перенести школу обратно, а попу отдать его дом. Едва-едва комсомольцам удалось отстоять свой любимый клуб. Мужики принялись было ломать сцену.

Теперь идет смена комсомолу. Зимой 1923/24 года организовался отряд пионеров. К лету в его рядах было уже 30 человек детей. Многих детишек домашние не отпускали в отряд. Но, постоянно бывая в клубе, ребяташки поддерживают непрерывную связь с пионерами и приближаются к их работе. Стенгазету пионеров «Ленинская Смена» жадно читают все ребяташки.

Работа в отрядах ведется довольно оживленно, не замирая и в летнее время. Одно лишь веское слово приводят родители против детдвижения,—пионеры засиживаются в клубе часто до 12 часов ночи. Ребенок не высыпается, потому что в восемь часов утра ему необходимо вставать и бежать в школу. Матери протестуют против такой напрасной растраты сил своих детей.

Пионеры старшего возраста работают в библиотеке. Комсомол практически подготавливает себе преемников. Сами комсомольцы работают планомерно и регулярно без перебоев. Политкружок летом заканчивал изучение истории РКП в объеме книжки Зиновьева. Читать газету сначала было всем вменено в обязанность. Но теперь это начинает входить в привычку. На общих собраниях ячейка часто делает сообщения о текущих событиях, при чем такие доклады делают все по очереди. Газеты получаются регулярно. Выписывается около 17 различных газет. Есть несколько центральных, две ленинградских и несколько губернских.

Газеты тщательно подшиваются и хранятся. Ими заведует специально выделенный товарищ. Очередной лозунг ячейки: «Ни одного политнеграмотного комсомольца и ликвидация неграмотности среди взрослого населения деревни». С этой целью была проведена комсомольцами перепись, выявившая общее количество неграмотных. Выделены из среды ячейки ребята, чтоб зимой начать кампанию по ликвидации неграмотности. Эта работа про-

делана была к началу июля. Являясь вся в целом обществе «Долой неграмотность», ячейка выполнила это задание, не получив еще от райорганов ОДН никаких инструкций, и таким образом в работе по этой линии шла впереди уезда.

В кружковых занятиях комсомольцы работают совместно с беспартийной молодежью.

Все они—исправные читатели библиотеки.

За зиму и в летний период кружки проработали довольно много. Например в научно-политическом кружке проведены в беседах такие вопросы: «Откуда и как появилась земля и все живое на земле?» «Откуда взялся человек и как он развивался?» «Жизнь общества на различных ступенях общественного развития, начиная с первобытного общества и кончая империализмом», и т. д.

Вот несколько типичных фигур ребят беспартийцев.

Завклубом — демобилизованный красноармеец, принимавший участие в культурно-просветительном кружке и теперь один из активнейших работников-клубистов. Суетливый, расторопный, очень хороший организатор; довольно начитанный и развитый, хотя не окончил и двух первых классов «выемковского университета» — церковно-приходской школы. Тем не менее он постоянно выступает с докладами на конференциях и в кружках. По поводу его доклада на тему «свободный брак», деревня говорила буквально в течение двух месяцев.

Зная военную гимнастику, он руководит спортивным кружком, благодаря чему физкультура в Выемкове носит военный характер. Другого руководителя нет, а, как известно, «когда нет гербовой, пишут на простой». Приходится следовать этой русской пословице.

В бога не верит и чорта не признает. О чертях говорит, что их выдумали старухи, чтобы пугать маленьких детей. Суеверие и колдовство, по его мнению, только потому держатся в народе, что неграмотный человек не может понять явлений природы и потому нуждается в божестве. «Слова» и заговоры — самовнушение и гипноз. Если человек верит, то, по его мнению, он сам себя гипнотизирует, и от этого гипнотизирования зависит тот или иной результат. Знахарство — остатки языческих религий, противоречащих христианству. А всякая религия есть обман.

В обыденной жизни он признает только «реально существующее», — то, что достигнуто человеком. «Если что-нибудь в жизни покажется нереальным, необходимо тут же на месте проверить этот факт. Зрение может обмануть, дальше возгорится фантазия, и можно увидеть самого лучшего. В таких случаях необходимо проверить это на месте».

Он — поэт. Его стихи помещаются в стенгазете и журнале

«Юношество», издаваемом литературно-художественным кружком. Тема для стихов—«окружающая общественная жизнь, а также, конечно, и лирика». Стихи он пишет «во время подъема, когда слова так сами и льются,—говорит он,—разволнуешься в клубе, али тоска когда нападёт,—ну, и давай писать. Придешь домой хотя и на рассвете, все же сидишь и пишешь. Карандаш и бумага всегда лежат под подушкой. Чувствуешь прилив сил,—хочется что-нибудь делать. Сил много, а дела нет. Сядешь писать скорее».

Иногда даже на работе он пишет стихи.

Вот одно его стихотворение, помещенное в стенгазете «Мысль Молодежи», № 2 за 1923 год.

«Молодежи деревни».

Молодежь, пробудися и смело
Иди на борьбу с темнотою,
Чем гулять по деревне с напевом,
Шатаясь бродячей толпой.
Бросьте петь пошлые песни,—
Не место невежеству в нас.
Призываю: скорее за дело!
Просвещение—друг добрый наш.
Молодежь! вы молоды, сильны,
И свобода для вас дорога,
Борись с темнотою и насильем,—
Жить будете лучше тогда.
Ну, зачем эти песни и пляски?
В поздний собравшись час,
Вы поете нестройной толпою,
Бродя по деревне у нас.
Бросьте, друзья, это—скверно.
Бросай темноту, старину.
Вон я вижу, огонь ярко светит,
Идите ж скорее к нему.
Это—знания свет в нашем клубе
Ярко блестит среди тьмы.
Идите ж туда вы за светом,
Идите все в наши кружки.
Мы зовем вас, товарищи,
Без дороги довольно итти,
Идите учиться!

Он имеет серьезное намерение жениться без всяких регистраций, то-есть осуществить в действительности свободный брак, о чем он так радуется даже в своих стихах.

Учиться и учиться—его мечта. Осенью его желание исполнилось, он получил командировку в губсовпартшколу.

Кроме работы в клубе, он еще исполнял должность секретаря в лесной трудартели как выборное лицо.

Вторым активистом из беспартийных необходимо признать тоже демобилизованного красноармейца. Вернулся он домой совершенно новым человеком, развитым, толковым, разбирающимся в политических событиях. Заведующему клубом он уступает только в начитанности, но пониманием текущего момента стоит выше всей остальной беспартийной молодежи. Он первый в деревне собирается справлять в клубе красную свадьбу. Одно горе—невеста не соглашается.

Затем идут те, кто нигде не бывал дальше Котласа. Это черноземная целина, поднятая исключительно силами комсомольцев. Вот детина—любо дорого смотреть. В плечах косяк сажень, первый силач на деревне. Ему 21—22 года. Закалена богатырская сила всеми поколениями в тяжелой борьбе с природой Севера. Это—защитник клуба «от всяких нашествий нечестивых разрушителей и нарушителей порядка», то-есть от прежней «оппозиции». Как только появляется подозрительный гость с «осоловелыми глазами» и пытается «рукоприкладством заняться», товарищ Миша уж заранее готов лишиться раз поупражнять свои мускулы. Подойдя тихонько сзади, берет буяна в охапку и выносит на улицу. Но теперь ему нет работы.

Он не раз собирался вступить в партию, но удерживается только потому, что боится запустить хозяйство. Дома же работников нет,—он живет только со старухой-матерью.

Молодежь из оппозиции, примкнув к клубу, стала выявлять себя с самой лучшей стороны. Часть из них работает как активные члены различных кружков. Комсомольцы твердят, что один из этих примкнувших—талантливый комик. Достаточно ему понять сущность роли, как моментально проявляется творческая передача ее. Теряется его обычная неуклюжесть, мешковатость,—другое лицо делается, и тогда все участвующие заражаются его настроением. Все спектакли с его участием проходят великолепно, хотя нужно сказать, что его очень и очень трудно раскатать. Все же—одно дело выступать на клубной сцене, и совсем другое—быть в «оппозиции».

Но за ним водится один большой недостаток, с которым так упорно и настойчиво борются комсомольцы,—любит он прибавить к каждому слову «для меткости» крепкое русское слово. В этом отношении он—феномен. Так и кажется, что такие слова впитались у него в кровь и плоть. Правда комсомольцы стараются обуздать этот невозддержанный язык, но прогресс в этом отношении пока очень незначительный.

Такова наша активная беспартийная молодежь—парни. Де-

вухи не проявляют себя так ярко, хотя тоже посещают кружки. Они более пассивны и в работе.

В общем беспартийная молодежь концентрируется около ячейки, проникаясь и воспринимая новые идеи.

На отчетном собрании, когда старый состав выборных, в лице членов и секретаря, отчитывался перед новым составом, докладчик подчеркнул, что беспартийная молодежь—это приводный ремень, посредством которого была развернута вся общественная работа среди населения деревни. Если бы молодежь наряду с комсомольцами не работала так же прилежно, просиживая в клубе ночи напролет над текущей клубной работой, то вряд ли было бы возможно сделать все то, что успел комсомол сделать за последний год. В комсомол подано очень много заявлений о принятии в члены, преимущественно от девушек. Членами за лето принято 5 человек: 3 парня и 2 девушки. Все они прошли через кружки клуба.

Вот сводка работ комсомола с 1 мая по 20 августа 1924 г.

Очередных собраний РЛКСМ было 17, на них разрешен 51 вопрос.

Собраний научно-политического кружка—12, проработано 17 вопросов и тем.

Литературно-художественный кружок занимался 12 раз.

Занятий спорт-кружка—12.

Бесед по ленинизму—5.

Хоровой кружок устраивал многочисленные спевки, ставил концерты.

Драматический кружок устраивал репетиции, ставил спектакли.

Лекций и бесед по агрономии было 5 (на 5 собраниях всех граждан деревни).

Живых газет—3.

Диспутов (суд над комсомольцем)—1.

Женских конференций—1.

Докладов на собраниях граждан—5.

Конференций беспартийной молодежи—4.

Спектаклей платных—9, бесплатных—6.

Субботников: по клубному огороду—3, по школе—2, по ремонту клуба—5, общественных—2, разных—3. Всего 15.

Обслужено ячейкой 6.583 человека.

Членов ячейки к 20 августа—27 человек, все дети крестьян.

Руководителями работ являются учащиеся педтехникума ближайшего города: двое «ребят» и две девушки. Один из них работает с начала организации молодежи деревни и является центральной фигурой, в ячейке. Из него выработался настоящий тип бойца-комсомольца. Вот уже год, как он перешел в ряды партии. Все четверо работают не покладая рук. То-и-дело ре-

бята приходили из города в деревню за 8 верст, чтоб в ячейке провести собрания конференции и всю текущую работу. С риском для жизни во время ледостава осенью и ледохода весной, они перебирались на свою сторону через Вычегду.

Домашние часто даже не знали, что они приходили в деревню, так как они не заходили домой, а, проведя нужную работу в клубе, ночью отправлялись обратно в город.

Секретарь ячейки, другой педтехниковец, ежедневно приходил в клуб в течение всей весны 1924 года; сбил себе ноги из-за скверной обуви.

Отсюда постоянные жалобы на комсомольцев со стороны родителей, что их ребята любят клуб больше, чем родной дом, что они проводят там все вечера и ночи, а дома им лишь бы отработать скорее.

Прав был тот богомольный крестьянин, который, «выступая» на диспуте, заявил, что «клубная зараза» отняла у него детей. От таких отцов дети пуще всего бегут. Его старший сын и дочь, оба—комсомольцы. Постоянный отцовский гнет и ругань, заставили их уехать из дому. Один уехал, как мобилизованный по комсомольской разверстке, учиться в военную школу в Ленинград (кончает нынешним летом), а сестра его уехала к тетке в Архангельск.

Отец не позволял ехать, но дети ослушались, и он их проклял. Теперь громогласно заявляет, что у него отныне нет ни сына, ни дочери.

У всех ребят есть тяга к ученью, но для того, чтоб поехать куда-нибудь, нет денег, или же их удерживает малограмотность. Оканчивающие педтехникум мечтают в будущем работать в своей же деревне.

Личные интересы у комсомольцев стоят на заднем плане. Если нужно работать ночь,—и просидят всю ночь, хотя бы за окном стонала улица от веселья. Когда ждет работа в деревне, все из города отправляются домой, позабыв про свои городские дела и развлечения.

Отношения между девушками и ребятами вполне здоровые. Все работают, насколько позволяют силы и умение каждого в отдельности. Нет пренебрежительного отношения к девушкам, хотя они и не так активны, как ребята. Девушки нередко пропускают собрания «по домашним обстоятельствам». Иногда на этой почве возникают недоразумения, но большинство ребят прошли сами через такое же горнило испытаний, когда отцы сплошь и рядом лишали их праздничной одежды, чтоб не выпустить из дому,—поэтому они вполне верили девушкам и прощали им вынужденную неактивность.

Половой вопрос, конечно, всесторонне освещен на занятиях

научно-политического кружка. Выдвигая этот вопрос на обсуждение, молодежь задалась целью ясно и просто разъяснить всем членам клуба сущность этого вопроса. Раньше, ведь, при передаче от поколения к поколению, он трактовался так извращенно. Новая молодежь относилась к нему по-новому. Долго обсуждали. Беседа с 10 часов вечера длилась до 3 часов утра. «Здоровое потомство»,—этот лозунг молодежь решила проводить в жизнь. А это означало беспощадную борьбу с сифилисом. Сифилисом заразили деревню моряки, когда они защищали Север от белых банд. Этот же вопрос был выдвинут ячейкой на ближайшей женской конференции.

Клубная жизнь течет так. Днем в клубе нет ни души. Только изредка прибегает секретарь, чтоб захватить то или иное дело, требующее немедленного исполнения, или составить какой-либо срочный ответ.

С 6—7 часов вечера начинает собираться публика. Летом позднее, зимой раньше.

Один из вторников. Члены кружка, который сегодня работает, все в сборе. Комсомольцы никогда не пропускают собраний. На сегодня назначена конференция беспартийной молодежи. Пять человек комсомольцев часа за два до этого «гонили» (скликали) молодежь на конференцию. Пока конференция не началась, на площадке перед клубом занимается спорткружок. Человек двадцать участвуют в упражнениях военной гимнастики. Мелькает 5—6 красных платочков,—это комсомолки. Не смущаются многочисленных зрителей, которые облепили все огороды. Попривыкли, а вот сначала очень было стыдно.

Появляется гармонист. В сторонке моментально затеваются танцы. «Кадрель» надоела. Большинство умеют танцевать модные танцы: «почку», миньон, варяг, «поди-спать» (па д'эспань), ой-ру, краковяк.

Комары тучами насаждают, не дают покоя. По дороге вьется лента гуляющих. Подойдет певица и польются песни,—новые, только что привезенные, или те, что распевались зимой: «Хаз-Булат удалой», «Слети к нам, тихий вечер», «За Доном гуляет казак молодой». Изредка вспомнят старину, и разольется тогда плавная унылая песня: «А мы просо сияли, ой Дид-Ладо, сияли», или «Экой Ваня, разудала голова». На бревнах в стороне рассаживаются мужики, они тоже пришли сюда «покалякать» за «само-садкой». Кучка баб обступила комсомольца и ведет с ним беседу о яслях. Как раз скоро ясли должны открыться.

В клубе тоже дело идет. В маленькой комнатке, где обычно ведется вся работа, несколько человек «печатают» от руки стенгазету. Художник-маляр выводит красками заголовок: «Мысль Молодежи». Секретарь, приютившись на краю стола, переписыв-

вает протокол вчерашнего заседания. Работают девушки и ребята. Нет места лишним разговорам. Все сосредоточенно делают свое дело.

— Миша, а в редколлегии собран материал для сельскохозяйственной газеты?—спрашивает комсомолка.

— Да. Почти весь. Надо начать «печатать». А ты написала? О трехполке или огороде ты должна написать?

— О сорных травах на огороде, товарищ. Завтра я принесу статейку.

— Вот, если сегодня ночью кончим эту, тогда завтра отпечатаем «Листок сельского хозяина».

А в библиотеке полно ребятишек. Библиотекарь с помощниками наделяют детвору книжками. Комната маленькая, здесь раньше жила сторожиха школы. Стены оклеены газетами. Висят портреты классиков. Маленький шкафчик с сочинениями Ленина. Одну стену решено отвести под ленинский уголок, убрав его соответствующими плакатами и фотографиями вождя.

Звонок призывает всех в зал на конференцию. Мало кто, из присутствовавших на улице, там остается. Разве какая-нибудь парочка, которой не хочется прерывать редкой минуты уединения.

Конференция длится полтора-два часа. Распевая песни, молодежь расходится по домам. В клубе остаются дежурные...по уборке; выметают, расставляют мебель, окончив работу, отправляются вслед за всеми.

Так протекают дни за днями. Только праздничные дни носят иной характер. К ним приурочиваются спектакль, концерт, общее собрание граждан. Кружковых занятий по праздникам не бывает.

Трудятся комсомольцы, не щадя себя, чтоб только работа приносила «положительные результаты».

Иногда устраивают отчетные вечера. Такой вечер был, например, в день празднования годовщины комсомола—15 февраля, когда перед всей деревней ячейка говорила о своих достижениях, о сплоченности своих рядов при совместной работе. Об этом красноречиво говорил сам умело организованный праздник годовщины. Выявлена была связь с партией и с районными организациями комсомола. На торжественном заседании присутствовало много представителей от партии и РЛКСМ района. Приветственные речи говорили о том, что Выемковская организация работает рука-об-руку со всей партией под ее руководством. Приветствия представителя от пионеров, которых в то время было всего навсего 8 человек, показывали, что комсомол растит себе достойную смену. На боевой клич: «Будь готов!» раздавался звонкий ответ пионеров: «Всегда готов!» В заключение вечера была поставлена пьеса собственного комсомольского сочинения

«Молодежь в борьбе», посвященная четвертой годовщине комсомола.

Вечер прошел необычайно оживленно и оставил неизгладимое впечатление и у публики, и у самих комсомольцев.

Это был вечер, где подводились итоги четырехгодичной работы ячейки.

Летом, во время демонстраций против войны, комсомол подводил итоги другого порядка.

Накануне по деревне были расклеены афиши, извещающие о демонстрации, которая будет происходить в городе. Комсомол приглашает всю молодежь и население принять участие. Афиша объявляла, что сбор у клуба в 8 часов утра. Пойдут организованно в город вся ячейка и отряд пионеров со своим знаменем.

Афиши вызвали большой переполох среди женщин. Не умея сами читать, они отправляли ребятшек, а те перетолковывали их по-своему: «Писаню, мол, про войну, завтра всем надо итти в город». Женщины чуть было не пустились в рев. Посылали ребятшек к тем, кто был в курсе всех дел,—к комсомольцам. Те их всячески успокаивали обстоятельными ответами. Наутро пошли все в город смотреть, что такое там будет. День был воскресный и базарный, так что можно было кое-что купить, продать. Комсомольцы с песнями, весело, не торопясь, шли в город. Ряды были плотные. Ячейка вновь видела в своей среде тех товарищей, соратников по делу, которые приехали домой в отпуск. Принимала участие в демонстрации и беспартийная молодежь—актив клуба. Впереди шел отряд пионеров в 30 человек. По дороге соединились с пригородной Лантышской организацией. Веселье не смолкало. Песни так и звенели. Выемковцы учили своих товарищей новым песням. В одиннадцатом часу стройными рядами подошли к площади и заняли свое место. Оказалось, что Выемковская ячейка по своей многочисленности была одна из первых. От пионеров выступал товарищ Костя. Хоть он и волновался и говорил нескладно, но все же отряду было лестно, что выступает его представитель. Потом с песнями прошли по улицам города.

Вечером в тот же день устроена была конференция молодежи, целью которой являлось выяснить значение войны 1914 года и ее причины.

Вторым вопросом стоял доклад о VI съезде РЛКСМ, и третьим—о вновь открывающейся школе крестьянской молодежи. Последний вопрос всех заинтересовал, а больше всего тех, кто хотел учиться. Тут же заявило о своем желании поступить в школу около 14 человек. Не прочь были поучиться ребята-комсомольцы, которым было больше 18 лет. Да и не мешало им это. Они говорили, что у них есть желание по-новому поставить

хозяйство, а это же ставит себе целью «школа крестьянской молодежи».

Расскажу еще о том, как была проведена в клубе последняя августовская живая газета.

Публика так и повалила в клуб, прослышав, что идут последние спектакли. Началось с выступления спорткружка. Но спорткружок не встретил сочувствия. Только посмеялись над выступающими. Большинство ни разу не видывало занятий по физкультуре, и вполне понятно, что в первый раз они показались попросту дикими. Заканчивалась газета концертом. После концерта объявили об окончании. Но, к великому удивлению клубистов, публика не трогалась с места. Это страшно озадачило ребят. Секретарь выглянул в зал, чтобы узнать, в чем дело. А публика только и ждала появления кого-нибудь из комсомольцев. Голоса, перебивая друг друга стали просить, чтоб еще что-нибудь попели да поиграли. Секретарь передал просьбу. Ребята не стали ломаться и, в виде приложения к газете, «выпустили» несколько «номеров». Но и этого было мало. У комсомольцев же больше ничего не было приготовлено,—давай импровизировать. Ребята стали выступать со своими стихами. Вот было удивления! Как, это Петька сам сочинил? Нет, врет, с книжки, поди, выучил! Но комсомольцы уверяли, что эти стихи действительно сочинил сам Петька.

Пятнадцатое «приложение»—струнный оркестр,—гитара, балалайка и мандолина. Музыка не надоедает, хоть весь вечер готовы слушать. Репертуар уж иссяк. Стали выступать с песнями по-двое, по-трое. Декламацию сменяла сказка. А потом кому-то пришло в голову: «Ну-ка, пусть Митрич спляшет русскую!» Митрич—хороший танцор. Это—молодой парень, но его привыкли уже все величать, так за ним и осталось это величание. Митрич появляется на сцене и лихо отделяет русскую. Публика в восторге. Но дальше сил нет. Уже 22 «приложения» Последним номером вышел хор, после чего распрощались с публикой.

Зрители шумно благодарили всех участвующих, а отъезжающим наутро товарищам пожелали счастливого пути.

Если около четырех лет тому назад еле-еле можно было привлечь публику к тишине, когда она, зевая, нехотя, глядела на сцену, то теперь она не хотела вовсе уходить из клуба. Клуб—центр, где крестьяне получают отдых и эстетическое удовольствие, какое только в силах дать местная молодежь. Он достиг своей цели.

А вот другой вечер. В клубе огни. На сцене занимается литературно-художественный кружок. Идет беседа о пролетарской поэзии. В клубной комнате секретарь с членом бюро поспешно

готовят отчеты в Губком. На улице спевка. Прения в зале разгораются. Все читали Демьяна Бедного, даже не только читали, а зачитывали «до дыр».

— Ну, я понимаю, что такое пролетарская поэзия, а вот ума не приложу, куда же тогда крестьянских поэтов отнести, — недоумевает кто-то из кружковцев.

Детально обсуждается и этот вопрос. Среди ребят участников кружка больше половины пишут, хотя и не стихами. Толкуют о том, что должен давать крестьянский поэт и о чем он должен писать.

Читается стихотворение. Оно детально разбирается. Делаются соответствующие указания и замечания: Зовет оно вперед? Указывает пути? Будит ли молодежь? Нет, не всегда и не у всех. Но к этому должно стремиться.

К клубу подъезжает телега. Мигом оттуда соскакивает маленькая фигурка и быстро скрывается в дверях клуба. Это — комсомолка уезжает в Устюг, поступать в техникум. В их избе всего двое «хозяев», — она да брат. Но брат не только не препятствует ее отъезду из дому, но, заняв деньги на дорогу, сам отправляет ее.

— До свидания, товарищи. Желаю вам здесь по-старому работать.

Все встают. Кто-то предлагает:

— Ребята, идем провожать!

— Идем! — хором соглашаются присутствующие.

Секретарь спешно передает отъезжающей бумаги в губком. Все выходят на улицу. Жаль отпускать активного члена ячейки. Но, ведь, не навеки же едет. Пройдет учобу, назад вернется еще лучшим работником.

На улице толмачевец произнес речь:

— Товарищи! Вы сегодня провожаете своего активного члена ячейки, товарища Веру. Она была полезным членом, но стала она таковой только потому, что научилась среди вас работать, а потом вступила в комсомол. Товарищ Вера, ты знаешь, за чьи интересы борется пролетариат и крестьянство против мирового капитала, знаешь, что только пролетариат и крестьянство кровно заинтересованы в уничтожении гнета капитала. Комсомол в лице всех своих членов — один из передовых отрядов в борьбе за власть трудящихся. Это завещал делать нам товарищ Ленин. Во время учобы комсомолец должен готовиться к этой борьбе, чтоб потом выступить во всеоружии. Вперед же, на завоевание знаний! Комсомолец, держи выше и крепче знамя ленинизма! Да здравствует ленинский комсомол!

Отчетливо Вера ответила:

— Спасибо, товарищи, что помогли мне встать на этот путь.

Все силы отдаю на это дело. Я буду крепко держать знамя ленинского комсомола!

И затем все запели «Интернационал молодежи».

Никогда, кажется, не звучал «Интернационал» так бодро и радостно, как в эту тихую темную ночь, разносясь по спящей деревне.

Двинулись. Одна песня сменяет другую. Задорно разносятся по полям «Проводы». Чувствуется в этой песне много такого, что не выразишь словами.

Вот ручей.

— Стойте, ребята. Не пойдем дальше.

— Прощай, Вера.

— До свидания.

— Пиши, как там будешь работать, — говорят со всех сторон.

— Прощайте, товарищи, не забывайте сами писать, что будет нового. Счастливо вам здесь работать.

Вынырнула из темноты телега.

Секретарь помог забраться на ходу, давая еще кое-какие поручения. Телега тронулась.

— До свидания!

— Прощай, Вера! Только не робей. Поступай обязательно в ВУЗ.

Разошлись в разные стороны и исчезли во тьме.

Небывалые проводы. Коллектив так бодро и весело провожает своего сочлена. Жизнь полна веры в свои силы. Нет места слезам. Семья в стороне, она забыта, не нужна. На первом месте новая дружная молодая семья — Союз Молодежи.

Иди же вперед к победам, к знанию, молодежь! Оживи своею кипучею буйною силою все глухие забытые уголки широкого СССР, борись с темнотой, освободи всех трудящихся, строй новую светлую жизнь!

Жизненные неудачи не страшны вам, новым борцам, борцам не в одиночку, борцам-коллективу, спаянному в одно целое общим делом.

Выше поднимайте знамя РЛКСМ!

Вперед, по ленинскому пути!

Выемковская ячейка РЛКСМ блестяще выдержала конкурс. При рассмотрении конкурсных работ летних месяцев 1924 года, Выемковская ячейка была признана первой по работе в Северо-Двинской губернии.

Новгородская вольница.

1. Комсомольские будни.

В ВИК'е Ученской волости (Старорусский уезд Новгородской губернии) в одно из воскресений августа 1924 года назначено на 12 часов собрание вол'ячек РКП и РЛКСМ, посвященное десятой годовщине мировой войны. Из всех 69 деревень волости стекаются на собрание партийцы. Подходят группами старшие—кряжистые бородачи с решительными лицами, и помоложе—комсомольцы аккуратненькие, расторопные. Они как будто так и родились в своих заломленных кепках и френчах на городской лад. На остальных парнях этот новомодный костюм сидит как-то угловато. И большинство из них ходит не в кепках, а в чистеньких праздничных картузах. Это помогает разобрать среди толкотни, сутолоки, гвалта, который стоит в «зале собраний» и на дворе возле ВИК'а, кто здесь партийный, кто беспартийный. А то бы и не понять.

Партийцев немного. Всего 36 членов ячейки РКП и 32 члена ячейки РЛКСМ (на 2.872 человека населения волости). Но, достаточно взглянуть на переполненный в день партийного собрания зал волисполкома, чтобы убедиться в том, что партия в деревне это не только ячейка, резко ограниченная своими 36-ю или 32-мя гранями от всего остального мира, но также и центр, твердая точка опоры чего-то очень большого, бесформенного еще, не застывшего. Расплывчатые грани этого нового образования уходят куда-то далеко и теряются в потемках душ всяких сочувствующих, попутчиков, колеблющихся и т. д. Числом тут не измеришь. Голые цифры ничего не скажут. Надо заглянуть глубже.

Поэтому в рассказе о своих впечатлениях от ученого комсомола, полученных в один из летних месяцев 1924 года, мне придется рассказать не только о том, как живут и работают десяток-другой парней комсомольцев и 5—6 девушек-комсомолок, но порой придется говорить совсем о другом, ибо комсомол глубоко укоренился в быт новой деревни.

Но вернемся в волисполком.

Народу все набирается. В ожидании предвика все высыпали на двор,—бывший помещичий двор, просторный и гладкий. И сад тут же. Все это в первый же год революции реквизируют у Забалуихи, Анны Петровны. Помещице оставили флигель. А в старом барском доме теперь ВИК. В бывшей приемной зале устраивают собрания.

— Эх, чего-то председатель долго не едет (он живет в К., за 9 верст). Поругивают его.

Но вот, наконец, подкатывает на «линейке» председатель Капустин, высокий бравый усач. В 1918 году он вернулся с фронта уже партийным. Сразу принялся наводить новые порядки в волости, организовал ячейку! Делал все круто, быстро. С тех пор из года в год его выбирают председателем волисполкома (раньше еще одного партийца выбирали, но того отозвали в уезд, тогда и стал Капустин бессменным председателем).

Быстро, тяжелыми шагами Капустин подымается на крыльцо. Ветхая помещицья терраска на тонких резных столбиках так вся и ходит под его сапожищами. За Капустиным все валят в залу. «Старики» рассаживаются на скамьях. Кому нехватило места, толпятся стоя. Большинство—парни. Те, что постарше, с серьезными важными лицами расселись на скамьях рядом со стариками. Молодняк поскромнее. Жмутся веселой говорливой кучкой. Кое-кто с «тальянкой» под полюю, кое-кто с «забавушкой» под руку. Около самой двери стрекочут девушки. Баб совсем нет. Но мужиков много, как видно беспартийные. В задней комнате началась регистрация членов ячеек,—партийцы ушли туда. Но на взгляд в зал как-будто и не убыло народу. А между тем и в «конторе» полно. Бородатые, бритые, серые, совсем на городской лад, вперемишку толкуются в хвосте; среди них то-и-дело мелькнет смышленная комсомольская физиономия. Секретарь ВИК'а, комсомолец, регистрирует за столом.

А в зале уже не продохнешь от дыма махры. Уже весь пол заплыван подсолнухами. Стоит сплошной гул. У задней стены разбирают ярко намалеванную афишу о предстоящем сегодня в Народном Доме комсомольском спектакле.

Но вот регистрация кончилась, члены ВИК'а выходят из конторы. Капустин открывает собрание: «Граждане! осадит! объявляю собрание открытым!» Говор смолкает, слышится грузный топот ног. Потом начинают называть кандидатов в президиум.

В президиум выбирают 5 человек—секретаря ячейки РКП тов. Дмитриева, председателя земотдела ВИК'а тов. Федорова, ученого учителя Михаила Ивановича и двух комсомолок.

Тов. Дмитриев начинает свой доклад о происхождении войны. В простых словах толкует о I и II Интернационале, о политике

империализма, об экономических причинах войны. Он говорит медленно и вразумительно. Весь уходит в свою пестриком плавную речь. Растолковать, чтобы совсем поняли, уразумели,— для него это все. У него совсем нет злобы против тех, «кто не с нами». «Темные, ведь, они, не понимают,—кабы все понимали, разве так было бы»,—говорит он постоянно.

Из его доклада вырисовывается, хотя и немного схематичное, но отчетливое и правильное представление о ходе события.

Содокладчиком товарища Дмитриева был председатель кооператива, человек еще совсем молодой, высокий, стройный; выглядел он франтовато. Когда ему дали слово, он нервно вскочил и начал с места в карьер—яростно объявил: «Бог—это ложь, царь и попы—обманщики, лжецы, мракобесы, губили народ, и вот теперь мы, коммунисты-безбожники, взялись строить»... «Бог, царь, попы и мы, коммунисты-безбожники» слышалось то-и-дело в его пылкой речи. Она была тороплива и нескладна, но, что называется, перла! из самого нутра, так была неподдельна и непосредственна, что невольно подняла настроение всего собрания. Когда он кончил, из всех углов зала послышались заявления о желании высказаться (тогда как после доклада тов. Дмитриева желающих высказаться не нашлось).

Какой-то парень, из тех, что постарше, серьезных, говорил в тон докладчику о том, что «да, мы, коммунисты, без всякого бога-кнута будем честными и стойкими строителями, мы не слезливые старухи, нам не стать плакать перед божницами, мы развеем весь этот дурман...».

Бывший фронтовик рассказывал о том, как он во время революции понял, что они все прежде были бараны, шли на войну, а война выгодна только вампиру-царю и буржуазному классу,—«они у нашего брата-мужика на горбу выезжали...». И тогда он стал коммунистом.

Какой-то бородатый дядя принялся честить почем зря все церковное сословие. Нехорошо помянул знакомого попа, который лет 15 тому назад объегорил его однажды как раз в «страшную» неделю. Но о боге этот дядя высказался как-то неопределенно: ни да, ни нет.

Вскоре пришлось ограничить ораторов пятью минутами, а так как из этого ничего не вышло, то и вовсе прекратить прения. И тогда учитель Михаил Иванович выступил со своим проектом организовать при ученом культпросвете кружок «Долой неграмотность». Едва он успел высказаться, поднялся секретарь ячейки РЛКСМ, живой, черноглазый Борис, сказал несколько слов о значении «ликнеграма», о том, что каждый комсомолец должен в него записаться, все равно, грамотный или нет, и, записавшись, каждый грамотный должен обучить хоть одного

неграмотного в неделю. Борис сам тут же и записался. И по его примеру один за другим стали записываться комсомольцы. Даже один беспартийный парень записался. А два моих юных соседа совещались о том, что «оно б надо и нам в это дело, да вот взнос-то как платить будешь (членский взнос установили 10 копеек в месяц),—батяка даст разве?». В одном из них я признал Дмитрия, сына Федора Никитича. Федор Никитич—бывший купчик из почтенной компании пяти ученых воротил, так процветавшей до революции. Зато после 1917 года их всех погнали основательно.

Запись в новый «ликнеграм» отложили до окончательной выработки устава кружка. Через неделю кружок приступит к работе.

Текущих дел на этом собрании не оказалось. Закончили собрание «интернационалом».

Признаюсь, я не ожидал, что ученой «интернационал» выйдет таким бодрым и многоголосым. Парни все до одного пели, стараясь перещеплять один другого, даже кое-кто из девушек подтягивал, не говоря уже о комсомолках. За молодежью тянулись и старики. Их голоса были значительно слабее. Многим, видимо, на старости лет не удалось запомнить слова этой новой дотолесных песен. Но разве нельзя молча участвовать в хоре? Забыть не могу маленького лохматого мужичка в заплатанной солдатской фуражке, должно быть от времени еще японской войны. Эта невзрачная фигурка так вся и качалась в такт песне, а физиономия сияла. Видно буйный напев «интернационала» совсем его прохватил.

И Дмитрий, мой сосед, орал во все горло. Он позабыл свою обычную скромность, благо знает, что батяка сюда не заглянет. Оглянувшись, я даже не сразу признал его. Вон ты какой! Ну, видно, недолго твоему отцу хвастаться, что «мы, мол, живем тихо, по-старинному, никто у нас не курит, не пьет, и все бога боятся, да и из моей воли сыны не выходят». А «сынов» у него четыре. И кто знает, может, из них и вышло бы что-нибудь, кабы не эта слишком прижимистая «воля» родителя.

Спрашивал я таких: «Ну, а ты что ж не в комсомоле?»—«Батяка не велит. Коли поступлю, из дому выгнать сулился».—А иной раз бывали такие ответы, как вот от Василия,—«Да я уж был в комсомоле, нынче выписали меня, что на собрания не хожу. А я за девять верст на собрания ходить не могу. Дома надо работать. Батяка стар, не может один».

Васильев отец против поступления его в комсомол ничего не имеет. Да и что тут возразишь: побывал сын в коммунистах,—стал грамотным. Правда по сему случаю возгордился не в меру. Заявляет мне как-то: «Ты меня с собой в город вези,

на курсы. На оратора буду учиться». Я, ничего, согласился. Ну, а отец опять же его не пустил. Дома в хозяйстве работать некому.

«Хозяйство не пускает»,— вот постоянный ответ и парней, и более пожилых крестьян (конечно не из кулацкого сословия) на вопрос: «Отчего не идете в партию?». Оно и понятно. Ведь партийцам, только членам ВИК'а да секретарю ячейки идет содержание (по 30 рублей). А остальные—живи своим иждивением и работай, работай, работай, не покладая рук.

Такой же, если не еще большей работы требует потрепанное разрухой хозяйство.

И вот стремления деревенских парней двоятся. С одной стороны, во что бы то ни стало хочется укрепить свое хозяйство, довести его до совершенства, по всем правилам новой агрономии с ее тракторами, машинами, искусственным удобрением, премированными семенами. Обо всем этом они великолепно знают из книжек. В любой избе-читальне по числу прочитанных книг сельхозотдел стоит почти всегда на первом месте. И уж никак не ниже второго, там где не в меру увлекаются беллетристикой или политлитературой, как это было нынешней зимой в Учне, где приехавшим на рождественские каникулы ленинградским студентам, так и не удалось увезти обратно привезенную ими с собою ленинскую библиотечку. Нарасхват зачитали и назад не отдали. У вас, мол, там в городе в любой магазин зайдешь—книгу получишь, а в нашу глушь в кои веки новая книжка дойдет,—не дадим: вон Ванька, да Сенька, да Петька, да Митька, да пятый, да десятый еще не читали,—всем охота, не обессудьте! И вот здесь-то как раз другая сторона этого «раздвоения». Глаза разгораются при одном слове «курсант». Попасть на курсы—заветная мечта каждого парня в возрасте от 15 до 25, даже до 30 лет, а также и многих девушек. И собственно подчас стремление упрочить свое хозяйство есть не что иное, как стремление обеспечить себе поездку на курсы.

Помню, как-то целой группой шли мы на гулянку. 12 верст отшагать не так-то скоро. Но почти всю дорогу мои спутники не прекращали оживленного разговора о хозяйстве. Обсудили его со всех сторон. И так авторитетно высказывались: у меня, мол, нынче так-то, а в моем хозяйстве вот этак. А между тем у иных и отец не мог бы сказать «мое» про хозяйство, так как верховодил им дед.

Ну, думаю, эти крепко к земле приросли,—не оторвешь. Но поглядел на них, вижу у этого железнодорожный значок на фуражку нацеплен, у того тоже значок, не разберешь какой, и у третьего, и у четвертого.

«Чтобы было на курсанта похоже»,—вспомнил я объяснение

Василия на мой вопрос, зачем это. И тут же вспомнил их разговоры на прошлой гулянке про новгородский техникум, про Павла Иванова да Никиту, что в Ленинград на рабфак поехали, да про то, что они о Ленинграде рассказывали. Их разговоры густо пересыпаны были где-то услышанными или вычитанными городскими словечками, в особенности у Сашки Реченского, того, что с волости книжки носит,—так и сыпал: «пролетариат...», «несознательный гражданин...», «интеллигенция...» и даже «я не компетентный...».

Однако разговор на эту тему быстро иссяк; не все здесь были в курсе дела, и далеко не каждый мог блеснуть каким-нибудь интересным рассказом. Скоро разговор перешел совсем на другое и тогда уж был, пожалуй, еще обильнее пересыпан словечками совсем другого сорта...

И все же никогда не забуду, как во время именно такого разговора, перешедшего всякую меру приличия, только что стал я толковать что-то о городе на вопрос одного паренька, не участвовавшего в предшествующей разгульной беседе, как моментально вокруг меня стихло все это неумеренное веселье, и два десятка глаз с лестным вниманием уставились мне прямо в рот. В облепившем меня со всех сторон плотном кольце лиц я порою отказывался узнавать какого-нибудь Спирьку, или Матвея, от которых только что невольно старался держаться подальше,—так эти лица теперь преобразились.

Ребята верно чувствуют, откуда им ждать «культурности». Помню, когда мы только что приехали в деревню, они ни за что не хотели поверить, что моя спутница и я—беспартийные. Они так привыкли, что всякий городской, который приезжает в деревню, чтобы что-нибудь «дать» ей,—партийный. Весь «свет» в настоящее время идет к ним исключительно через ячейку. Да собственно и для самих комсомольцев «культурработник» и «член РЛКСМ»—почти синонимы.

Вот здесь-то как раз и есть один из главных центров тяготения партийной и всей остальной молодежи деревни друг к другу.

И, конечно, в этом заслуга не кого другого, как местного комсомола.

Это станет понятно, когда мы приглядимся к тому, как, не давая себе ни отдыха, ни срока, работает РЛКСМ в деревне.

— Так ты пришли мне стенгазету,—просил я у секретаря ячейки Бориса, когда он приезжал к нам в Ленинград на рождестве нынешнего года.

— Ну, брат, это я уж не знаю, как выйдет. Во-первых, она у нас еще не вышла. Вот приеду, может, готовой застану. А во-вторых, вряд ли ребята согласятся,—первый номер самим, небось, сохранить охота...

Первый номер ученой стенгазеты должен был выйти как раз ко дню годовщины смерти В. И. Ленина. Стенгазета в Учне—новинка. Самая ячейка РЛКСМ там существует только с 1922 года. Да и то по-настоящему она стала развиваться лишь с начала 1924 года, когда волость перевели из Ратиц за 9 верст в Учно. Вдали от слишком буйного «Поселения» (так называют 6—7 деревень по ту сторону железной дороги), где никому не писан закон, самогонка льется рекою и каждая гулянка кончается увечьем, если не убийством, на новом, более спокойном месте комсомолия вздохнула свободнее.

Как водится, дело началось с драмкружка. Он быстро расцвел пышным цветом и по сей день процветает. Ну, а затем, как грибы после дождя, появились культпросвет, изба-читальня, ликнеграм, политкружок, батрачком, курсы при агропункте и, наконец, стенгазета.

— Ты мне хоть перепиши ее да пришли,—приставал я к Борису.

— Вишь ты какой! Да мне другой раз письма написать тебе не успеть, а тут ему целую стенгазету перепиши!—возмутился Борис.—Ну, вот я расскажу тебе, как я писал статью в эту самую стенгазету.

Утром это, значит, я встал пораньше,—список, не то по продналогу, не то по семссуде, заканчиваю,—сегодня в ВИК надо нести. А про статью в стенгазету—тоже не позже сегодняшнего дня обещал—за делом совсем забыл. Сижу это я, значит, час, другой, вычисляю чуть не на своей собственной ладошке, путаюсь на клочках. Ты думаешь везде, как у вас в городе, сколько хочешь бумаги переводи,—ан у нас и здесь беда: совсем нет бумаги, а которая есть, так на нее у вас и плюнуть не захотят. Помню я как-то на собрании с предвиком чего-то поспорил. Ну среди жаркого разговора сам не заметил, как из чистого листка стрелку свернул да пустил в угол. Как все это увидели, так ой-ой, что тут было! Верить ли, чуть-чуть за растрату казенного имущества не привлекли. А тебе вот стенгазету переписывай,—на чем спрашивается?..

— Бумаги пришлю,—успокоил я.

— Да ты погоди, слушай,—продолжал Борис.—Вот, значит, только я со списком заканчивать начал,—отец зовет на работу. Ну я все-таки кончил, побежал в ВИК сдавать. А там ребята: «статья где?». Я так, и сяк—не готова, мол, завтра будет. А они: «никаких завтра,—садись и пиши». Ну тут же сел и стал писать. Да только едва начал, отец приходит,—на работу и никаких. Ну что ж, без хлеба тоже сидеть не охота, пошел на работу. А вечером не то доклад был, не то чтение в избе-читальне. Домой пришел, ночь уж была,—надо бы статью написать, да какой

тут,—спать охота. Скоренько набросал пару слов, чтобы там главные мысли не забыть, которые насчет статьи у меня были, языком полизал, да на стенку прилепил над кроватью,—завтра утром встану, увижу и напишу статью.

Ладно. Утром будят меня,—отцу опять что-то помочь, потом в ВИК вызвали инструкцию выслушать. После домой забежал отписку какую-то сделать. Иду опять в ВИК. Филька встречает: «Несешь статью?». Ах! так перетак!—бегу домой за листком, тем самым, что прилепил над кроватью. Какой там—и след простыл,—видно, мать вымела. Ну делать нечего, идем вместе в ВИК. Там бумагу сдал. А уполномоченный по ликнеграму зовет меня взрослых неграмотных переписывать по деревням. Ребята и слушать не хотят. Садись и пиши. Впихнули в заднюю комнату, кто-то даже ключ повернул. А мне,—верно,—только сосредоточиться надо. За тем, чтобы написать, делу не станет. Ну и написал, вот гляди...

Борис показал мне мелко написанную на обороте какого-то оптового счета, не то инвентарного реестра, свою статейку на сельхозтему. Заканчивалась она несколькими частушками, сочиненными им специально на этот случай:

Отводи воду в канаву,
Осуши свой огород,
Успокой ты тетку Машу,
Дай ей место для работ.

Не пускай коров на озимь,
Не давай зря зелень мять,
Вот дождешь, настанет осень,
С поля неча будет снять.

Где бы с осени приняться,
Обработать огород,
Наш мужик весной томится,
Утопая по ворот.

Ох, воды на огороде,
Хоть купайся ребятняк;
Уродится нонче овощ,
Дождись, как не так.

Все эти частушки, конечно, сразу же пошли в оборот. Ведь каждому охота блеснуть на гулянке обновленным репертуаром, а тут еще на этакую серьезную тему! Братишка Бориса, Глеб, в тот же час подхватил их налету и давай выпевать. К вечеру уже все село знало...

— Вот так-то мы работаем. Понимаешь теперь?—закончил Борис свой рассказ.

Так они и работают... А надо принять в расчет еще то, что у Бориса одна нога деревянная. В самую революцию пришлось в Питере быть. С рабочими был, поплатился. Вот и побегай тут...

Понимаю ли я? Ну как не понимать—и сам видел. Комсомол у них небольшой, но растет. Вот нынешний год все тот же Борис, за время своего секретарства в ячейке, на 11 человек увеличил ее. Главную работу ведут старшие члены—«старая гвардия». Намадят,—передают младшим. Вот Борис секретарство наладил, передал его другому, сам перешел в новобразованный батрачком. Секретарь ячейки РКП тов. Дмитриев избы-читальню передал в заведывание юной комсомолке Маше, только что вернувшейся из Руссы со специальных инструктивных курсов. И порой у молодых еще лучше ладится дело. Вот как здесь с избы-читальней. Только принялась за нее новая заведующая, живо новое помещение понадобилось специальное для избы-читальни, в общей зале ВИК'а ей было уже не уложиться. Ну не обесчудь, Забалуиха, попользовалась в свое время, теперь наш черед пришел. Из последнего флигеля выселили помещицу, дали ей худую избенку на краю села, а в новом помещении удобный театральный зал устроили,—из дырявого сарая перенесли.

На живые затеи комсомольцев горячо откликается и беспартийный молодец. В особенностях, если это что-нибудь веселое, вроде спектаклей. Или вот, как увидели, что ожила изба-читальня, нарасхват книжки читать стали. Приходят—даешь и никаких. «Да ты бы что-нибудь полегче взял, это уж больно мудрящая»,—говорит дежурный комсомолец. «Твое дело давать да не спрашивать,—сказано: про ленинизм надо...». Как я уже говорил, ленинградским курсантам от такой ретивости пришлось полатиться своей ленинской библиотечкой.

То же самое со стенгазетой. Только затеяли, а уж горы материала готовы. Со всех деревень нанесли. «Про одного попа три хороших номера написать можно»,—говорил член «редколлегии».

Но не все так гладко сходит у комсомольцев. Рассказывал мне как-то Борис: шел он раз нынче осенью из какой-то деревни; перепись неграмотных делал; было поздно уже, ночь темная. Идет это он дорогой, один. Вдруг из канавы прямо на него кто-то лезет, пьяный, орет. Оказался Сидор, из той самой деревни. С ножом налетел. «Ах, ты, так тебя, перетак! Зарежу гадину!»

— Да ты что это? Протрезвись!—осадил его Борис.

— А! старых баб учить будете грамоте? Тут ребятишки голые, босые ходят, школы нетопленные стоят, а они, вишь, бабье учить будут! Ах, ты.....—утекай, худо будет! У, чтоб тебя...».

— Да постой!

— Я те постою! У, постою! С нашего брата мужика по три

шкуры драть им ничо чем. У! такие, разэтакие... последнее им отдай...

Сидор как раз на-днях только что уплатил продналог и, как потом выяснилось, по недоразумению заплатил больше, чем надо, и оно ему, действительно, стало в копейку. Это-то и обозлило его. Он напился и придрался к первому же случаю выместить свою злобу.

Борис это понял.

— Стой, тебе говорят! Никто три шкуры с тебя не дерет. Назад получишь весь лишек. Твоего никому не надо. Понял? Понимаешь?

Пьяница осадил, наконец, но все еще не сдавался.

— Чего понимать? Что я не знаю, как от вас назад получают? Так я тебе и поверил, морда твоя...

— Зря не мели! Сказано: будет!

Пьяница все еще продолжал сквернословить. Борис повернулся и сказал на ходу: «Придешь в ВИК с заявлением... Ну, а насчет такого дела—смотри, кабы худо не было, коли еще раз прослышу». И пошел. Вдогонку ему все еще неслась самая отборная брань. Сидор вспомнил, что, ведь, он «отстаивает интересы» ребят-школьников и опять стал ругаться на эту тему.

Борису пришлось опять вернуться и прочесть ему целую лекцию. «Был в ВИК'е? Доклад Мирон Филипыча слышал? Знаешь, что Капустин про дрова говорил?». Чуть не весь доклад обоих учителей (ученского и ратицкого) ему тут же пересказал. И про то, что нынешний год три новых школы по волости опять начнут действовать (прошлый год было 12, нынче 15), что это без малого цифра довоенного времени (18), что все школы дровами обеспечены и 4-пудовая, месячная плата учителям с крестьян собрана и выдана им почти вся, и даже про то, что в семи школах нынче в июне проведены были летние занятия с детьми по новым программам ГУС'а, нарочно сказал, хоть тот из последнего ничего не понял.

Потом они взаимно выругались крепко и разошлись. Тем дело и кончилось.

Такие перепалки (чуть ли не в буквальном смысле слова) в большинстве случаев устраивают с комсомольцами бывшие «заможники». Эти в свое время «сильно заможные», или попросту «кулаки», ни за что не хотят простить партийцам того, что в какой-нибудь год-другой революции все их годами, десятилетиями, а порой и веками, праведным и неправедным трудом нажитое благополучие пошло прахом. Те из них, которые потрусливее да себе на уме, глубоко таят в себе злобу и злобствуют терпеливо, молча. Иногда их прорвет, и тогда под пьяную руку они решаются на преступление. В темном поле из-за куста убивают

первого подвернувшегося партийца, все равно кого. Они всех одинаково ненавидят... Об этом мы читали в газетах.

Но есть и другие. Эти не могут таиться. Они открыто бушуют на всех перекрестках. У них зорко подмечены все малейшие недочеты, ошибки, оплошности каждого волорганизатора, общественного работника. И они трубят об этом всегда и всюду. С громовержущими речами выступают на сходах. Не пропуская ни одного собрания, всеми силами стараются, чем только можно, поддеть докладчика. Порою они до того зарвутся, что их, как особо ретивых, избирают на общественные должности—в кооператив, в комнезам—и—чем черт не шутит—под контролем партийцев они оказываются великолепнейшими работниками на общее благо,—коли быть работниками на благо только свое, как это до сих пор водилось, руки связаны.

Все это рассказывали мне сами комсомольцы, добродушно посмеиваясь над дедом Василием Ивановичем,—он как раз из таких.—«Ух, востер старый! Иной раз этак завернет, что и завполитпросветом, уж на что парень со смекалкой,—так и тот только руками разведет... Ну да ничего, старый и нам помочь не ленив».

Зато вот как агроном учил комсомольцев готовиться к выступлению в ВИК'е с докладом: «К докладу готовишься,—так все книги, которые надо и не надо, взад и вперед прочти, да все кодексы—и земельный, и гражданский, и уголовный—наизусть выучи, все равно на какую тему ни выступать, а не zapomнил, так с собой для справок возьми...».

Ведь на каждый вопрос, все равно к делу или не к делу он задан, докладчику надо ответить, а не то, так тут же и порешат: «Коли сам не знаешь, так неча и народ морочить. На чорта нам после этого тебя слушать?». Да и растолковать надо так, чтобы было понятно, а не то «зубы заговаривает» скажут.

Ведь докладчик под перекрестным огнем. С одной стороны его ядовито недруги «поддевают». С другой—любопытная комсомолия, свой брат, засыпает вопросами, да и прочий молодежь не отстает. А, ведь, чтобы зала пустая во время доклада была,—этого еще никогда не бывало.

«Боятся наши ребята с докладами выступать»,—говаривал Борис.—Ну, да бойся, не бойся, а раз надо, так и выступишь. В каждый революционный праздник соответствующий доклад делается. И так постоянно: научные, о кооперации, о международном положении. Доклады на сельхозтему так и идут один за другим,—они нужнее всего. А вот религиозным вопросом совсем не интересуются. Ни разу доклада не было.

Религия в тамошних местах, видимо, бабье дело. Про мужиков сам реченский поп говорил: «Нашим мужикам легче камень стопудовый с земли своротить, чем в церкви молебен выстоять».

Это его крылатое слово в ходу. О молодежи и говорить нечего. Тем паче комсомольцам до религии нет никакого дела. Это так их мало затрагивает, так старо, скучно, не нужно,—пахнет ладном и погостом. А, ведь, их дело живое, да молодое. Я даже разговоров у них на эту тему не слышал. Частушку какую-нибудь антирелигиозную на манер безбожника сложить или, там, попа в стенгазете посмешнее продернуть,—за этим, конечно, дело не станет. Но даже частушки не очень сердитые. Вот, например:

Как у тетки Акулины, старой богомолочки,
Внучки Панька, Танька, Санька, Манька—комсомолочки.

или

Дед Никита богомол, часто в церкви молится,
Он боится, что как сын его окомсомолится.

Разумеется в ходу большое количество совершенно непечатных антирелигиозных частушек.

Но даже с духовным сословием комсомольцы живут в мире. Ученской дьякон сам рассказывал мне о своем выступлении в комсомольском театре. А «интернационал» в его исполнении я тоже слышал. Хорошо поет, надо отдать ему справедливость. Дело было на комсомольской вечеринке после спектакля.

Отсюда ясно, что никакой борьбы «не на жизнь, а на смерть» с «попами-мракобесами» нет. Ясно также, и кто перед кем шапку ломает. Правда сам слышал, как однажды в день большого праздника в церкви (увы! до неприличия пустой,—полною церковью за все время я видел только раз, во время молебна о ведре) батюшка заявил: «Прошу передать членам комсомола, чтобы они в престольный день нашего храма отпустили бы своих верующих товарищей в церковь. Службы в этот день назначаю такие-то и тогда-то...».

Но не знаю, найдутся ли среди комсомольцев «верующие»; разве среди попутчиков. Да и думать надо, вера их не есть вера во всемогущество бога, отца небесного, а скорее вера во всемогущество своего собственного родителя, который не задумывается выполнить угрозу и весьма недвусмысленную. О ней даже частушка поет:

Мне все девочки сказали:
«Запишися в Релькасем»,—
Я бы рада, да прогонит
Батька из дому совсем.

Попадают среди «попутчиков», да и то тех, кто постарше, и такие фигуры, как Федор с «выселка». Этого Федора «проблема о бытии божием» до самого нутра прохватила. Федор еще мо-

лодой. В нынешнем году только женился. Живет своим хозяйством. Раньше он крепко «верил». Но тут, как только ожил комсомол, да пошли толки о том, что «бога нет»,—разуверился, стал сомневающимся. Но окончательно разувериться все не может. Сегодня так, завтра этак. Увидит: вечером жена молится,—начнет смеяться над ней, даже худыми словами ругает и так зло издевается. А назавтра сам утром перед «перехваткой» в угол поклонится. Деда Никиту—он из староверов—на улице встретит, заспорит с ним про бога надолго и по-ученому,—все книжки, какие есть против бога, перечитал,—и, хоть деда не разубедит, а сам, казалось бы, вот окончательно убедится: нет бога. Да не тут-то было,—втемьшится ему что-нибудь новое, и опять, глядишь, с комсомольцами спорит: есть бог. Там, где Федор, всегда горячий спор про бога идет. Сам Федор спорит горячей всех. Но иной раз говорит, говорит, так складно выходит у него,—и вдруг замолчал и отошел в сторону. Опять взбрело что-то. Так и нет ему покоя.

Но такие Федоры—лишь единицы. Большинство о вопросах потустороннего мира высказывается в стиле Паньки Сухловской.

Панька—девица бойкая. Она всегда готова говорить одна за десятерых. Так было и в этот раз. Девушки рассказывали моей спутнице о том, как они гадают на Ивана Купала. На ночь затыкают «богатки» (болотные цветы—«такие пушистенькие») за «матицу»—главную потолочную балку. К вчеру богатки свертываются, и тогда их собирают. Каждый член семьи затыкает свою богатку за балку и наутро смотрят: чья богатка распухнет, тому будет целый год счастье, во всех делах повезет; ну, а чья богатка совсем завянет, тому очень худо будет. И правда... Девушки наперебой стали припоминать всевозможные случаи, когда предсказания «богаток» исполнились.

Но Панька объяснила гораздо проще. «А я думаю, что все это бабины сказки!»—заявила она и тут же принялась развивать свою теорию почему увядают «богатки»:—«Вот мама засунула свою около самой печи,—у нее и завяла. А я нарочно около двери вторнула. Там народ взад вперед шляется, с улицы свежий воздух идет. Моя богатка и не завяла. Вот и Ванькина тоже около самого окошка была, оттого и расцвела. А что от этого там худо или хорошо будет,—так этому я не верю,—бабины сказки...».

Как ни горячо все девушки доказывали нам, что предсказания «богаток» сбываются, но Паньке никто особенно не возражал. Феня даже поддакнула: «Может все это и так. А только,—прибавила она,—надо же девкам хоть какую потеху в этакый праздник себе выдумать...».

Надо заметить, что такого рода прозаические объяснения всего таинственного и непонятого вообще сильно в ходу. С неумо-

лимой логикой вам будут доказывать, например, что «разве может быть икона святой, если она сделана, может быть, из того же самого дерева, из которого колодка для сапога или даже свиное корыто? Разве может пророк Илья ездить по небу, если неба нет, а облака это, ну вот, то же самое, что туман. Коню же обо что ногой ткнуться, как же он повезет?».

Так рассуждают о предметах мира умопостигаемого.

Но—как общее правило—от всего, что пахнет хоть сколько-нибудь «отвлеченным», молодая деревня сторонится, как от чумы. Помню, перед отъездом Бориса из Ленинграда я дал ему несколько книжек для ихней избы-читальни; между прочим предложил ему какую-то популярную книжку по астрономии. «Ой, нет, это—философия!»—испугался Борис, едва взглянув на нее. «Наши ребята никакой философии не любят. Как увидят, что «очень небесное» в книжке написано,—не берут, назад отдают... Нам звезды на небе считать некогда...».

Зато у иного сосчитан каждый колосок в поле. «На квадратный дециметр (непрерменно дециметр) колосьев полагается столько-то, и самый лучший колос—столько-то зерен; удобрение самое лучшее вот этакое... перейдем на многополье, вот такую-то траву буду сеять...». И откуда что берется, каждый—ходячая энциклопедия по агрономии. Начнешь толковать о хозяйстве, о многополье например,—и слушать не станут. «Э, брат, без тебя знаем, дай сил подняться...».

Откуда что берется? А вот заглянем в комсомол, оттуда и берется. Он ли идет навстречу общему вниманию, или, наоборот, за собою ведет «общественное мнение» деревни (а вернее всего, в данном случае оба течения попутны и сливаются в общий поток), но как мы отчасти и имели уже случай убедиться, «сельхозтема» в комсомоле—ударная тема. Это—ударный вопрос, над которым больше всего тужатся комсомольские мозги.

Если докладов на антирелигиозные темы почти не было, то доклады на «сельхозтему» делались и делаются, по меньшей мере, раз в месяц (по крайней мере в зимние месяцы). И доклады даже иллюстрируются световыми картинками.

Стоит рассказать о том, как были добыты световые картины для иллюстрации доклада, приуроченного ко дню комсомольского рождества (нынешнего года), чтобы ясно стало, что комсомолия себя не жалеет, чтобы только не сплеховать в своем любимом (и самом популярном) деле—агитации за укрепление «материальной базы». Все твердо знают, что «прежде всего—экономика, а все остальное—надстройки». Для них это не философия, а прямой вывод из окружающей мачехи-жизни.

Вспомнил кто-то, что в Д—цах, в старой давно уже не существующей школе, как-то старик-учитель Степан Терентьевич

завел керосиновый «волшебный фонарь». Но как раз перед самой войной Степан Терентьевич умер, школу закрыли, а про затею старика все позабыли,—не до того тогда было...

Товарищ Алексей командирится в Д—цы за 18 верст; раз-искивает домик учителя, где теперь проживает какая-то горемычная многодетная вдова, на дырявом чердаке среди хлама и мусора находит то, что было когда-то «волшебным фонарем» и бережно доставляет это самое в Учно.

На первых порах печальный вид его находки повергает всю предприимчивую братию в самое горькое уныние... В фонаре нехватает стекла, нет и следа специальной лампы, оторваны и испорчены всякие крышечки и задвижечки. Но попытка не пытка, в особенности для тех, у кого дело в руках горит. Пробуют приладить простую керосиновую лампу—сойдет, крышечки, оказывается, не все и нужны, а те, что надо, можно заменить дощечкой или бумажкой. Стекла?.. Ну, ладно,—за этим делу не стать.

Товарищ Иван командирится в уезд достать серию картин для доклада на сельхозтему. А все тот же Борис, которому, должно быть, и самый доклад прочесть придется, берется приладить стекла...

Заслуженный «Краевич» вытаскивается из укромного уголка. Он сильно похудел: и с конца, и с начала, и с середины порядком разошелся на «цыгарки». Но, к счастью, отдел оптики, по крайней мере в той части, где он нужен, цел. Формулы штука не хитрая,—приходилось дело иметь. И вот стекла из фонаря переставлены, перелажены, где нужно подоткнуты бумажкой, щепочкой, и к приезду товарища Ивана фонарь сложен, как только привезены картины, испробован и выдержал испытание.

А теперь за книжки, памятуя завет агронома: к докладу готовишься,—все наизусть вызубри, все кодексы законов перерой... Но главное цифры и факты, где, когда, у кого, кто пробовал новый способ, как принимался, да сколько от этого мерой и числом получилось. Без чисто-фактического, подробно изложенного материала и слушать не станут: «Сказки сказывать еще почище твоего всякая баба умеет!»—Оттого-то комсомольцы и стремились так достать волшебный фонарь—уж тут не возразишь: с живой жизни снято и все, как есть, перед глазами представлено,—гляди, да смекай...

И, как видно, смекают. Был такой случай: приходят однажды поутру к одному комсомольцу, только что перед тем выступавшему с докладом, не больше, не меньше—пятеро баб.—«Мы, родимый, к тебе за делом».—«Что скажете, бабоньки?»—«А вот, можа, знаешь, на капусту этакой белый червяк нападает,—летось вот у меня да у тетки Марьи, да у тетки Глаши всю капусту на огороде спортил, ничего не осталось,—так, можа, знаешь, как

бы этого червяка извести...». Парень недаром на агропункт, что в бывшей помещичьей усадьбе, верст за шесть, основан, зимой бегал учиться,—знал о червяке, пустился им толковать. Слушали, потом стали мяться и прервали его: «Да мы, родной, еще вот про что сумлеваемся. Намеднись бабе Фене пономарь сказывал: ежели капусту по весне, как только она всходить станет да над грядой вот этака уже будет, так ее с четверговой вербочки святой водой покропить да еще тако слово сказать—баба Феня знает—так ее ни зверь, ни птица и никакой гад не тронет. Ты нам неумным вот про это потолкуй, так это, ай не?.. Мы вот пошто к тебе...».

Целую лекцию прочел им комсомолец. Убедил ли, нет ли,—не знает. Но не в этом дело. То важно, что такие «неумные» бабы в «четверговой вербочке» начали «сумлеваться» и свои сомнения пришли разрешать к комсомольцу,—ведь никто их не гнал, сами пришли к тому, кому больше верили. И это потому так, что око комсомола не дремлет, умелое слово его западает накрепко, и дело спорится.

2. Комсомольский спектакль.

Спектакль, о котором мне хотелось бы рассказать подробнее, был также организован Борисом. Уже за неделю несколько человек местной молодежи, собравшись сразу же после первого, который мне удалось видеть, спектакля, подбодренные успехом его, решили следующий спектакль устроить в ближайшее воскресенье. На собрание свое пригласили и нас,—мою спутницу и меня. Таким образом мы могли проследить деревенский спектакль с самого его зарождения.

Спектакль, о котором мне хотелось бы рассказать подробнее, ограниченный. Да и хотелось чего-нибудь новенького, злободневного, а такого как раз то и не было. Поэтому тут же поручили тов. Даше обязательно хоть пару новых пьесок достать, когда она в Новгород на экзамен поедет. А пока довольно удачно выбрали для постановки драму в 1 действии «Тот, чья жизнь бесполезно разбилась», Немировича-Данченко, из жизни политических ссыльных. Пьеса легкая и по постановке, и по исполнению. Она должна была быть первой драмой на подмостках ученического театра: «Не посмеют теперь Любынские над нами смеяться!» Но уж тут надо было лицом в грязь не ударить. Распределили роли. Выяснили, будет ли свободно помещение театра—Забалуихино гумно. И, чтобы уж совсем, как следует, можно было пыль в глаза любынцам пустить, решили, кроме названной драмы, поставить еще две штуки. Концертное отделение тут же прорепетировали на гитаре и балалайке и затем

разошлись. Борис взял на себя предупредить отсутствующих участников спектакля.

Среди недели в хлопотах я забыл совсем о подготавливавшемся спектакле. Но вот однажды вечером (это в ильинскую пятницу было) прихожу домой, хозяйка мне говорит: «От попадьи тут прибежали, наказывали, чтобы ты к им зашел, как придешь». — Иду.

Попадья—это Людмила Михайловна, она—вдова уже 8 лет, все время была учительницей. Дети ее уже порядочно подросли. Старшая, Аня,—одна из самых деятельных сотрудниц Бориса,—целый год даже была студенткой Герценовского института у нас в Ленинграде. Николаю лет 15—16, а остальным двоим тоже недолго ждать, чтобы и их приняли в сестрин кружок. Сама Людмила Михайловна только и живет молодежью. Прежде всего она бессменный суфлер на спектаклях. Непременный участник всех благих начинаний. Добросовестнейший посетитель всех культурных и организационных собраний, устраиваемых в волисполкоме. Хоть на минутку послушать забежит между делом, часто, как была, с подойником, с кринкой, по пути от соседки. Официально она теперь пом. зав. яслями, устроенными в Учне как показательные.

За последние несколько лет Людмила Михайловна как бы переродилась. Теперь она не сорокалетняя полова вдова, а молодая восторженная девушка, ровесница своей дочери. Бывает, до того засуетится на какой-нибудь репетиции, что и коров прозевает, и про ужин забудет. А «ребята» и рады,—так и кричат со всех сторон: «Мама, лампу вторую надо», «Матушка, картину какую-нибудь», «Самовар надо бы». И она бежит, достает, приносит, обсуждает, спорит, устраивает все вместе с «ребятами». О себе говорит: «Вы знаете, я и не знала, что была коммунисткой,—ведь я в душе всегда была коммунистка...».

Конечно это не значит, что ею усвоены хоть какие-нибудь, хоть самые маленькие основы марксизма или принципы РКП. Нет! просто прежде серенькая жизнь шла изо дня в день. Домовитый добряк-муж, церковь, школа, в школе она учит ребят так же и тому же, чему училась сама, привычное родное село,—а дальше, кругом на тысячи верст, не все ли равно что?—ведь и там такая же длинная серенькая тихая и мирная жизнь...

Муж умер. Грянула революция. Неведомо как, удалось прожить первые годы разрухи. А потом под знаком коммунизма пришли на село театр, изба-читальня, собрания, ясли, газета. Когда-то спокойный на тысячи верст кругом весь мир навалился со всех сторон мелькающей лавиной все новых и новых событий. Жизнь зашевелилась. Глаза раскрылись. Кипучая деятельная натура развернулась во всю. И вот Людмила Михайловна—«коммунистка».

В доме Людмилы Михайловны также и клуб. Так уж повелось в праздничные вечера там собираться. Места хватит,—дом большой, двухэтажный, наследие поповых времен. Это только теперь новому попу чуть ли не самый худший на селе дом отвели. А прежде поп был в почете.

Узнав от хозяйки, что меня звали, туда-то и направился я тогда вечером. Вхожу. Большая комната, мягкая мебель, цветы, картины, портреты. Посредине комнаты Борис с гитарой, Аня с балалайкой, Коля, Анна Васильевна, еще кто-то,—сидят, о чем-то горячо рассуждают. Из кухни Людмила Михайловна изредка вставляет свои замечания. Это, оказывается, первое собрание по поводу предстоящего в воскресенье спектакля (а сегодня уже пятница). Просят меня помочь и в одной из пьесок участвовать. «Ладно,—а только когда же вы успеете?»—«Э! Нам не впервой, как еще дело обделаем, раньше некогда было».

Сейчас же, распределив роли, устроили первую репетицию. Каждый свое читал по книжке под руководством Бориса. Надо было слышать его замечания. Он весь ушел в игру. В словах каждого собственным примером исправлял малейшую ошибку, на которые был поразительно чуток. Тут же объяснял характер данного действующего лица пьесы и как лучше его оттенить: «Постой... ведь ему обидно, что ему не верят, и потом он ее любит, так ты это и покажи,—ты так, поспокойнее немного, скажи и немножко с тоской. А ты, Аня, побольше с презрением, чтобы было видно, что не веришь тому, что он рассказывает и насмеяешься над ним. А ты, пока они говорят, вот так, хотя бы головой покачай,—тебе, значит, и жалко и тоже не веришь... а потом сразу встань и протяни ему руку и громче скажи...».

Иногда Борис единолично передавал целые беседы и сценки, живо и верно. Помню, заглядевшись на него, я был далеко не на высоте положения. Он меня постоянно поправлял. Не знаю уж, откуда это все у него бралось...

Потом пошли на другой конец села в Забалухино гумно, посмотреть, все ли в порядке. Оказалось, все в беспорядке. Дьякон, купчихин зять, вчера молотил. Но это ничего. Завтра Борис все приготовит. Ребята ему помогут. Сами сказали: «Вы нам даром представления устраиваете, надо же и нам помочь вам». «Вы»—это комсомольцы, но и «мы»,—«ребята»,—помаленьку втягиваются в их комсомольские затеи. Пока туго, но ведь теперь лето—пора рабочая.

В гумне еще раз на подмостках прорепетировали и после обсудили, кому какие вещи приготовить к спектаклю.

По пути назад говорю Борису: «Что ж это и завтра мы впертом только репетировать будем? Не ладно так!».

— Да что поделаешь, теперь праздники три дня, а ребята за неделю замаялись, отдохнуть, погулять хочется, да и самогонка—сам знаешь... Да и что там, и без репетиции как еще, увидишь, сыграют...

— А сам-то ты что же не повеселишься?

— Нет, брат, я не пью, не курю... и не по мне такое вселье!—возразил Борис.

Он зашел ко мне за бумагой для второй афиши. Первая, им же написанная, уже висела напротив церкви, но, увы! значительно с углов пообкусанная. Так по кусочкам и расплзлась—на цыгарки. Другую мы в исполкоме повесили. Сейчас она у меня, красивая, в несколько красок, разрисованная Борисом.

На следующий день репетиция была такая же малолюдная. Опять Борис за всех отсутствующих исполнял роли, а мы все тянулись за ним, старались не сплеховать. Прибрали гумно. Кое-как скомбинировали сцену из нескладных фанер. Корявое окно не слишком бросалось в глаза, дверь открывалась сносно, печка на месте, кровать из ящичков достаточно похожа сама на себя. В первой пьесе надо бы портрет Маркса. Конечно за этим дело не стало бы,—Борис бы нарисовал. Висит же у него дома портрет Ленина, нарисованный им самим. Но беда: он не помнит черт лица Маркса. Долго спорили, хотелось, чтобы обязательно был Маркс, чтобы малейшие требования пьесы были соблюдены. Но, конечно, кой-чем пришлось поступиться.

В воскресенье все утро заняло собрание вол'ячеек РКП и РЛКСМ. Длинный доклад, толковый и вразумительный, о международном положении делал тов. Дмитриев. На том же собрании был доклад о работе волостных школ за год. Много времени заняли текущие дела. В общем собрание заняло времени ровно до 6 часов вечера. Ни о какой «генеральной репетиции» нам и думать не приходилось. На гумне уже народ собирался.

Несколько косолапых скамей. Две передние, как повелось, сплошь заняты ребятами. Они давно уже на скамьях жмутся, ждут с нетерпением. Понемногу сходятся парни и девки. Старики, чинно беседуя, расположились отдельной группой. Под напускной важностью на лицах просвечивает ожидание чего-то очень интересного. Разговоры не об урожае и не о хлебе,—весело балагурят. У всех настроение повышенно-праздничное. За главного распорядителя и блюстителя порядка в «зале»—«Могила» (Василий Павлов—это за то, что он всегда говорит: «Э, брат, да тут не перескажешь всего! могила!» или «Никогда нам этого не сделать! Могила тут!», его так и прозвали «Могила»). Он то и дело кричит: «Семьячками не мусорить! Отберу! Куда полез! Там не готово!». Могила хочется принять самое ближайшее участие в комсомольском спектакле. Ничего, что ему за третий де-

сяток перевалило. Ничего не значит, что он только и дышит рассказами о таинственных кладах и древних курганах да змееными заговорами. Даже и то, что он в Иванову ночь ходил ловить ведьму, ничего не значит. Ведь и Иван Никитин с ним вместе ходил,—а ведь он—коммунист, в комсоставе армии состоит,—в отпуск тогда приезжал. Конечно ведьму они не поймали, но это оттого, что пьяные были и замешкались, опоздали. На будущий год обязательно словят: «Приезжай, вместе пойдем, увидишь»,—говорил он мне. Все это не мешает Могиле с комсомольцами спектакли устраивать. Теперь день, да еще праздничный, а «чертиху», «водяную бабу», он видел в глухую ночь. И Могила бегаёт, суетится, покрикивает, все с подмигом, с шутками, с прибаутками. «Эй, Петька, петух нерезанный, пол подлизать заставлю!». От Петьки в ответ несется реплика еще покруче. Шум, смех, болтовня.

А там, за занавесом, суета еще пуще. Беготня, грохот. Столы, стулья, шубы, тулупы, ящики, посуда так и носятся по всей сцене, за сцену, опять обратно. Стучат молотки, пляшут фанеры. Споры, торопливые понукания. Угольки и мелки так и мелькают по физиономиям. Осколок зеркальца бегаёт из рук в руки.

Наконец все готово. Уф! Но уже раздвинут занавес. Едва суфлер Людмила Михайловна успела спрятаться сбоку. Мгновенная тишина. Даже бабы-говорухи, и те смолкли. Вся масса всякого калибра и характера физиономий устремилась на сцену. Гумно переполнено. Но там еще кто-то прется через перекладину ворот. «Тише! Во лещий! Некуда!».

Действие начинается. Разумеется, «жарят» главным образом «под суфлера». А суфлер на все фронты—тому подмигнуть, тому за сцену постучать, этому повторить. Но актеры не смущаются. Где какая заминка случится,—от себя вкрутит словечко, штуку выдумает какую-нибудь. А зрители неразборчивы.

Молодой захникский учитель—тот, что в Руссе недавно педтехникум кончил—играет главную роль. С наведенными бровями и усиками он так красив, что на него все так и заглядываются. Играет спокойно, ровно, уверенно, роль знает хорошо. Молодой жандармский офицер, ставший революционером,—так и кажется, что это все и вправду с ним было. Борису роль казака-караульного на каторге, благодушного балагура, всей душой преданного революционером, тоже очень подходит и, как всегда, удается. У Ани удачно выходит роль девушки-героини, самоотверженной революционерки. Все прониклись настроением пьесы, хотя на репетициях этого не было заметно.

Раскрытые рты и тишина среди зрителей свидетельствуют, что дело идет на лад. Если не все понимают, то чутьем смысл угадывают.

В конце немного напортили. Милиционер, который обещался играть роль жандарма, не пришел, где-то замешкался. Вместо него наспех упростили выступить ученого учителя Михаила Ивановича. Напялили на него какое-то зеленоватое подобие шинели, нелепый синий картуз, выпихнули на сцену: «Валите под суфлера». Вылез Михаил Иванович, ахнул что-то такое неразборчивое и, что делать дальше, не знает, стоит, руки растопырил, глазами моргает, очки с носа на бок съехали. И самому смешно, и кругом хохот,—пока-пока очухался.

Но трагический «финал» провели опять с настроением. Алексей (молодой учитель из Захнихи) так горячо произнес свой последний монолог, что все от него настроением заразились. В публике снова тишина гробовая.

«Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать...»

И как раз когда Алексей поднес к виску «револьвер», Коля с Минькой, как было условлено, выстрелили бертолеткой за сценой—во-время. Конец исправил дело.

«Молодцы ребята! Bravo! Bravo!»—раздавалось со всех сторон. Кто-то задумался: «Вишь ты, как он убился...», «А, ведь, ровно всамделе, как упал!», «А этот все прятаться бегал...», «А Михайло Иваныч-то смешной!». Начался горячий обмен впечатлениями. Обступили сцену, что-то кричали. Ребятишки так и лезли со всех сторон. Едва-едва удалось мне кому-то на ноги спрыгнуть со сцены. Но зато помощников для «перемены декораций» нашлось вдоволь.

Перерыв был недолог. Через каких-нибудь 8—10 минут начали вторую пьеску, шутку в одном действии: «Товарищи на новоселье»,—несмотря на то, что из пяти актеров, обещавших играть, на месте было лишь трое. Один из опоздавших потом говорил, будто пришел во-время, да не смог на сцену протиснуться.

Наскоро, среди сутолоки, перераспределили роли. Борису пришлось отдуваться в главной. Теперь уж откровенно: «Не выдате, Людмила Михайловна!». Но она ли не старается. Раздобыли где-то долговязого, хитроглазого паренька. И ему играть, и меня опять притянули. Но оно вышло к лучшему. Пользуясь незначительностью и легкостью второстепенной роли, я вдоволь мог понаблюдать зрителем. А со сцены было так хорошо видно. В течение всей комической пьески сцена представляла из себя попойку дубоватого простака со своими товарищами, которые, дабы кутнуть хорошенько, решили обвести вокруг пальца своего друга, и под предлогом ненадобности на новой квартире распродают по-

маленьку его пожитки. Кончается тем, что они женят его на хозяйке, от которой он, к великому ее горю, собирался съехать на семейную квартиру. Вся соль пьесы в бесконечных шутках, прибаутках, островах за бутылкой вина.

Бутылки! О, что это был за ужас! В погоне за возможно полным реализмом они налиты были водой. Но эта вода! И керосинцем, и самогонцем, и маслицем деревянным, и чем-чем только не отзывала. Конечно самоотверженные актеры и виду не показали... Но потом долго пришлось плевать.

Непрерывный хохот и гвалт стоял на гумне. Становились на скамейки, лезли на сцену. Поощряли актеров, поддакивали им, подсказывали от себя, отвечали за них. Кто-то в азарте даже за рукав дернул одного из нас. Ребятишки забрались на ригу и глазели чуть не с самого потолка. Добрая половина их вертелась под ногами у исполнителей. В заднем ряду, позабывшись, два старика во все горло рассуждали о том, что представляют «гораз подходяче» и умильно друг другу смеялись.

Едва мы кончили, сцена так и затрещала от навалившейся публики. Каждый лез со своим замечанием. Хохотали, хлопали по плечу. Первую минуту перестали отличать своих товарищей от веселых действующих лиц пьесы. Обо мне, до сих пор мало меня зная, повидимому, так и порешили, что я и есть такой разбитной малый, каким был на сцене. До самого моего отъезда иной раз, бывало, идешь по деревне, а кто-нибудь с другого конца улицы уж зовет: «Эй, Кочешков, Кочешков! Как опохмелился?». Несмотря на то, что, может быть, уже целая неделя прошла с того дня, когда я был «Кочешковым».

Раз как-то иду. Бабка совсем старая меня останавливает: «Куда это ты? А шапку где дел? Аль позавчера пропил? Веселый ты парень...».—«А вы, бабушка, тоже смотреть ходили?».—«Вишь ты! Что старуха, так и не поглядеть,—глядела, все мы глядели...».

Действительно вся деревня от мала до велика глядела. Третью пьесу мы отменили. Опять не оказалось половины исполнителей. Да и поздно было уже. И не нужно. Зрители были вполне удовлетворены. «Спасибо! Спасибо! Молодцы ребята! Довольно! Спасибо!»—отвечали со всех сторон объявившему об окончании Борису. Уже темнело. Весело галдя, народ поплыл из театра. Даже против обыкновения не танцевали после спектакля. А вместо дивертисмента, обычно тоже необходимого, Борис с Аней лишь на балалайках маленько потренировались, в ожидании, пока все разойдутся.

Дивертисмент был на прошлом спектакле. Совсем незатейливый: пара балалаечных номеров, «Арина, мать солдатская» Некрасова и то не вся, стишок о божестве и удобрении и весьма удачно

разыгранный невзрачным пареньком «Часовой, которому хочется спать». Про исполнителя последнего номера интересно рассказывали: он прошлый год женился «по-новому»—18-летний на 16-летней. Этот год они разошлись тихо и мирно,—«вон эта девка его жена, она нынче опять замуж выходит». Бывшая жена в это время услаждалась актерством своего бывшего «забавушки».

Когда гумно опустело, мы поспешили низвести его из сана «Народного Дома», прибрав его для завтрашней молотбы. Потом забрали свои пожитки и отправились по домам.

«Первые шаги».

Старик Герасим рассказывал: «Вернулся я из ссылки на завод и увидел, что настали не те времена. Все приглохло, все притушили; все провокаторами стали. Свои товарищи, с которыми в пятом году бастовали, гляжу, лицо в сторону воротят, кланяться не хотят. На завод не приняли обратно, пришлось уйти на крестьянскую работу. Тут война началась. Поп уезжающих в солдаты напутствует: «Идите царя-батюшку защищать и нашу веру православную». А сам небось своего сына, что в Воронеже адвокатом служил, под рясу от войны спрятал. Эх, как вспомнишь это время, горько становится. В деревне бабы голосом режут, заливаются, мужики только хмурятся да думу про себя думают. А заехал в город,—(сына в солдаты отдал)—купчины с портретом Николая ходят, а к ним и помельче людишки пристали. Не вытерпел, сказал им: «А вам-то, дурни, какого хрена нужно?». Озлились, накинулись бить,—едва ноги старые унес. Темно было, просвету не видать. О свободе и думать позабыли...

Так два года прошло. В марте это было 1917 года. Прибегает меньшей сынишка, кричит: «Батька, из Воронежа приехали и нашего урядника арестовали. Революция, говорят, и царя свергли». Поднялся я с лавки, говорить не могу, сам рад безпамяти, а веры нет...».

Старик замолк, углубился в воспоминания о прошедших днях. Ребята не шелохнулись, их захватила неподдельная правда рассказа, так неожиданно вылившееся из уст обычно молчаливого старика Герасима, участника революции 1905 года. Он поплатился за это отсидкой в крепости и высылкой на 5 лет в Тотьму, а также и здоровьем, потерянным после избения в тюрьме за пение революционных песен.

Забрели к старику Герасиму ребята случайно. Зашли за его сыновьями и дочкой, чтобы в театр пойти, да и засиделись там. Все присутствовавшие были комсомольцы местной ячейки при заводе. Еще за много лет до революции сюда проникали щупальцы революционных организаций. 1905 год в заречном лесу

собирает многолюдные митинги рабочих завода и окрестных крестьян. Местным жителям давно уже были знакомы многие лозунги, которые только с революцией вышли из подполья. Не удивительно, что первые вспышки революционного пламени нашли здесь готовую почву.

Не заглохли еще грозные удары борьбы в центре, как явились сюда скрытые до сих пор представители разных партий. Кадеты нашли своих последователей в лице заводской администрации, эсеры широко развернулись в окружающих завод деревнях, а среди рабочих низов сковалась коммунистическая ячейка. Каждый месяц существования правительства Керенского увеличивал количество и улучшал качество большевистской ячейки. В октябре ячейка выдержала большие бои, изгоняя засевших на заводе и в волостном совете эсеров. Но нашествие Мамонтова и Шкуро разрушило наладившуюся было работу и загнало оставшихся в живых партийцев в подполье или в партизанские отряды.

Комсомольская ячейка возникла лишь с окончанием гражданской войны, когда условия мирной обстановки позволили уездной организации обратить внимание на работу вне города.

В несколько месяцев ячейка комсомола при заводе собрала 50 членов, а позже ленинский призыв довел число ее членов до 70. Ячейка объединила собою почти всю заводскую молодежь. С девушками дело обстояло, да и сейчас обстоит, хуже: из 70 членов ячейки всего 2—3 девушки. И это—повсеместное явление не только на заводе, но и во всех окружающих деревнях, где даже вдовы на деревенские сходы не ходят.

Старики плачутся, что их совсем не слушают, все дела молодежь вершит. Тут вот как будто бы и видна революция. Видна, да не совсем, глубины нет: еще женщина за бортом осталась.

Не спорилась работа у комсомольцев на первых порах. Направляющей руки не было. Теперь другое дело,—с ячейкой партии крепко спаялись, хорошего секретаря выбрали, и пошло дело так, что всему уезду тон задают.

Первым долгом у комсомольца учоба на уме... Организовали читальню и библиотечкой обзавелись. Помещение во дворце принца Ольденбургского (бывшего владельца завода) заняли, уголок Ленина устроили. Придешь вечером в читальню, народу много соберется, но никто не шумит, слышится только шуршание перелистываемых страниц да изредка поскрипывание табуреток. Головы ребят склонились над газетами и книгами...

Воскресенье... Приодетые рабочие с женами и детишками гуляют в саду, разбитом перед дворцом. Сад берегут, обхаживают. Посреди сада громадная клумба с мраморной чашей и в чаше тоже насажены цветы. За садом поле. Теперь здесь устроена футбольная площадка. Сегодня состязается местная заводская

команда с соседней командой лесопильного завода; лесопильный завод по соседству, верстах в 6, сейчас же, за лесом.

Сюда собрался весь народ не только с Борок и Рамони, но и из всех соседних деревень. Играют с азартом, не жалея сапог (бутсов нет ни у кого), а некоторые просто босых ног,—это те, у кого и сапог нет. Видны две-три гимнастических фуфайки, пятном выделяющиеся из общей массы пестрых костюмов игроков. Играют с переменным успехом. Каждая команда из всех сил старается не уронить чести своего завода. Особенно выделяется один из игроков Рамонской команды, несмотря на то, что у него нет совершенно левой руки (потерял на фронте). Игра кончается в пользу рамонцев. После игры направляются в театр. Ставится пьеса Островского «На бойком месте».

Театр помещается в здании, где раньше был склад. Большой квадратный зал с пристроенной к задней стене деревянной сценой уставлен рядами скамеек. У входа два барьера, между которыми проходит публика. Барьеры поставлены после того, как несколько раз тщетно пытались удержать публику, стремившуюся попасть в театр без билетов. Все места нумерованы. При театре буфет, где есть не только папиросы, конфеты и печенье, но даже и пирожное.

Зал быстро наполняется публикой. Все чинно размещаются по номерам, указанным на билетах, совсем как в городских театрах. За сценой еще долго слышны переговоры, перестановка мебели и т. п.

Спектакли здесь ставятся драмкружком при клубе, куда входят почти все комсомольцы. Кружок достаточно хорошо работает, хотя страдает обычным грехом деревенского театра—быстротой постановок. Редкое воскресенье проходит без спектакля. В кружке выработались даже профессионалы-актеры.

После спектакля скамьи убираются, и начинаются танцы. Поразительное смешение лиц и костюмов. Красные платки и расшитые кокетливые чепчики; белые кофты с простыми юбками и модные узкие платья; грубые чулки домашнего изготовления и шелковые серые или цвета «беж»; толстые сапоги и туфли лодочкой. За роялем две седые дамы, мать и дочь, бывшие приживалки при дворе князя. Теперь они обучают рабочих ребят музыке. Их костюмы особо выделяются из общей массы. Черные платья со стеклярумом, лорнет на цепочке из четок. Но это последние могики отжившего мира. Ныне в зале шумят и утешаются люди, сменившие их.

Борьба с танцами здесь еще не известна. Наоборот, здесь культурным достижением считается проникновение в деревню «карапета» (читай: ту-степа) и краковяка. Каждое празднество, вплоть до юбилея парт'ячейки, заканчивается танцами. «Надо же

повеселиться молодежи», — говорил мне один из работников ВИК'а. Игры тоже старые: «амур», «цветы», «короли или римские папы», неизбежно оканчивающиеся поцелуями. Все это здесь в новинку.

Но большинство комсомольцев мало интересуются танцами и еще меньше играми. Уйдут из зала, соберутся где-нибудь кучкой и беседуют. Те, что послабже, жалуются: «Вот-де, в городе на нас, видно, рукой махнули, думать о нас позабыли, все старое да старое. В городе тебе и театр — не театр, и то, и другое, а здесь и пьес, кроме Островского, нет». Но которые покрепче, — не унывают: «Вам бы надо, чтобы за вас кто другой думал, — нет, вы сами мозгой пошевелите».

Сахарный завод является культурным центром волости. Совершенно естественно, что и заводская ячейка РЛКСМ взяла на себя задачу путем прикрепления своих активных членов к деревенским ячейкам поддерживать их работу. Таких ячеек в районированной волости несколько. Прикрепленные члены заводской ячейки усердно берутся за работу и действительно часто играют руководящую роль в жизни деревни. Период несения административных функций исполкома членами ячеек в описываемой мною местности совершенно прошел. Осталась большая агитационная работа при проведении тех или иных заданий центра, «День кооперации», «Десятилетие империалистической войны» были днями, когда трудно было на заводе найти комсомольца. Все разъехались по деревням проводить сельские сходы. Не забыли комсомольцы и деревенской девушки, решили женскую конференцию созвать в ближайшем селе, волостном центре. Разошлись парни по окрестным селам собирать собрания девушек для выбора делегатов. Я пошел с секретарем комсомольской ячейки при селе Березове, тов. Голомзиним.

В лесу по дороге в деревню Ивницы собралась молодежь — парни и девушки — из трех соседних селений. Уже издали доносились залихватские звуки гармошки, топот ног и визгливые голоса, вперебой кричавшие частушки. Подойдя ближе, мы увидели на полянке при дороге гулянье в полном разгаре. Разомлевшие от пляски девки не переставали выкрикивать слова частушек:

Ах, милка моя,
Чем тебе я не мила?
Купи баночку помады,
Чтоб я белая была.

Как при старом при режиме,
При царе Николке,

Не носили гребешки,
Не было приколки.

Девки постарше уныло мялят:

Не горюйте девки,
Что мы — засиделки.
Теперь новые права,
На всех норма дана.

Отдельные пары разбрелись в обнимку по кустикам. В такой обстановке о собрании и думать не приходилось. Выйти из затруднения помог гармонист Петька, комсомолец из Березова, который, узнав, в чем дело, встал с пенька, на котором сидел и, не говоря ни слова, побрел по дороге к Ивницам, а за ним, как послушное стадо за пастухом, побрела вся толпа. Петька напрямиком направился к помещению сельсовета в Ивницах и здесь остановился у бревен, лежавших перед избой. Это было постоянное место сельских сходов в летнее время. Мой спутник взлез на бревно и обратился к девушкам с речью. Девчата удивленно поглядывали на оратора, видно, не могли взять в толк, точно ли к ним относятся слова говорящего парня. Смешки и перешептывания притихли. Парни сгрудились в сторонке, подтрунивая над девицами: «Смотрите, в коммуноу запишут, комсомолками сделают». Девчата отмахивались руками, — идите вы к лешему!

Голомзин говорил о равенстве женщины и ее рабочем положении в крестьянском хозяйстве, о слабом развитии его, о неграмотности и о необходимости бороться с невежеством. Дело дошло до выборов. Непривычное это дело для деревенской девушки. Девчата толкали друг-друга, перешептывались и все же не решались назвать желаемых кандидаток. Расторопная Анютка вывела всех из замешательства: «Что же мы, девки, жмемся? Любопытно послушать, о чем комсомолы нам говорить будут!». Кризис прошел. В несколько минут делегатки были избраны. Снова загудела гармошка, и заходили ноги у застоявшейся молодежи.

На другой день, ровно к 10 часам утра, вся комсомолка была в сборе, чего до сих пор никогда не бывало. Помещение клуба в здании сельскохозяйственной школы было выметено, стол на сцене покрыт красным плакатом, в зале чинно расставлены скамейки. Докладчик нервно поглядывал в свой конспект. Все было готово к приему делегатов, но их не было. Зная деревенское правило опаздывать, мы ждали. В сельской церкви кончилась обедня, проплелось десятка два старушек да пять-шесть стариков. На площади снова пусто, только свиньи кряхтят в канаве, тщетно стараясь найти сырое место. Прождав бесплодно четыре часа, мы уныло разбрелись по домам.

Причиной неяви делегатов был родительский гнев. Отцы грозно встретили избранных на конференцию: «Ты что вздумала, к коммунистам шляться? Тебя видно мало за косы таскали? Комсомолия тоже! В церковь бы лучше ходили. Мало парней с пути сбили, так и за девок вздумали приняться!». В церковь девки не пошли, но и на конференцию тоже. Рассказывали, что некоторые из делегатов были более упорны, но результата не получилось. Отцы мало того, что за косы оттаскали, так еще из дому на ночь выгнали.

Первая попытка созвать конференцию девушек не удалась, но она не убила стремления комсомольцев привлечь в свои ряды деревенскую работницу. С каждым собранием все больше и больше наполняется зал слушателями, и среди них немалый процент девушек.

В школе есть рояль—это приманка, привлекающая туда всю молодежь села Березова. Тут, конечно, неизбежна встреча с комсомольцем. А удобного случая комсомолец никогда уж не прозевает.

Рамонцы почти совсем не используют собрания девушек на полевых работах у экономий сахарного завода. Только воронежские студенты, бывшие там на практике, предприняли некоторые шаги в этом направлении, выразившиеся в устройстве широких бесед на злобу дня.

В двух верстах отстоит Березово от Рамони. Расстояние небольшое, но состав ячеек определяет степень развитости комсомольцев. Березовцы, несмотря на то, что они учащиеся сельскохозяйственной школы, значительно ниже стоят в своем политическом развитии по сравнению с рамонцами. В Рамони энергично пульсирует жизнь, не прекращается напряженная работа, даром времени не теряют. В Березове—совсем другая картина: вялость, постоянная нужда в погонялке. Березовская изба-читальня не имеет того приветливого вида, как заводская, литературы в ней очень и очень мало. Кучка политических брошюр, по большей части слишком трудных для полуграмотного крестьянина, да несколько книг по новой беллетристике, которые до дыр зачитывают. Извлекли из-под спуда библиотеку принца Ольденбургского, но там мало оказалось пригодного, больше уставы да отчеты всевозможнейших банковских и других коммерческих учреждений, да массивные книги «Весь С.-Петербург» и «Вся Москва».

А нужно бы книгу, очень нужно. Разговорились мы с ребятами, как-то под вечер, затронули много вопросов. Затронули «войну грядущего», а с ней и Доброхим, революцию, Керенского и Ленина и, естественно, докатились до волнующих крестьян вопросов о религии. Из беседы я выяснил, что, напри-

мер, о сочинениях Степанова¹⁾ немногие слышали, но читать их никто из присутствовавших ребят не читал, дальше Демьяна Бедного не пошли, между тем, со мною сидели все неверующие. Один из них, батрак Митрофан, недавно вернувшийся из Сибири, куда его загнал голод 1921 года, свое неверие выразил так: «Поп говорит: трудно войти богатому в царство небесное, а вон в Лопатках у попа 70.000 рублей было, ему, небось, не охота быть бедным». И еще: «Пролетарию будет там хорошо, а буржуазному классу здесь хорошо. Как богатому, так бог помогает, а как пролетарию, так нет». Другой безбожник опирался на нелепости библейского текста: «Вот сказано в библии:—«Сказал бог: Да будет свет! И стал свет. И увидел бог, что свет хорош».—Значит, бог не знал, что творит, так он не всеведущ. Какой же он после этого бог?». У других неверие еще более примитивно и укладывается в формулу:—«и верили бы, да не верится», или так: «потому не верю, что есть люди, не верующие в бога, а в преисподнюю они не валяются,—значит, никакого бога нет», или просто: «бога нет потому, что попы его выдумали».

Но есть люди с философской жилкой. Вот, например, рассуждения Гриши-рабфаковца, которого понемногу начинает разъедать мещанская обстановка городской жизни. Эти рассуждения взяты из его записок: «Чорт возьми! Какая-то пассивность у меня к окружающей среде, на все смотришь, как на кошмар движущихся существ... Там среди массы, оторванной от своих внутренних чувств и предавшей себя на добывание хлеба насущного, только и слышатся отголоски своего личного повседневного труда... Жизнь бесцельна,—живут, трудятся, охают и больше ничего; только религия, затемняющая умы, является успокоительницей, пределом жизни забитого разума».

Как различен «подход» к религиозному вопросу у батрака Митрофана и рабфаковца Гриши! Не нужно большой проницательности, чтобы определить и разницу условий жизни этих двух комсомольцев. Митрофан с малых лет работал в людях и немногие свободные минуты уделял чтению книг. Страстное желание учиться клокочет в нем, но он малограмотен и слишком поздно вступил в комсомол, чтобы быть посланным на рабфак. У Гриши—другая жизнь, отец его не из бедных, до революции понемногу поторговывал и своего единственного сына на работе не мучил. Где же тут могло отточиться сознание принадлежности к пролетарскому классу? И понятно, почему к нему так легко пристала «философия» о бесцельности жизни людей, не знающих, где применить свой труд. Для Митрофана нег этих

¹⁾ Степанов, И. Мысли о религии. Задачи и методы; антирелигиозной пропаганды.

сомнений, смысл жизни ясен, он рисует его в своем стихотворении «Смычка»:

Ты—рабочий, я—крестьянин,
Оба братья мы с тобой.
Вместе мы с тобой составим
Новой жизни лучший строй.
Я с сохой тружуся в поле,
С молотком ты у станка.
После темных дней неволи
Жизнь свободная взята.

Многие из ивницких ребят уже в комсомоле, а еще больше в него не вступили. И вот тогда же летом, собравшись как-то во время гулянки, парни порешили записаться все сразу в комсомол. Здесь немалую роль сыграл Гриша. Но (все бы хорошо, да вот «но» вмешалось) они запишутся лишь с условием, если организуют ячейку у них в селе. Ивницкие рассуждали так: в Рамони «чисто-рабочая» ячейка, в Березове—большинство учеников сельскохозяйственной школы, так пусть у нас в Ивницах будет «чисто-крестьянская» ячейка. Порешив на этом, парни, во главе с Гришей, пришли ко мне с просьбой оказать им содействие в организации ячейки и созыве организационного собрания. Ивницы всего в полутора-двух верстах лежат от Березова, так что распыляться на две ячейки было совершенно не к чему. Кроме того, вступая в комсомол, парни ни разу ни программы ни устава его и в глаза не видали. Они думали, что у комсомола только и дела, что ставить спектакли да вести борьбу с самогоном. На беду не только березовцы, но и более сильные рамонские комсомольцы, слишком ушли в себя и сравнительно мало выносят свою политико-просветительную работу в массы.

Созвать собрание я созвал. На собрании постарался объяснить всю нелепость такого разграничения на крестьян, рабочих и учащихся. Указал на необходимость создать тесную смычку между деревней и заводом и положительные результаты такого общения. Но никакие разъяснения не могли подействовать на этих упорных «автономистов». Лишь часть парней согласилась с моими доводами и решила вступить в Березовскую ячейку. «Автономисты» не удовлетворились моими указаниями, и на районном съезде РКСМ в Березове обратились с той же просьбой к представителю воронежского укома, который, к большому их огорчению, повторил те же доводы против организации отдельных ячеек.

Кстати, собравшийся 20 июля съезд ячеек районированной Березовской волости имел целью объединить многочисленные ячейки, создав общий центр для руководства работой.

Заседание съезда было непродолжительно, так как в повестке

дня стояло лишь два вопроса: доклад представителя уездного комитета РКСМ и выборы райкома. Представитель укома в большом докладе осветил все стороны не только местных вопросов, касающихся воронежской губернии, но и вопросов внешней политики нашего правительства. Первыми словами его было сообщение о принятии всесоюзным съездом РКСМ названия Ленинского. Это сообщение вызвало долгие аплодисменты, закончившиеся пением «интернационала».

Районный съезд окончился красными октябринами. На сцене березовского клуба появляется коммунист и его беспартийная жена, с ребенком на руках. Она простая, незаметная женщина, в ситцевой юбке в полоску и кофте с ярким узором. Робко прячется за спиной мужа, стесняясь соен глаз, направленных на нее. В зале теснота невероятная, толпы крестьянок сжались в дверях, открытые окна чуть не доверху забиты любопытными. От этого в зале даже немного темно. Все Березово собралось смотреть на невиданное зрелище. Это, ведь, первые октябрины в Березове. И они обставлены так торжественно. Организатор Березовской ячейки РЛКСМ Голомзин открывает октябрины. Член уездного комитета тов. Рыков говорит о значении октябрин, как замены старых церковных обрядов. Тем временем представительница женщин, тов. Денисова, обертывает ребенка в красное одеяло и передает его тов. Голомзину, который от имени ячейки РЛКСМ говорит о принятии комсомолом шефства над ребенком и дает ему имя «Владилен». Затем следуют приветствия от райвик'а, ячейки РКП (б.) и раймилиции, при чем начальник милиции приветствовал тов. Мирру Крюкову (мать ребенка) «за понимание советского аппарата и святое дело, совершаемое ею».

Вот несколько беглых штрихов из жизни воронежского комсомола.

Комсомол Прионежья.

Не сразу вырос комсомол в деревне в такую молодую, буйную, ржаную силу. Но легкие намеки на то, что впоследствии должно было стать комсомолом, чувствовались в нашей деревне еще и до революции.

Говоря о молодежи города и деревни, нужно проводить между ними резкую грань. Да и вполне понятно: городская молодежь (я говорю только о рабочей молодежи), рожденная и воспитанная среди фабричной копоти рабочих окраин, среди гула заводских станков и машин, была более развита, организована и дисциплинирована, чем деревенская. Что же было у молодежи деревни? Молодежь деревни без отдыха работала летом, а зимы коротала на посиделках (беседах) и вечеринках. В праздники она выходила на улицу и под гармошку с жаром охватывала кадрили или же длинными шеренгами разгуливала взад и вперед по деревне, гогоча и громко горланя песни, зачастую совсем непечатные. Это называлось весельем...

Только большие волостные села несколько выделялись на этом сером фоне деревенской обыденщины.

Вознесенская волость, Лодейнопольского уезда, Ленинградской губернии, и ее центральный пункт, поселок Вознесенье, представляют особый интерес в том отношении, что юношеское движение здесь забродило давно; оттого и комсомол сравнительно с другими селами здесь наиболее развит и силен.

Население волости смешанное. По реке Свири и вообще вблизи водных путей—русское, а несколько вглубь—чухарское (чухари—финское племя, называемое также чудь, вепсы, кайваны, в большинстве своем обрусевшее).

Между прочим, вепсы-чухари—это остаток той самой веси, которая когда-то вместе с новгородскими славянами и мерей и муромой участвовала в призвании Рюрика и братьев.

Поселок Вознесенье расположен при слиянии реки Свири, Онежского озера и Онежского канала. Это—один из важных, связующих пунктов Марининской водной системы. В нем есть

пароходные мастерские, затон ¹⁾, там же помещается административное управление района водного транспорта и несколько других организаций; кроме того, это—волостной центр, волисполком.

Молодежь здесь в дореволюционное время состояла, с одной стороны, из детей состоятельного класса,—а в Вознесенье их было достаточно,—с другой стороны, из трудовой полурабочей, полукрестьянской. Конечно, более организована была первая. Она то и дело устраивала пышные пикники, спектакли, вечера, попойки... и только. Этим ограничивалась вся ее деятельность. «Пить, гулять и веселиться»,—вот был лозунг сыновей, достойных своих отцов-толстосумов. Трудовая молодежь, не имея руководителей, была предоставлена сама себе. Частично она плелась в хвосте за богатенькими, и вполне понятно, что здесь не могло быть и речи о каких-либо организованных формах юношеского движения трудовой молодежи.

Революция 1917 года всколыхнула молодежь. Уже к осени создается культурно-просветительный кружок, организованный местным учительством. Правда, деятельность кружка свелась лишь к постановке спектаклей, и в кружке этом почти не видно было настоящей пролетарской молодежи. В состав его, главным образом, входили: местное учительство, прогрессивная часть сынков «именитого» вознесенского купечества и прочая непролетарская молодежь. После недолгого существования кружок распался.

Октябрьская революция произвела большой сдвиг. Трудовая молодежь разбужена смелыми, буйными призывами к работе. Производится новая попытка создать юношескую организацию, но не особенно удачная. Это—драматический кружок, со строго ограниченным числом членов—в 25 человек. Поставив несколько спектаклей, оканчивавшихся по обыкновению попойками, этот кружок распался. Замкнутый, обособленный, якобы, аполитичный, он не встретил поддержки со стороны молодежи.

В конце 1918 года создается новый «культурно-просветительный кружок социалистической молодежи им. тов. Луначарского». Физиономия этого кружка совсем иная. На этот раз основным ядром кружка была трудовая молодежь, и потому кружок удался отлично. Он расцвел пышным цветом. Количество членов кружка дошло до 200 человек, и почти все командные высоты были заняты активными представителями трудовой молодежи. Первые успехи усиливают это массовое юношеское движение. Создаются различные секции, группки и т. п.

А вот несколько параграфов устава кружка. Они говорят сами за себя:

¹⁾ Затон—место зимовки и ремонта паровых и других судов.

Глава 1.

1. Целью существования кружка является поднятие нравственно-культурного уровня рабочей молодежи, посредством приобретения взаимных знаний художественного характера в социалистическом духе.

2. Предоставить возможность всем трудящимся получить разнохарактерные развлечения, выявляемые искусством и знаниями членов кружка, путем постановки спектаклей, концертов, литературных вечеров, лекций и т. д.

3. Устройство своей библиотеки, развитие среди молодежи спорта, кустарных, ручных работ, устройство в летнее время экскурсий и проч.

Глава 2.

6. Деятельность кружка выражается в следующем:

а) саморазвитие юношества,

б) культурно-просветительная работа в широких пролетарских массах в духе идей социализма.

7. Саморазвитие молодежи достигается работой:

а) на общих собраниях кружка и

б) работой в отделах.

14. Деятельность кружка по поднятию культурного уровня пролетарских масс выражается также в агитации в пользу социализма:

Главою третьей устава определяется состав кружка:

15. Членами кружка могут быть все товарищи без различия пола и возраста, желающие принять участие в работе кружка.

16. Число членов неограничено.

В общем устав состоит из 35 параграфов.

Вся деятельность кружка, его цели, состав, права и обязанности членов, управление кружком, все было регламентировано в уставе.

Кипучая жажда деятельности, охватившая молодежь, увлекла за собой и взрослых, и даже стариков. Был один пятидесятилетний, уже седой «бородатый юноша», который состоял в кружке молодежи и участвовал в струнном оркестре кружка со своей гитарой. Молодежь ставила спектакли, концерты, устраивала лекции, диспуты и т. п. При чем все обязанности административные, хозяйственные, технические и другие выполнялись в порядке самообслуживания самими членами кружка. В каждой секции велась строгая очередь. Удалось даже приобрести кино-аппарат, и Вознесенье впервые увидело кинематограф.

Но не все так гладко шло и в этом кружке. Местный совет предписал кружку взять на свое содержание сторожей пожарной каланчи. На этих «бородатых юношей» кружку молодежи

пришлось сильно поистратиться. Тогда кружок пустился в халтуру. А к весне 1919 года открытый союзом водников клуб окончательно подорвал деятельность кружка тем, что в силу профсоюзной дисциплины отвлек кружковцев членов союза водников от работы в кружке. А это была как раз самая активная молодежь. Теперь она переходит в клуб, где работу можно было развернуть еще шире. Клуб был на госснабжении.

Оставшись без руководящего активного ядра, кружок переходит под начало к местному учительству и превращается в культпросвет. Новым культпросветом была сделана попытка создать свой клуб, но клуб этот вскоре превратился в простой дом свиданий для молодежи, где даже комнаты имели весьма недвусмысленные названия: «комната свиданий», «комната поцелуев» и т. п. Этот клуб вскоре был ликвидирован.

Зато вновь созданный водниками клуб «Путь рабочего», получая солидные суммы на ведение дела, безусловно мог, да и должен был, хорошо поставить свою работу.

Как и раньше, активной массой клуба была поселковая молодежь, которая скоро приобрела некоторый организационный опыт и, хотя смутное, представление об общем революционном движении. «Водники» с успехом продолжали работу, начатую кружком «имени Луначарского».

Помимо этих кружков, в окрестных селах, по инициативе местного учительства, также возникали культурно-просветительные кружки. Их работа большею частью сводилась к устройству легких спектаклей, танцулек и лишь в редком случае развешивалась шире.

В работе всех кружков значительное участие принимали местные девушки,—факт знаменательный и свидетельствующий о том, что и для женщин революция отнюдь не прошла бесследно. Девушка стала чувствовать, что не одни горшки, печь, полевые работы были ее уделом,—она поняла свое общественное значение. И вот наиболее смелые и решительные девушки входили в кружки и довольно успешно в них работали, несмотря на то, что различных препятствий было хоть отбавляй.

Взять к примеру большое село Щ. Ставится спектакль. Идет пьеса «Его шаги» Юрьина. Пьеса из еврейской жизни. Играет крестьянская молодежь, руководимая местным учителем и фельдшером. Роль еврейской девушки, по имени Этель, исполняет неграмотная девушка. Как она роль выучила, трудно сказать, но играла живо и с увлечением. Тем не менее, ребяташки с каждым появлением ее на сцене толкали друг друга в бок и шептались: «Глянко, Нетель вышла».—А нетелью там зовут молодую, еще не отелившуюся корову.—И вот с того дня за девушкою надолго сохранилась эта обидная кличка.

«Нетель»—пускали ей вслед с насмешкой.

Однако даже это не могло остановить ее, и она в дальнейшем принимала такое же горячее участие в работе кружка. А теперь она уже состоит в комсомоле, пока единственная девушка в этой сельской ячейке, количеством в 18 человек. Читает и пишет, окончив школу ликвидации неграмотности.

Ячейка РКСМ в Вознесенье создается в первой половине 1919 года. Организована она по инициативе четырех парней. Это—Гросман, сын местного торговца (о нем придется потом сказать подробнее), Столяров, сын рабочего, и два приезжих, Головин и Лебедев, из которых первый сейчас работает на транспорте, а второй уехал учиться.

Вновь созданная комсомольская ячейка развивалась медленно. Не было хороших руководителей. Молодежь, вступая в комсомол, неясно представляла себе задачи новой организации, и поэтому в работе не было определенности.

Кроме того, вступая в комсомол, парню приходилось выдерживать упорную борьбу с родителями, со всей родней. Это тоже сильно влияло на медленный рост ячейки.

Весь 1919 год проходит в решительной борьбе с такими препятствиями. Но к концу года комсомол насчитывает уже 45 членов.

В 1920 году ячейка вырастает до 60 человек и расширяет район своей деятельности за пределы поселка. Создаются еще несколько деревенских ячеек. Устанавливается более крепкая связь с партией.

В 1921 году организация растет не только количественно, но и качественно. От организации есть делегаты в губернском комитете молодежи (Олонецкий). Посылаются добровольцы на различные «фронты», на курсы и т. д.

Во время карельского наступления (зима 1921—22 г.) еще более заметно, насколько комсомольская организация выросла. От Вознесенской организации мобилизуются 40 человек на ликвидацию этой авантюры. Почти весь активный состав уходит защищать республику от вторжения незваных гостей. Из активных работников остается только один организатор коллектива, женский персонал и совсем молодые комсомольцы. По мобилизации уходят даже две девушки.

В несколько часов молодняк собрался на фронт. Рано утром, накануне Нового года, по зимнему пути отправились все, веселые, жизнерадостные. Быстро разнеслась весть о добровольцах, и многие с любопытством приходили смотреть на эту самоотверженную молодежь. Качали головой, и, по всей вероятности, не раз посылали по адресу комсомольцев нелестные комплименты: «Зеленые, молоко на губах не обсохло, а тоже туда же».

А вот и встреча Нового года. Ночуют в небольшом селе. Сельчане давно бы спали, позабыв и про Новый год, как вдруг понаехали бодрые с раскрасневшимися юными лицами, и все верхом поставили. С мешками на плечах и с незатейливым «оружием». Кто такие? Куда, зачем?—невольно мелькает мысль, готовая сорваться в виде вопроса. Но ответ не заставляет себя ждать. «Мы комсомольцы, и едем туда-то, так нельзя ли угостить кипятком?». Конечно, эта бодрость и уверенность в своих силах заражает крестьян, и они с готовностью стараются оказать всевозможные услуги.

Рано утром двигаются дальше. Наконец, комсомольцы у места назначения. Момент опасный. Разведка белых шныряет вокруг да около. Главная задача отстоять пути сообщения. Молодежь укрепились на железнодорожных мостах. Порою приходилось участвовать в рискованных переделках, терпеть и голод и холод. Во что бы то ни стало надо было продержаться весь первый период боевой страды, до прибытия красноармейских частей.

Невелика военная подготовка комсомольца. Но нужда научит всему. Конечно, не обходилось без курьезов. Не раз мимо носа благодущных обывателей пролетала пуля, выпущенная по неопытности комсомольца, не говоря уже о других случаях, когда пули летали и мимо носа самих участников. Однако, к счастью, всегда мимо. Видимо, комсомольцы неуязвимы.

На все время карельского выступления работа комсомольских ячеек на местах замирает. И немудрено, если, как это бывало, вся ячейка ушла в ряды армии. Но и тем, кто остался, уже не до спектаклей, не до культпросвета.

Демобилизация вновь возрождает комсомол. И к осени 1922 года мы видим его еще более окрепшим и стойким.

С этого момента работа начинает углубляться и принимать более серьезный характер.

Раньше далеко не шли. Ставились спектакли с одной или двумя плохонькими репетициями, так что порой из драмы получалась комедия. Все стремились попасть «на сцену»—играть. На роли не смотрели, лишь бы выступить. И, главным образом, стремились получить в виде сбора хоть какие-нибудь средства для дальнейшей работы.

Не только спектакли, но иногда ставились и концерты, и даже... кабаре. Вот один из эпизодов подобного кабаре. На широкой афише среди других «интересных» номеров значится, между прочим, «Не осенний мелкий дождичек» в исполнении Столярова, комсомольца. Это многих заинтересовало, так как вообще знали, что исполнитель не обладает ни голосом, ни способностями для декламации, словом,—«козлит». Дошло дело до этого номера. На сцену выходит Столяров, объявляет: «Русская песня: «Не осен-

ний мелкий дождичек», поднимает воротник пальто, устраивает кислую физиономию и... говорит:

«Кап... кап... кап... кап...».

Публика недоумеваает, некоторые хихикают, а Столяров, «покапав» еще некоторое время, раскланявшись уходит со сцены. После нескольких подобных номеров, кабаре заканчивалось, и дальше шли только танцы.

Правда, были иногда и хорошие постановки, но это были единичные случаи.

С концертами также дело обстояло слабо. Сил для этого в комсомольской среде не было, и надо было приглашать кого-либо из посторонних. Концерты сопровождалась большей частью декламацией из революционного репертуара и пением частушек, в которых всегда старались кого-нибудь «прохватить». Иногда брали частушки из газет и переделывали на свой местный лад. Можно привести здесь несколько частушек, исполненных комсомольцем на одном из концертов...

От и парни в Вознесенье,
Эки самовольники;
Вместо церкви в клуб идут,
«Мы, грит, комсомольники».

Я мамашеньке сказал:
— «Будет жить в неволе!
Не возьму я Маньку замуж,
Раз она не в комсомоле».

Обе частушки А. Кириллова, помещенные в «Смене» и несколько переделанные исполнителем частушек, что, однако, не меняет их смысла.

Постановкой такого рода «спектаклей» ограничивалась культурно-просветительная работа комсомольской ячейки до 1922 г. Несколько постановок устраивали в окрестных деревнях с тем же репертуаром и с тем же успехом.

Крещеная огнем карельских событий, вознесенская организация в корне видоизменяет свою работу. От культурничества, переходящего порой в халтурничество, она обращается к здоровой работе. Забывают свои скороспелые и пустоватые театральные постановки, идут на смычку с клубом водников. В нем больше сил и возможностей лучшей культурной работы. Кроме того, за ним уже четырехлетний стаж. Поэтому все это в дальнейшем и идет в порядке клубной работы, где все та же молодежь составляет активное ядро.

Комсомолом же создается ячейка физкультуры, куда большая часть членов его входит и принимает деятельное участие в ра-

боте. Приобретаются спортивные принадлежности, и спорт во всех разновидностях глубоко вкореняется в юношескую массу. Для футбола и ряда других занятий очищается специальное поле при широком содействии профсоюза водников. Это тем более необходимо отметить, что в данном районе трудно найти ровное, гладкое место. Обычно все пустыри завалены камнями, остатками еще ледникового периода. Очистка от камней и выравнивание почвы требовали затраты больших сумм. Но водники не поскупились.

Вскоре почти весь «Спартак», а в нем было около 60 человек, сшил себе трусики и другие виды кустарной спортодежды. Это возбудило особое внимание всего населения, притом же скорее неприязненное. Однако сами спартаковцы с удовольствием облачались в этот невиданный здесь, по наиболее благосклонным отзывам, «странный» костюм, и, видимо, очень хорошо себя в нем чувствовали.

Увлечение футболом, охватившее спартаковцев, отозвалось и на малышах. Они с усердием подражают своим старшим братьям. Мячом им служит надутый бычий пузырь. Даже специальные футбольные термины вроде «гол», «аут» и другие можно слышать, наблюдая за их игрой.

Вознесенский «Спартак» настолько хорошо привился, что, помимо своих регулярных занятий, он издает очень удачный журнал и делает показательные выезды в окрестные села. Эти выезды делаются не только по инициативе самого «Спартака», но и по приглашению местных комсомольских ячеек, в которых еще нет «Спартака», но которые об организации его тоже подумывают. Вот, к примеру, село Ошта присылает «отношение», — просит вознесенских спартаковцев приехать и устроить у них «истязание». Вознесенчане, конечно, ездили, и «истязания» их не только не повлекли за собой уголовной ответственности, но, совсем наоборот, с восторгом были одобрены общественным мнением.

К настоящему моменту комсомол значительно вырос и в количественном отношении. В него входит 373 человека, среди которых 47 девушек. По стажу комсомольцы распределяются так:

Состоят в комсомоле:

с 1919 года — 5 человек.	с 1923 года — 55 человек.
" 1920 " — 17 "	" 1924 " — 80 "
" 1921 " — 20 "	" 1925 " — 156 "
" 1922 " — 40 "	

В волости 14 ячеек, из них 10 чисто-крестьянских, одна рабочей молодежи, одна при школе фабзавуча, одна при школе 2-й ступени, одна из служащих водотранспорта.

Связь с волком поддерживается путем выездов на места

как активных работников комсомола, так и партийных работников, также пленумами волкома, совещаниями организаторов ячеек и т. д.

Комсомол привлекает в свои ряды и женский персонал. Если девушка успешно работала в культкружках, то вполне естественно, что она идет в комсомол, где девушек около 12%. Здесь мне бы хотелось привести небольшую заметку из журнала Вознесенских спартаковцев, характеризующую девушек, участниц «Спартака».

Заметка озаглавлена «Девушки в Спартаке». — «Куда ни взглянешь, в какую отрасль работы ни помотришь у нас в глуши, везде девушка в хвосте, везде девушка на втором месте. К сожалению, и у нас в «Спартаке» по количеству девушки далеко отстали от ребят, но беда еще не велика. В остальном наши девушки в течение двух лет настолько подтянулись, что среди них есть настоящие товарищи спортсменки. Влияние занятий «Спартака» на девушках резко сказалось. Спартакровку всегда видно, а в особенности давно занимающуюся. Движения даже в обыденной жизни отчетливы и уверенны. Грудь развернута, и голова всегда направлена весело вверх. Во время занятий давно отброшены мещанские предрассудки и глупости... и мы видим, как наши спартакровки, босиком и в шароварах, не стесняясь присутствием ребят, ожидающих своей очереди, проводят те или другие упражнения. Прежде ни за какие деньги ни одна из наших спартакровок не стала бы заниматься рядом со спартаковцем, проводящим свои занятия с обнаженным торсом, в одних трусах. Вообще занятия «Спартака» повлияли облагораживающе на наших девушек, и как у ребят, так и у девчат, взгляд на свое тело изменился и принял более здоровый уклон. Мы в «Спартаке» куем здоровье, куем новый быт. Мы приветствуем товарища по спорту и друга в будущей повседневной жизни — передовую девушку-спартакровку. Через «Спартак» к коммунистическому обществу, к новому быту, мы рука-об-руку пойдем с нашим товарищем девушкой. Привет тебе, спартакровка!».

Эта заметка принадлежит перу спартаковца Аполлона Твардовского; он — один из организаторов и деятельных участников Вознесенского «Спартака». В Вознесенье он попал совершенно случайно. Несколько лет войны, революции и разрухи выбросили его из родного гнезда, где-то в Польше, около самой германской границы, кидали без всякой пощады по всем углам России, а затем СССР, и, наконец, закинули в Вознесенье, которое в его лице получило незаменимого общественного работника.

Среди комсомольцев часть состоит в профсоюзах, и, помимо своей внутрисоюзной работы, знакомится с профессиональным движением.

Кроме того, 17 комсомольцев состоят в РКП (б.). Из них 2 члена, остальные кандидаты.

Встав на путь углубленной, продуманной, а не чисто-случайной работы, волостной комитет РЛКСМ периодически составляет определенный трехмесячный план деятельности.

Весь последний год имел вид плановой работы. Интересны некоторые цифры, отчасти рисующие проделанную работу. Так, за прошедшие 6 месяцев было два волостных съезда, один беспартийных девушек-крестьянок, а второй съезд-курсы низового актива, 6 групповых собраний по одному в месяц. Заседаний бюро волкома было 10. Но не только в этом проявлялась работа; деятельно работали и союзные школы, партшкола, комсомольские кружки, регулярные общие собрания, где часть молодежи, входящая в союз, усиленно развивалась.

Во все клубные кружки входит беспартийная молодежь. Везде имеет молодежь, как комсомольская, так и беспартийная, значительное количество своих представителей.

Еще год тому назад Комсомол почти не имел своей местной «печати». Правда, клубом водников долгое время издавался журнал «Час досуга», а впоследствии стенная газета. И журнал и газета все время пользовались живейшим вниманием широких масс. (Один экземпляр газеты вывешивался у здания волисполкома, а другой — в самом клубе.) Кроме того, Оштинская ячейка издавала свой небольшой рукописный журнал «Луч», очень хорошо внешне и по содержанию поставленный. В сотрудниках ни в том ни в другом случае не было недостатка.

В настоящее время количество стеновых газет возросло. Все крестьянские ячейки (кроме одной Водлицкой, в которой всего 4 члена) издают свои стеновые газеты. А в Вознесенье общими силами — комсомол, клуб водников и пионеры издают две стеновые газеты — «Искра» и «Шквал» и журнал «Спартак», о котором уже приходилось говорить. Кроме этой местной печати, выписывается газета «Смена», но, к сожалению, в очень небольшом количестве, всего что-то около 40 экземпляров на волость.

Вообще же с литературой обстоит неважно. Книг присылается очень мало, а выписывать нет средств. Правда, иногда помогает шеф, но и то через волисполком. Комсомольские библиотечки малы и, в большинстве своем, нуждаются прежде всего в тщательном просмотре, а затем в крупном пополнении. Вот одна из таких библиотечек в селе Ошта. — В маленькой комнате по полу раскиданы книжки, тут же на полу производится их выдача и обмен. Просматривая их, порой находишь такую литературу, которой место, во всяком случае, не в комсомольской библиотеке. Есть тут даже эсеровская литература; только удивляешься, как она могла туда попасть.

Комсомол объединяет вокруг себя беспартийную молодежь. Целый ряд фактов говорит о том, что беспартийная молодежь имеет влечение к комсомолу. Она инстинктивно чувствует его значение и силу.

Поступали, например, коллективные заявления деревенской молодежи о вступлении в комсомол, или об организации ячеек в тех деревнях, где еще не было комсомола. Вот, например, поступает коллективное заявление от группы крестьянской молодежи с просьбой принять их в союз молодежи и выслать... «мандаты» на право ношения оружия, право производства обысков и отбора самогонки. Факт довольно любопытный,—молодежь видит, как глубоко вкоренилось в деревню народное зло—самогонка, и она хочет энергично бороться с ним. И, с другой стороны, не совсем ясно усваивая задачи комсомола, она идет к нему с чисто-практическим предложением, хотя само собой разумеется, что ее в Союз Молодежи толкают также и цели иного характера.

Об этом говорит другой документ. Молодежь села Водлицы (около 27 верст от Вознесенья) тоже хочет организовать ячейку и через своих двух представителей подает следующее заявление:

«В Вознесенский райком РКСМ. Просим райком РКСМ зачислить нас в члены райкома РКСМ и затем просим вас выдать нам соответствующие документы на право организации ячейки в своем селе. Так как среди массы нашей молодежи есть много юношей малоразвитых, то мы думаем, что ячейка РКСМ может воспитать и развить юношей в коммунистическом духе. В чем и просим не отказать райком РКСМ. В чем и расписуемся».

Далее следуют две подписи.

Здесь определенно видно, что молодежь жаждет развития, сознает свою отсталость и знает, что, только войдя в комсомол, она получит это «развитие и воспитание в коммунистическом духе», чтобы потом быть строителями новой жизни в своем родном медвежьем углу.

В настоящее время и в Шустручье и в Водлицах уже существуют ячейки, и они даже на хорошем счету у волкома, а в селе Шустручье зимой была даже сокращенная партшкола.

Из многочисленных подобного рода заявлений видно, что крестьянская молодежь сдвинута с места. Молодое вино забродило.

Волостному комитету вознесенской организации, выросшей из маленькой ячейки в такой крупный волостной партцентр, а в особенности, организатору его, нужна особая подвижность, острота и умелый подход.

Присматриваясь к плану работы волкома, видишь, что план этот составлен обстоятельно и серьезно продуман. А организатор, тов. Беляков,—парень бывалый. Он основательно прошел школу боевой работы в Красной армии,—побывал чуть ли не на всех фронтах вплоть до подавления карельского наступления и кронштадтского мятежа. Кроме того, тов. Беляков был организатором коллектива фабрики «Скорород» и кончил окружные политкурсы.

Деятельность вознесенского комсомола особенно широко развернулась на антирелигиозном фронте. Если шире взглянуть на всю молодежь, не подразделяя ее на комсомольцев и беспартийных, то резко бросается в глаза ее антирелигиозность. Причина этого довольно своеобразная. В дореволюционное время среди лодейнопольского крестьянства было принято многих мальчугов отправлять в Соловецкий монастырь, где мальчик должен был в течение года, в качестве послушника, выполнять какую-либо работу, и, конечно, бесплатно. Монастырская жизнь накладывала неизгладимую печать на впечатлительные детские души. Вся фальшь и лицемерие «святой общины» тщательно подмечались, все отрицательные стороны ее жизни—а их было больше чем достаточно—действовали оттапливающим образом, и, возвратившись домой, «послушник» делался непослушным «законам бога». Его влияние сказывалось и на его сверстниках, и таким образом соловецкие постники прилежно рыли себе могилу.

Да что далеко ходить! Я знаю двух набожных старушек, которые всей душой ненавидят монашество, что, однако, не мешает им быть религиозными. Они рассказывали мне весьма характерные факты из жизни Соловецкого, Александро-Свирского и Тихвинского монастырей. Молодежь все это видела, и, вполне последовательно, не только решала вопрос относительно монашества, но и с религией вообще порывала навсегда.

Конечно, родители заставляли их ходить в церковь, и они ходили, но только все их присутствие на богослужении заключалось в веселом сборище около церкви. Рассказывали анекдоты, почти всегда про попа, попадью или попову дочку, или тешились тем, что, стащив несколько «поминаньев» (книжечек о поминании мертвых), рассовывали их по карманам молящихся и т. д. Даже не перескажешь про все их проделки. А возвратившись из церкви, бывало, скажут, как ни в чем не бывало: «бог милости послал».

Атеизм вкореняется даже в семью священника. Казалось бы, консерватизм отца-священника должен был бы перейти по наследству к его детям, но во многих случаях получается совсем обратное. Сплошь и рядом поповичи—видные, искренние работники не только комсомола, но и коммунистической партии. Не один из них сложил свою голову за рабоче-крестьянскую рес-

публику. Этот семейный раскол чрезвычайно показателен. Он ярко рисует, куда устремляется все здоровое и живое в деревне.

Вот одна из таких фигур. Вася Пономарев, сын священника, мой сверстник, с которым я вместе проводил лето в родном селе. Всегда сосредоточенный, развитой и подававший большие надежды. В революцию он оканчивает духовное училище и сразу же попадает в революционную работу, вступает в коммунистическую партию, работает секретарем редакции губернского органа. Во время белогвардейского нашествия бросает свое секретарство, берется за винтовку, отправляется на фронт добровольцем и отдает свою молодую жизнь, пав от предательской белогвардейской пули.

А вот Лесков, сын дьякона, активный работник комсомола. Был, кажется, даже начальником уездной милиции, а сейчас ответственный организатор волкома соседней волости, переброшенный туда укомом из Вознесенья.

Еще Линдозерский, сын дьякона,—в комсомоле с 1919 года. Был на карельском фронте.

Само священство, конечно, ненавидит комсомол. Больно уж он им досаждают. Где сильная ячейка, там попу не по себе. Из села Гимреки только-что переехавший туда поп через несколько дней вернулся на свое старое пепелище, где потише от этой шумной комсомольи, распеваящей на улице насмешливые частушки про попов.

Религиозные диспуты или лекции о религии на все 100% посещаются молодежью. Она чутко, внимательно схватывает все сказанное, и надо отметить удовлетворение, с каким она выслушивает того докладчика, который просто и умело распутывает религиозную паутину, веками опутывавшую рабоче-крестьянскую массу. Приходится пожалеть, что очень мало в деревне докладчиков на эту тему. Но это не беда. Молодежь сама ведет антирелигиозную пропаганду, довольно успешно применяя для этой цели все схваченное, а чего недостает, так она скажет, как один комсомолец сказал после лекции: «Я вот доказать не могу, что бога нет, а они не могут доказать, что он есть, так зачем же я буду на слово верить религии! Вот поэтому я и отвергаю религию». Он хоть и не может все слышанное вместе связать, чтобы составить стройную систему доказательств, но ясно представляет себе, где истина. Таких юношей очень много. Много и таких, которые не только все понимают, но хорошо могут и развить эту тему в докладе.

Попад проездом в одну деревню, я имел случай присутствовать при споре целой семьи с молодым председателем сельсовета, бывшим рабфаковцем. Он бросил рабфак по семейным обстоятельствам. Юноша довольно толково, но несколько резко поле-

мизировал о религии со старухой-хозяйкой, которая только одна ему возражала. А остальные—сам старик-хозяин и три дочери (две из них взрослые)—молчали, однако, все внимательно прислушивались к разговору, видимо, очень интересному для них. Да и сама-то старуха не очень уж яро защищала религию, пожалуй, только из принципа, что, дескать, «яйца курицу не учат», а в душе она, вероятно, не раз чувствовала свою неправоту. Интересен также их сын, мальчик лет 16, недавно вступивший кандидатом в комсомол. Он, конечно, в религиозных вопросах слабо разбирался, но, стыдясь за свою мать, не раз дергал ее за рукав и все время упрашивал ее замолчать.

Не менее интересны и коллективные антирелигиозные выступления комсомольцев. Особенно удачно проходит в Вознесенье комсомольское рождество. Оно проводилось там впервые в 1923 г.

В 1923 году комсомольцы решили устроить свой праздник в сочельник в 10 часов вечера. К 11 часам вечера в театральном зале публики было уже около 200 человек, конечно, главным образом, молодежь. Десятка три женщин и девушек и немногим больше взрослых мужчин. Празднование началось докладом организатора комсомола по истории праздника рождества. Затем еще один из комсомольцев продолжил эту тему. А потом шла лекция преподавателя школы фабзавуча о происхождении мира, появления человека на земле и о возникновении религии.

После всех этих докладов началось концертное отделение, участниками которого, за небольшим исключением, были комсомольцы. Репертуар концертного отделения был составлен почти из одной декламации произведений пролетарских поэтов. Было также несколько номеров струнного оркестра и два выступления с пением частушек. Один парень выступал с частушками своего собственного сочинения, а другой—с частушками, заимствованными из печатного источника, несколько переделанными (выдержки из них были приведены выше). С окончанием концерта начались игры, танцы, общее пение, прошедшие довольно весело и оживленно. Чуть не в 6 часов утра молодежь разошлась по домам.

В 1925 году комсомольское рождество было устроено 6 января, так как верующие праздновали рождество по старому стилю. Почти за полчаса до начала весь зал наполнился самой разнообразной по возрасту публикой, а к моменту начала зал даже переполнился. На этот раз после доклада шла антирелигиозная дьеса, довольно недурно исполненная молодежью, а в заключение еще небольшое концертное отделение, где, между прочим, исполнялись самими авторами частушки, имевшие огромный успех.

Один автор, бывший комсомолец, ныне красноармеец, пел следующие частушки:

Понапрасну поп Ефим
Звонит в колокольцы.
Больше в церковь не хотим,
Все мы—комсомольцы.
У дьячка священный сан.
Ни о чем не тужит.
Он вчера зело был пьян.
А сегодня служит.
А церковный-то совет
Жаждет архиерея
Выкладайте им монет,
Только поскорее.

Церковный совет носился с тем, что хотел пригласить архиерея для торжественной службы, и поэтому собирал с граждан деньги.

Плачет горько попадья.
Да и поп тоскует:
«Плох доходик у меня,
Божий храм пустует».
Поп поет себе под нос
Сладкие напевы:
«Скоро родится Христос
От Марии-девы.
Славословить буду я,
Изживу изъяны.
Починяй-ка, попадья,
Длинные карманы».
— «Ой, напрасно, батя, врешь,—
Все ребята знают;
Нас теперь не проведешь:
Девки не рожают.
Ну, а если же родят,
То не без причины.
Дух святой не виноват,
Больше мы, мужчины».

Дальше он спел песенку, приуроченную им к этому дню.

Сегодня поповское торжество;
Колокола гремят, заливаясь.
Глупцы справляют рождество.
Чье рождество?—я удивляюсь.
«Наш бог был вечно и всегда,
Он в триединой ипостаси»,—
Преподавал мне поп, когда
Я сам был близок, братцы, к рясе.
Я был монахом,—знайте все,
И верил, верил этим бредням,

Жил целый год в монастыре,
Теперь же не хожу к обедням ¹⁾.
«Наш бог один, но трое лиц,
И нет им никогда начала»,
— Все это полно небылиц,—
Одна мне книжка рассказала.

Но это после, а сейчас
О рождестве я расскажу.
Кто знает библию из вас,
Тот мне поверит,—я не вру.
Начать с такого пустяка:
Нам говорят евангелисты
Марк, Иоанн, Матфей, Лука
О боге, как авантюристе.

Христос был родственник царей,
Паразитический потомок.
Благочестивый назарей,—
Так назывался он с пеленок.
Матфей сказал: «Христовым дедом
Иаков был»,—согласен я.
Заметьте, что Лука при этом
Сказал: «Нет, дедом был Илия».

Кто прав, ей-ей, не понимаю.
Да невозможно и понять.
Что оба врут,—я это знаю,
Теперь позвольте продолжать.
Мария девицей пребыла,
Старик Иосиф муженек,—
При чем тут бог и божья сила?
У них родился паренек.

Мария зачала до брака,
Помог ей в этом божий дух,
По-моему, здесь, братцы, врака,
Давайте спросимте старух:
«Эй, тетки, не бывало ль с вами,
Чтоб вы совсем без мужика
Произвели на свет бы сами
Девченку или паренька».

Что говорите вы? От бога
Возможен и не сей пустяк,—
Так оглянитесь вы немного
Кругом, хотя бы на девчат.
Их бог усердно посещает,—
Старик, знать любит женский пол.
Дурак пусть верит, мы же знаем,
Что виноват тут комсомол.

¹⁾ Автор этой песенки подростком прожил год в соловецком монастыре пещушником.

Мария была непорочной,
Легко рожала без кровей,
И, коль писанью верить, точно,
Так говорит святой Матфей.
Марии дети: Семка, Яшка,
Иудка, Оська, Иисус.
Ну, молодчина эта Машка,—
Дала приплоду целый куст.

Не надо нам такой святыни,
Кадить не будем фимиам,
И не пойдем мы больше ныне,—
Шалишь,—на удочку к попам.
Христос родился в Вифлееме,
Папашей крестным был осел.
Читал я, много тратил время,
Но правды в этом не кашел.

Такого города на свете
Не было, братцы, никогда,
А просто сказки, сказки эти
Попы врут нагло без стыда.
Попы, оставьте прибаутки,—
Ведь, вовсе не было Христа.
К чему комедия и шутки
Насчет крещенья, рождества?

Не верим больше мы святыням,
Как раньше, не пойдем во храм,
Узнали правду мы и ныне
Идем по ленинским стопам.

Как и в первое комсомольское рождество, молодежь долго пела, играла и танцевала. Любопытно то, что некоторые верующие, сходя в церковь, приходили посмотреть, как празднуют комсомольцы. Видно, ханжество и постные мины не всем по душе, и даже церковных посетителей невольно влечет взглянуть туда, где бодро, весело, молодо, где улыбаются не затуманенные никакой ложью лица.

Комсомольская пасха нынче в самом поселке Вознесенье прошла с немалым успехом. Доклад о происхождении пасхи и инсценировка «Суд над богом», исполненная комсомольцами клуба, привлекли много зрителей.

Но не всюду пасха прошла столь успешно. Например, в селе Щ. дело не пошло дальше чтения брошюр «О происхождении и сущности пасхи», «Возможно ли воскресенье из мертвых?», «Происхождение религиозных праздников» и т. д. Такое сухое чтение при аудитории в 35 человек, в числе которых вдобавок было немало пьяных, конечно, желательного результата не дало.

Но как бы ни была порою слаба антирелигиозная работа,

все же она дает крупные результаты. Чтобы не быть голословным, я приведу здесь некоторые сведения, полученные с мест.

Вот зажиточное село Кузра. Посещаемость церкви в нынешнем году не достигает и половины числа прихожан 1914 года. О селе Гимрека вот что сообщает один из местных сельчан: «До 1917 года посещаемость церкви подходяще, а после совсем ухудшилась».

Село Княжбор, по теперешнему Красный Бор,—посещаемость церкви до 1914 года—85% всего населения, а затем постепенное падение до 25% в нынешнем году.

А в селе Щелейки в церковь почти не ходят. Недаром отсюда бежал священник. Впрочем, потом он вернулся обратно, потому что прожил здесь больше 20 лет, а еще больше потому, что в новое место, избранное им, комсомолия его не допустила. В Щелейках на утренней службе в день «Ильинской» пятницы, как ни странно, а молящихся было всего.. один человек. Эта единственная старушка-прихожанка говорит: «Мне даже стыдно было, как будто бы для меня одной поп служил». Подобных фактов много.

Можно было бы привести целый ряд протоколов крестьянских сходов, ликвидирующих многие праздники.

Вот один такой протокол:

«Протокол общего собрания гр-н дер. Подщепье, Г-цкого общества Вознесенской волости, в количестве 27 домохозяев 30 марта 1924 года, под председательством тов. Поташева А. Е. при секретаре Гр. Токареве:

Повестка дня: 1) о сокращении праздников, 2) о крестном ходе.

Постановили: 1) При всестороннем обсуждении о сокращении части праздников в виду того, что населению деревни (праздники) приносят обременительные расходы, а также затрату времени и средств, а по сему сократить следующие праздники, празднуемые деревней Подщепье: 1) Суббота на масленой неделе, 2) Изосимов день 17 апреля ст. ст., 3) Тифинская 26 июня ст. ст., 4) Ильин день 20 июля ст. ст., 5) Саватиев день 27 сентября ст. ст.

2) О крестном ходе на пасхальной неделе. Постановили: В виду того, что при крестном ходе является бесполезное хождение гр-н из квартиры в квартиру, что может принести при существующей эпидемии массу заболеваний, а посему крестный ход на пасхальной неделе отменить, а гр-нам, желающим служить молебен, предоставляется право приглашать священника с крестом.

Подписи председателя и секретаря».

Комсомольцы чуть ли не все поголовно сочиняют антирелигиозные пьески. Вот одна такая пьеска: «За овечку». Действующие лица: поп Панкрат, 50 лет, дьякон Фока, 30 лет, и крестьянин Михей, 30 лет. Пьеса сценична. Она трижды ставилась авторами-

комсомольцами в их родном селе Гежесельге. Сюжет несложен. Поп утаил от дьякона деньги из выручки. Ссорятся. Дело доходит до драки. Потом является крестьянин Михей, просит окрестить ребенка, поп согласен только за овечку. Торгуются. Кончается тем, что крестьянин, назвав попа и дьякона долговолосыми чертями, дает им встряску и решает обойтись без крещения.

А вот дословно автобиография одного из трех авторов этой пьесы. Автобиография написана им по моей просьбе. Орфография сохранена.

«Афто биография тов. Ишанина Як. Мих. Я гражданин сын бедного крестьянина, проживающего в селе Гежесельга Вознесенской вол. Лодейнопольского уезда Ленинградской Губернии член РЛКСМ с ноября 23 и кандидат партии, имею отроду 23 года образование мое низшее. В школе учился 3 года. В зимнее время работаю на крестьянстве. В летнее на Водном транспорте с 15 лет. Присылая свою Афто биографию я прошу переисправить сочиненную нами пьеску в 1924 г., так как мы Афторы пьески малограмотные и неразвиты в сочинении пьес. Но составив настоящую пьеску и исполняя роль дьякона, а также и остальные товарищи, вполне остались благодарны от публики и даже требовали постановки этой комеди и которая была поставлена по требованию 3 раза.

11 января 25 г.

Я. Ишанин.»

Сюжет пьески, видимо, взят из жизни. Молодежь зорко подмечает уязвимые места попов. Да как их и не найти, когда их так много, что при всем желании не спрячешь. Вот хотя бы вознесенский поп. В праздник крещения он обходил с крестом и кропилом дома верующих, и, как водится, останавливался чуть не в каждом доме для подкрепления своей грешной плоти. В конце концов, он дошел до того, что в присутствии толпы сопровождавших его женщин, остановился у изгороди, взял крест и кропило в одну руку, а другою завернул подол своей длинной рясы... Дальше, впрочем, описывать не стоит. Даже старухи ворчали и плевались.

И как-то невольно приходит в голову меткое стихотворение Н. С. Тихомирова—«В сельской церкви», которое надолго врезывается в память.

Бороды, что пакля вклочены,
Волоса торчат ежом,
Маслом «боговым» не смочены;
С постным староста лицом.

На плечах поддевка драная,
Грязный розовый кушак;

Не звенит монета пьяная,—
Поумнел мужик-дурак.
Пусто в церкви, свечи тонкие
Тихо плачут у икон,
У дьячка глаголы громкие
Замирают у колонн.
Потускнели и угодники,
Смотрят хмуро и грозят,
Что-де, люди, греховодники,
Нас свечами не коптят.
Батька бродит, словно курица,
Заплетается ослаб,
Ладон бледно, еле курится
Для десятка темных баб.

Как рельефно, метко схвачено из самой живой действительности и, быть может, мы стоим уже на грани того, что в сельской церкви вместо замирающих глаголов дьячка раздадутся звуки буйной, вихревой песни комсомольцев, и вместо потускнелых угодников будут висеть красные революционные плакаты, а вместо курицы-попа и двух десятков баб будет хороший лектор и, во всяком случае, не два десятка слушателей.

Местное население в первые годы существования комсомола смотрело на него совершенно равнодушно, как на бесшабашную, озорную молодежь. Но, увидев, что эта молодежь способна и на серьезное дело вплоть до самопожертвования, как это было во время мобилизации, войны и в разных других случаях, когда молодежь принимала самое деятельное участие в общественных делах, большинство меняет свой взгляд,—на комсомольцев начинают смотреть снисходительно и даже сочувственно. Когда выбирали делегатов в Ленинград к шефу, село Гимрека послало комсомольца и девушку, вступающую в комсомол. Все затеваемое комсомольцами встречают очень сочувственно, несмотря на их подчас слабую подготовку.

Дома, в семье, комсомольцу живется различно. Иногда он на правах взрослого члена семьи, и иногда даже является главой ее. Но есть семьи, где комсомолец в полной зависимости от своей родни. Был даже такой случай: комсомолец подает заявление о выходе из Союза, мотивируя тем, что его заставляют сделать это родные, а в особенности мать. Действительно, мать, придя в волком РЛКСМ, категорически заявила, что не хочет, чтобы ее сын был в комсомоле, так как, говорит она, «как только он будет у вас в Союзе, так его и мобилизуют». Несмотря на все объяснения и уговоры, она упорно стояла на своем и грозила сыну чуть ли не проклятьем, если он не выйдет из Союза.

Любопытно отметить, что в это же самое время, через несколько дней после «похода на комсомол» в разговоре с одной жен-

щиной строптивая мать с гордостью сообщила, что сын ее состоит в Союзе молодежи, а сама она—делегатка.

Недавно в волкоме я наблюдал следующую картину: какой-то бородач привел мальчугана, чтобы записать его в комсомол. Он отрекомендовался дядей этого малыша. Когда секретарь комсомола спросил мальчика, хочет ли сам-то он записаться в РЛКСМ, мальчик потупил голову и молчал, а на повторный вопрос заплакал. Оказывается, дядя привел его записывать, даже не спросивши его согласия.

• В семье одного вознесенского торговца Гроссмана был еще более интересный случай. Его сын—активный работник комсомола; в организации со дня основания; участник губернских съездов молодежи, наконец, член губкома РЛКСМ, член редакционной коллегии, выполнявший массу и другой работы, смысленный развитой паренек. После расформирования Олонецкой губернии он возвращается в родное Вознесенье отдохнуть, чтобы затем снова отдаться работе. И вот тут его отец категорически ставит ему следующую дилемму: «Если хочешь оставаться в моем доме, так иди и торгуй в магазине, а если не хочешь, можешь убраться вон». Можно себе представить, что творилось в душе этого юноши, какую внутреннюю борьбу ему надо было вынести и с какой болью пришлось уступить деспоту-отцу. Но недолгое время остается он в роли приказчика. Вечные укоры отца, в конце концов, совсем извели его. Он покидает дом отца и уезжает в Петрозаводск, где его раньше знали по работе, и где он вновь с головою ушел в партийную работу в Карельском комитете. Об этом комсомольце Гроссмани упоминалось раньше.

И так всегда бывает в таких случаях. Старики спасуют в конце концов, а молодежь добьется своего, пробьет себе путь и сумеет заставить уважать себя.

Стремясь повысить свой культурный уровень, молодежь рвется к учебе.

Если раньше на всю волость было 4—5 учащихся в высших и других учебных заведениях, то теперь из этой же волости несколько десятков парней и девушек учатся на рабфаках, в ВУЗ'ах и в специальных учебных заведениях, не считая всевозможных краткосрочных курсов.

О рабочих факультетах слышали даже в глухих деревнях. Так, однажды, в последнюю зимнюю поездку мне пришлось заночевать вместе с группой крестьян, возвращавшихся с извоза. Как всегда завязался оживленный разговор на самые разнообразные темы. Только один паренек из их кучки, совсем еще юный, все время молчал и лишь внимательно прислушивался к нашей беседе. Но вот, выбрав удобную минуту, он подошел ко мне и спросил: «Товарищ, скажи, что такое рабфак?». Получив объяс-

нение, он с удовлетворением заметил: «Значит, туда и я могу поступить». Видимо, у него не раз мелькала мысль о рабфаке.

Даже работа с пионерами, новая для сельского комсомола, быстро прививается в округе. Правда, она коснулась пока только самого поселка Вознесенья. Но что движение это имеет большой размах, это факт несомненный. Я, в виде примера, приведу только одну из поселковых школ первой ступени, где из 130 учащихся 105 состоят в пионерском отряде.

Всего же в волости 4 уже оформленных отряда, из них 3 в Вознесенье и 1 в селе Оште (в них 269 пионеров), и, кроме того, вновь создаются еще 4 отряда, пока еще не оформленных; в них записалось уже 60 кандидатов.

Работу среди пионеров направляет волостное бюро детских коммунистических организаций. Во главе его стоит тов. Х., недавно окончившая Ленинградский дошкольный институт, заведующая детским домом.

Подводя итог сказанному в этой сжатой статье, нужно констатировать несомненный факт глубокого сдвига молодежи. Она кипит и рвется вперед. Самые выдающиеся вступают в Комсомол, а другие на пороге того же, и нужна большая осторожность и умелый подход, чтобы не оттолкнуть их непродуманными действиями, а, наоборот, привлечь к творческой коллективной работе. А для этого прежде и раньше всего нужно выделять хороших организаторов и руководителей молодежи в низовые ячейки. Хорош организатор,—хороша и вся организация. Примеров, подтверждающих это, не надо искать. Вознесенская организация имеет в этом отношении достаточно опыта. Со стороны партии нужно неослабное внимание к комсомолу. Необходимо выделять для него лучших работников, учитывая, что масса молодежи идет в комсомол, и надо спешить хоть несколько расширить кругозор уже принятых и быть готовыми для принятия новых волн крестьянской молодежи.

Будущее принадлежит только молодежи. Это—красные кузнецы новой жизни. Молодое движение растет, ширится, крепнет и создается стойкая рать юной, смелой и решительной молодежи, стоящей на твердом пути.

Комсомолец в семье.

Я хочу дать описание тех трений, какие возникают между старым и молодым поколениями современной деревни в семейных отношениях. Трения эти происходят чаще всего по комсомольской линии. Они имеют две основные причины. Во-первых, идеология старого поколения часто по содержанию и по настроению диаметрально противоположна комсомольской программе и тактике. Второе—особенности крестьянского хозяйства с его сезонными работами («от дождика зависим»), с его постоянным трудовым напряжением, порою перекрещиваются с таким же напряженным течением комсомольской работы. Согласовать работу земледельческую и работу комсомольскую возможно лишь в дружной семье при согласии обоих поколений. При разногласии и споре выходит разнобой.

Описываемые факты относятся к моей родной Владимирской губернии. С доброй половиной упоминаемых здесь комсомольцев я имел тесное товарищеское общение, и их семейное положение мне коротко известно.

Из всего имеющегося у меня разнообразного материала я выбрал самые характерные случаи, именно те, которые относятся, так сказать, к смычке или размычке данного комсомольца или комсомолки с одним из родителей или часто с обоими сразу.

Конечно, описания мои отрывочны и разнохарактерны, но я глубоко убежден, что даже попытка освещения этого важного вопроса послужит для товарищей стимулом более внимательного отношения к этой глубокой и интимной стороне комсомольской жизни, и тогда результаты такого внимания не замедлят сказаться, ибо только коллективное освещение таких основных вопросов может выявить их существенное свойство и указать пути к соответственному исправлению условий и устранению трудностей на пути комсомольской работы.

Буду вести описание от случая к случаю. Начну с одного почтенного и близкого мне старика. Деду Михаилу 64 года отроду. По собственным словам, он вырос еще в черной избе, а чаю

тогда не знали, и выслужил он отцу последнего царя шесть лет действительной службы.

Разумеется, взгляды у него на воспитание детей старинные, по Домострою.

Царева выучка и отцова выучка в его представлении сочетаются весьма гармонично: «Что отец ни сделает, все ладно, только помалкивай, да носом, разве, посопишь. Никогда никому не перечил, а что старшие скажут, изругают, или как,—пускай. А от отца случалось и больше. Поколотит, так не без того же,—на то он и отец».

На этой семейной основе строилось «мирное житие» огромной семьи в 20 человек с излишком, с «бремем» десятка детей. Хозяйство у семьи было крепкое, исправное, 5—6 коров, четверка лошадей, мельница и даже «деньжонки водились», как хвастает дед.

Потом, разумеется, эта слепая духовно семья пришла к распаду. Хозяйство раздробилось, и от полного дома остались «одни гнилушки».

— Уже за середняка загнулся,—ворчит старик,—а все оттого, что работать некому.

Ему самому пришлось в начале XX века пройти сквозь фабричный котел, но в этом котле он ничуть не уварился.

С половины германской войны распад обозначился особенно резко. Лихорадочно растущий темп жизни в преддверии революции совсем не поддавался методу деда Михаила: «Сиди дома и никуда не суйся».

Главную причину семейного и хозяйственного упадка дед Михаил видит, разумеется, в детях: «Вон как у меня лезут везде, выпята зенки-то. Один в хулиганы записался,—хулиганами дед бесцеремонно честит комсомольцев.—Другой вон учиться ушел и слушать ничего не хочет. Вот и ее смущают,—это относится к дочери Груше, 16-ти лет:—ты в церковь не ходи и богу не молись», а учить начнешь,—не дают, говорят: «Не смей!».

«Ученье» старика, очевидно, совсем другого сорта, чем ученье комсомольцев. Это—старинное российское «ученье». «Чем нас только не учили,—и палкой, и скалкой, и лозой со грозой». «Ученный» и «битый» были, как известно, синонимы. Горько плачется дед Михаил: «С этими порядками тут как хочешь, так и будь. Разве тут до хозяйства? Сам не свой хожу».

Два сына отбились от рук, и вся его забота теперь не допустить до того же подрастающую дочь. «Ты у меня смотри, в бешеный дом не ходи,—наказывает он ей (бешеный дом—это нардом).—«Кроме, как хулиганству, киятры ничему не научат».

Из всех предприятий и новых затей молодежи он выхватил самое яркое—«киятры».

Очень забавно рассказывает дед про свое единственное в жизни посещение театра в Варшаве на военной службе, после которого он два месяца «бился от страха, даже болел животом». Собственно, дело идет не о театре, а, как видно, о цирке:—«Гляжу: под потолком человек вниз головой кружится,— и замерло у меня сердце от страха: а ну как упадет, и придется отвечать, а мы — виновники этой кончины его и ответчики перед богом».

Несмотря на наказания отца, хождения Груши в «бешеный дом» ничуть не прекращаются. Мало того: она выступает и сама. Но всякое ее выступление на сцене нартеатра ведет за собой соответствующую сцену в домтеатре.

Надо указать, что в этой семье Груша—единственная женщина. Она представляет единолично женский пол и женский труд. И всякое ее отсутствие из дому, даже в свободное время, не проходит незамеченным и вызывает у старика гневные вопросы: «Леший знает, куда только ходит и что только делает». А Груша все-таки ходит и на репетиции и на другие собрания.

В позднее вечернее время крепкий сон старика после дневного труда спасает ее по возвращении из «бешеного дома» от назойливых упреков.

Хуже обстоит дело в дни праздничные и послепраздничные. В праздники дед Михаил поднимается рано, до службы, будит Грушу убираться по дому. При этом он ворчит на нее за неохоту так рано вставать, но тут же помогает ей работать—воды принесет, поило скотине вынесет, а там начинают звонить, и он, как полагается, уходит к заутрене. Вернется от заутрени, и тут начинается новое: «Ой, под ложечкой колет, голова шумит». И тотчас же объясняет, почему,—«насилно отстоял заутреню»,— не то это лукавство, не то это всерьез.

Как бы то ни было, из этих стенаний и оханий возникает практическое предложение: «Ты иди в церковь, а я все здесь управлю,—ступай, помолись». Этим открывается праздничный диспут на тему, кому итти в церковь и кому остаться дома. Груша в доказательство своих прав остаться дома приводит ряд неотложных хозяйственных работ, которые она нарочно дотянула до этого самого времени. Надо посуду перемыть,—посуда не мыта после вчерашней стряпни,—пол подмести, когда «к достойне» зазвонят, самовар поставить, на реку сходить за $\frac{3}{4}$ версты для чаю за водой. Это довод весьма основательный и веский: ради праздника обязательно надо «решной» воды принести,—в своих деревенских колодцах вода худая.

Но дед Михаил не слушает и все нудит о своем: «У тебя ножки молодые,—успеешь и за водой и в церковь. Вон, гляди, все пошли, ступай и ты, побудь на людях».

Спор не решен, а уже пора, и кто-то должен итти в церковь, а то «спротив людей позор».

Заходят в избу приходские богомольцы, по старой памяти отдыхать в перерыве между заутреней и обедней, «пока поп чай пьет». Тогда старик пускает в ход последний аргумент: «Да што у тебя надеть нечего, што ли? Оттого и не идешь? Вон надень после матери жакетку и иди».

— Не пойду!

На этот решительный отказ старик, пожалуй, и плюнет, но для праздника не обругается и уходит в церковь, судача вместе с богомольцами на вечную тему об отцах и детях. Они обызывают «молодытників» «загубленными головами» и вспоминают,—«как мы, бывало».

Если нет посетителей, аргументы у деда меняются. Запрет на замок и спрашивает: «Пойдешь или нет в церковь?». Так рассказывает Груша брату, когда он наезжает домой.

Впрочем, в праздник дед Михаил остается верен своему основному принципу: «Никуда не суйся». «Сиди дома, никуда не ходи». После обедни он заседает в избе и праздничный досуг посвящает сперва чтению откровения Иоанна Богослова, а потом дневному сну часов на пять, на восемь.

Ночью, разумеется не спится. На память приходит вдовство и суровые отрывки из разных мест «слова божия». Брюхо болит, на сердце беспокойно; бессонное бдение деда Михаила принимает тяжелый характер. Стоны, оханье наполняют избу. Постоянно вздувается лучина, чтоб проверить часы,—часы эти по какой-то неведомой причине неизменно показывают на два с половиной часа вперед. А Груши, разумеется, нету—тю-тю, прежде вечера ушла, несмотря ни на какие запоры. Тут начинается: «Шкуреха! Избаловалась шататься. Все космы выдеру».

А Груша в нардоме действует и лицедействует. Но день, полный увлечения и красок, превращается для Груши в темное пятно при одной мысли о том, что надо итти домой. После полночи, часа этак в два приходится все же вернуться. Груша еще на крыльце принимает всяческие меры, чтобы не разбудить отца. Даже разувается и раздевается «на воле» и с платьем под мышкой, голая крадется в избу. Но это ей ничуть не помогает. Дед Михаил не спит, и тотчас же возобновляются все те же комплименты и доходит порой до большего.

Послепраздничное утро начинается с того же, чем кончился праздничный день. Груша едва прикурнула, а старик уж лютует опять: «Вон три часа прошло, а она только бы знала—шаталась да дрыхла». А Груша проспала всего один час.

«Страх божий потеряла и совесть перед людьми,—вставай, коров проспичь».

Ругань раздраженного отца преследует Грушу и в хлеве. «Шататься твое дело, а работу так швырком да броском».

Тут и поэзия утра и сияние раннего солнца на ум не пойдут. Кстати в хлеву темнота. Льются в полумраке обильные слезы. И знает о них только молчаливая буренка.

Вот именно таким и было утро после официального вступления Груши в комсомол в день международного юношеского праздника.

Груша решила использовать домашнюю побывку брата. «Пока ты дома,—говорила она,—хоть отец покричит, да сделать ничего не посмеет». Взяла и подала заявление.

Наутро старик с бешеным видом возвращается с колодца. Даже и ведра пустые: «Каково мне терпеть на старости лет, когда люди мне проходу не дают,—смеются: «Что, брат, знать, и дочка комсомолочка стала?»».

Расчет Груши на брата, однако, оказался верным. Присутствие его спасло Грушу от побоев.

Понятно стремление Груши вырваться, как брата, куда-нибудь из дому: в школу,—Груша кончила сельскую школу, но хочет учиться еще,—на фабрику, в чужие люди, в работницы,—все равно, только бы подальше.

Но деду Михаилу это стремление Груши совсем непонятно. Ведь он—человек другого, отжившего века. «Уж, кажется, как ни ублажаешь,—нет, все бегут в разные стороны, а от дома сторонятся, как чорт ладана».

На эту зиму, благодаря братниной поддержке и собственной решимости, Груше удалось—таки вырваться из дому и пристроиться в ближайшем городишке Киржаче в учение к портнихе. Тут хоть «сухая корка, да своя волька»,—не так, как дома. Довольна, как никогда, своим новым положением, и на всякие трудности она повторяет одно: «Ничего, как-нибудь справлюсь». Работа в прибавку к учебе—удвоились Грушины хлопоты. В письме она пишет: «Вместо катания на воле в побывку на масляной пришлось мне кататься по горнице, по полу, с мочалкой в руках. От самого рождества пол не мыт и не метен у тяти».

На пасху Груша решила: «не пойду домой до самых последних дней, а то непременно отец прогонит исповедаться. А уборку перед праздником всю в один день сделаю,—опять стало быть, «катание по полу».—Работы я не боюсь,—приписывает Груша,—только бы отец не ругался».

Уборку, разумеется, Груша исполнит аккуратно, но без ругани едва ли обойдется. Ведь, дед Михаил и сам про себя повторяет: «В великие дни бесы сильнее смущают».

Попытки благоразумных приятелей подействовать на старика ни к чему не приводят. Обычные доводы, что вот, мол, ребята у тебя славные, работают, как надо и стремятся не к плохому,

а к хорошему,—учиться хотят, натываются на целую философскую систему.

— Мальчишке учиться еще туды-сюды; надо ему знать азбуки, чтобы уметь записать для памяти. Но ежели больше, так нашему брату мужику прямо на пагубу.

Вот скажет: в церковь не хочу ходить, книжек хулиганских начитается. То не так, другое не этак. И корми его отец до двадцати лет. Все равно дворянами не будут, также землю ковырять придется. Прожили мы век и не учась.

«Корми его до двадцати лет»,—этот попрек не сходит с языка у большинства отцов данной местности. «Я, мол, с тринадцати лет на чужую сторону пошел, а их все отец сряжает».

Дело в том, что в последние годы молодежь не уходит на сторону, а остается дома. Она же, очевидно, работает в хозяйстве, ломит во всю силу, как упряжные лошади, но от отцовских упреков ломовая работа не спасает.

Раньше, видите ли, молодняк—современные отцы—зарабатывал на стороне и тратил на одежду и обувь и на всякие свои необходимости из собственного заработка; остатками, случалось, помогали и отцу. Теперь все эти затраты идут через кошель отца. Отсюда и прицепка и упрек, что «сряжает отец». Сюда же прибавляются и дороговизна городских и фабричных изделий, знаменитое расхождение «ножниц». И за это старики кстати и не кстати винят молодежь.

Про обучение девочек не приходится и говорить.

— Это для того, чтобы она на каждое слово десять отвечала? Браковать ее будут и замуж не возьмут... Вы должны же понять, что я—отец, худого для них, окромя как хорошего, не желаю.— Последние слова деда Михаила кончают разговор. Собеседник упирается, как в стену.

Второй случай относится к соседнему уезду (Юрьевскому), той же Владимирской губернии. Такой же отец, но разница та, что детям достается вместе с матерью. Старик Маслов—зажиточный середняк, по натуре деспотичный, начетчик из священного писания. Его деревенская кличка «фанатик»—новое любопытное словечко. С ним спорить опасно даже взрослым соседям, в особенности по поводу религии. Он охотно применяет к разговору кулачные аргументы. А дома в заключение срывает свою злобу за обиженного бога на жене и на сыне.

Жена даже ходит по соседям и по родственникам и прямо упрашивает: «Вы не говорите с ним про бога, ради бога, а то он за этого бога колотит нас с сыном».

Был, например, такой случай. Как-то на беседе Маслов с родными и соседями, всего человек шесть, рассуждали на ту же злободневную тему: что есть бог.

«Вот,—говорил Маслов, доказывая святость различных христианских подвижников,—они на единой просвирке жили,—за цельные сутки». «А, может, просвира-то была фунта четыре весом»,—заметил один родственник, слышущий за шутника. Но шутка окончилась плохо: не успел он окончить свои слова, как на него посыпались градом «подвисошники».

В паническом страхе тот шапку никак не найдет, чтоб домой убежать, а Маслов-то его поливает да вваливает с обеих рук. Другие все тоже поразбежались.

Сын этакого ревнителя, Алеша Маслов 17-ти лет, решил все-таки поступить в комсомол. Он рассуждал так: «Немного подучусь, потом определяюсь на завод и мать с собой возьму». Это затем, чтобы избавиться от ревности отца-святоборца.

О своем вступлении в комсомол он решил отцу не говорить. Было это осенью прошлого 1924 года.

Длинных языков в деревне предостаточно. И на этот раз без них не обошлось.

Узнав о вступлении сына в комсомол, Маслов рассвирепел и сразу заявил: «Убью или прогоню его из дому, потому он мое детище, и я отвечаю за него пред господом богом».

Так передавала мне с товарищем плачущая мать мужнины угрозы и просила нас уговорить сына, чтобы он «не вступался в Максомол».

В конце концов дерзкий поступок Алеша чуть ему не стоил крещения безменом. И вышло бы, должно быть, прескверно, если бы не другой комсомолец, товарищ, который не растерялся и в нужную минуту успел ухватить и удержать руку «фанатика» с занесенным безменом.

Было это так. Алеша с товарищем вернулись с гулянки домой закусить. День был праздничный, и отец сидел, углубившись в чтение божьего слова.

— Сел бы да почитал бы вот,—буркнул он Алеше.

— Да, хочца больно!...—отозвался сын.—Не хочу, мол.

— Ну, так слушай, я буду читать,—предложил святоборец.

— По вечерам так я и сам читаю, а сейчас не стану—дела.

Тут старик обозлился и пошел напрямки.

— А ну-ка, я погляжу, есть ли на вас хоть кресты.—Он встал в проходе между печкой и дверью и стал хватать бескрестников.

Первым схватил он Алешу, который давно не имел креста и, живо представляя себе, что из этого выйдет, стал вырываться из рук отца.

«Фанатик» совсем рассвирепел. Он сорвал со стены висевший безмен с железным набалдашником фунта в 4 и замахнулся на сына. Он метил Алеше прямо в голову. Но другой комсомолец

поймал его сзади за безмен, и оба товарища, как пара налимов, выскользнули из избы.

Несколько суток Алеша проболтался вне дома. Потом его ячейка направила в распоряжение укома РЛКСМ, обрисовав перед укомом его домашнее положение.

Уком откомандировал его учиться в фабзавуч.

В январе были пере выборы правления в сельском кооперативе. Шла борьба между двумя партиями пожилых и молодых.

Пожилые говорили: «Наш будет кооператив, по-своему разделаем», а молодежь гулко отвечала: «Нет, не забалуем, мы не отдадим». В результате январских пере выборов Алеша Маслов прошел в члены правления кооператива и скоро сделался даже предправления.

В феврале месяце он пишет товарищу:

«За эти полтора месяца я научился работать, и хочу я работать активно».

Отец примирился с неизбежным и, покончив с религиозными атаками, стал рассматривать сына только как рабочую силу.

«Ему вот не нравится,—пишет Алеша,—что я в кооперативе работаю активно, а дома мало. И поэтому с ним не без сцен. Одним словом, с отцом неважно».

Мать, напротив, отныне увидела в сыне защиту от мужа. Да и заработок сына, хотя и небольшой—15 руб. в месяц, все же избавил ее от прежнего рабства перед мужниной мошной.

«С матерью очень хорошо, пишет Алеша,—купишь ей на фартук, она и рада—молчит».

До страсти, до смерти хочется Алеше учиться. Он пишет в последнем письме: «К осени куда-нибудь вырвусь, в какой ни на есть город, хоть к тебе в Ленинград, или еще куда. Если будет какая возможность, непременно уеду. Пиши мне в письмах больше научного».

Между прочим, таким заключительным аккордом кончается чуть ли не каждое письмо деревенских комсомольцев к городским.

Третий пример, пожалуй, еще любопытнее, ибо дело идет не столько о семейных разногласиях, сколько о прямых пере боях хозяйственной работы у молодых комсомольцев, братьев Волковых, в деревне Б., Н—ского уезда.

Хозяйство в прошлом середняцкое, а ныне приходит в упадок—«все валится».

— Уже мы устарели крестьянствовать—я да старик,—жалуется мать,—мне-то без двух 60, а самому-то и больше того.

Действительно, обидно по-мужицки, по-простецки,—несколько десятков лет работали и надеялись на старшего сына—тоже заменит, поволочит это лошадиное тягло, будет кормильцем на ста-

рости лет, а он; на-ко, записался в партию и работает теперь в Ленинграде, вечно занят на ответственной работе. Годами не бывает домой, а главное—не шлет ничего.

— Охладел он к нам,—жалуется мать,—а у нас остаются на руках девочка да мальчик. Надо их вырастить, срядить, а где я чего возьму. Нынче крестьянством не очень-то держишься. Хоть за людьми бы поспеть. Продналог заплатили, а штрафовку—так за животину берись. Вот и вся наша добычливость.

А про него (про старшего сына) узнали, на-ко-ся,—другую семью кормит—мать есть да дети, неведомо чьи, чужие, всего восемь человек.

А еще хуже вот что: есть еще под старшим большие дочка и сын, кроме маленьких, так тоже не помощники,—все потянулись за ним. Вон Пракся кончила на учительницу да хочет дальше учиться на гагронома, што ли. А третий поступил в комсомол и ушел в город, тоже учиться хочет.

Остались мы, старые да малые. И приходится мне на старости лет за плуг братья,—обижается старуха и плачет обильными слезами.

Вот разобью летом полоску навоза, скажу ему: «Миша, поезжай, а то высохнет», а он говорит: «Мне некогда, в Киржач требую». Пождешь-пождешь, поплачешь и поедешь сама.

Сам-то он нам ничего не объясняет, а нам сказывал сынишка Афанасия Ивановича: «Я был,—говорит,—как его выбирали в члены укома».

Вся деревня теперь проходу не дает. Вот, говорят, растили, растили,—так радуйтесь на них.

Даже и в младшем сынишке, одиннадцати лет, нет никакого утешения. Будет такой же, как старшие, заделался каким-то пионером. Вот сидит и все читает и читает. Чай пьет—читает, за обедом—читает. В одной руке ложка, а в другой—книжка.

От такого сыновнего пристрастия к чтению бедной матери становится тошно, и на повинную половину молодого пионера сыплются градом упреки: «У, разорвало бы тебя горой, хоть бы ты подавился».

Является у старших законное желание доискаться причин этого нового злого поветрия. Ищут пытливым умом и находят. Находят причину всех зол в книге, которую мы совсем понапрасну считаем за лучшего друга людей. Книга берется под опалу. «Надо, как-нибудь сжечь»,—обещается мать. И тут же спохватится: «Ах, я неграмотная. Не знаю, что читает. Не божественная ли книжка?»

Как тут сожжешь? Грамота, как видно, ныне нужна и любому «фанатику». Впрочем, порою старухи ищут исхода своей темноте и разбираются в книжках по картинкам, по печати. Если крупная печать—божественная книга, если с картинками машин—по-

лезная книга. Другие книги рекомендуется всячески прятать от матерей.

Приведу пару примеров из собственного прошлого и даже настоящего.

— Брось торчать-то без дела,—бывало, обращается ко мне папан (мы звали его папаном). Всякий раз, как свободное время—зимой или летом в дождик,—принимаюсь за книгу.

— Коли нечего делать,—продолжает папан,—навей хоть к мешкам завязок (шнурков из конопли). Или: табак скоро весь, сходи принеси.

Уж, кажется, не дело за табаком ходить. А завязки понадобятся этак через полгода. Но чтение—плевое дело. Чтение—безделье.

— Кто книги читает, братец ты мой,—поучает папан,—тот сам не свой становится—ночи не спит и здоровье теряет, и сны страшные. Я тебе желаю добра. Я уж на своем веку видывал всякого народу.—Темные родители всегда почему-то «желают добра» с палкой, с привязкой, с попреком.

Даже и ныне студенческое мое положение и опора на ВУЗ—плохая гарантия целости книг. Возвращаясь домой на каникулы, частенько застаю от своих любимых книжек, как от наказанных козлиц, лишь рожки да ножки, т.-е. корочки и переплеты; и нет, кажется, в доме и в целом хозяйстве такого угла, куда бы я ни прятал этих злополучных «друзей человека».

Приведу еще пример хозяйственной трагедии в семье комсомольца. Большая семья, семеро детей мал-мала меньше, комсомолец является старшим. Работу по хозяйству тянет с 13 лет и работает во-всю—на жнитве, в косьбе, на лугу, на пашне и даже на пилке в лесу. Кстати же, отец его в дополнение к крестьянству между дел занимается распилкой теса в селе и в округе.

Особенно много труда и нужды пришлось им перенести после пожара в 1921 году. Не имея средств, чтобы нанять плотников, пришлось им за плотничные работы взяться одним—отцу с Васею—срубы рубить, целый дом строить. Туго им пришлось, особенно Васе, таскать на своих молодых плечах тяжелые бревна. Под силу или нет—не спрашивают,—знай, тащи.

— Мальчишка-то еще не окреп,—рассказывает мать.—Поддержать его нечем. Ну, и затанули в работу, как в омут. Потерял вид, стал кашлять и на грудь жаловаться. Осенью пришлось его от тяжелой работы приосвободить. Поступил приказником в сельский кооператив. Ну, немного парень вошел в вид опять.

— Но проку для хозяйства не вышло,—жалуется мать,—окромя убытку. В счете прошибся—просчитал три червонца. Пришлось заплатить. Ну, нас на з—цу чи посадил. Отец и сейчас отработывает. Ну, да ништо. На здоровом теле и болячка заживет.

Еще до комсомола Вася увлекался культпросветработой. Ставили спектакли и другие вечера, сначала в избе, а потом перешли в народом. Теперь поступил в комсомол, работает в политпросвет'ячейке. В эту работу ушел по горло и по уши. Нередко эта работа идет за счет домашнего рабочего времени.

Дома—ад. При каждой отлучке: «Иди, иди, давно тебя ждут-не дождутся»,—напутствует мать.

А вернется домой, отец его встречает: «Раз ты был в народоме, то и обедать ступай в народом».

Мне пришлось побывать у них как-то утром в праздничный день. Отец собирался в церковь, а сын в соседнюю деревню, за 7 верст, за литературой. «Ну, что тебе больше людей надо?.. Вот погляди-ка на добрых людей,—все дома сидят, один ты за всех выдуваешься».

Мать тоже не отстала: «Только и слышишь всюду. Вон Авдотьин Васыка отца Ивана все протаскивает, да бога ругает. Ну, что тебе поп дорогу что ли перешел? Уж хоть на людях на колодец и глаз не кажи. Пускай бы тебе хоть единую рваную копейку заплатили за то, что ты сидишь в народоме. Мы знали бы, за что ты работаешь».

Вот какова обстановка, окружающая этого молодого комсомольца.

«Парень рвется и не знает, что делать,—пишет про Васю другой комсомолец, рабфаковец,—работать в комсомоле или бежать куда. Плохо, что нигде не берут».

Приведу несколько отрывков из этого письма.

...«Так у нас со многими бывает—сам секретарь Семка Никонов до секретарства все время крестьянствовал, а теперь и крестьянствовать стало некогда. И дома на него кричат и поедом едят, и авторитет его в доме через это потерялся».

Но Вася упорно ведет свою линию. В том же письме про него сказано: «В бога не верит и в церковь не ходит, и при каждом случае старается подковырнуть религию. Рассказывает, в чем ее сущность. Глядя на него, и братья и сестры тоже не идут. А отцу даже круто приходится. Он кричит: «Пошел бы в церковь, так за сына стыдно. Люди со стороны смеются,—дети комсомольцы, а он, на-ко, в церковь ходит».

Еще пример из жизни комсомольцев братьев Алексеевых.

Отец их—старик, шестидесятилетний ухажор, думает о бабах, собирается жениться; от хозяйства далек, и в доме вся власть и тяжесть работы лежит на братьях-комсомольцах.

Богов давно убрали из дому. В углу вместо них—литография учебного судна «Комсомолец» в рамке под стеклом. Рамка и стекло от похвального листа сельской школы. Гаврюша, второй брат, прошел через совпартшколу, и теперь укомом «повернут лицом

к деревне», но только в другой—Овчинниковской—волости. Он состоит там политпросветорганизатором.

Первый брат в прошлое лето был секретарем ячейки, ныне с февраля взят в Александров, в промсельсоюз, на подготовку в инструкторы.

А третий братишка—малолеток, 14 лет.

В прежнее время хозяйство их шло хорошо. Пашня и посев, заготовка и хлеба и кормов на зиму из рук не уходили. А в 1924 году, как была заготовка хлебов и кормов, им всем было некогда. Гаврюша в укоме, Шурка секретарствовал, а отец—на заводе. И оттого у них сейчас ничего нету. Лошадь ходит на воле, кормить ее нечем, и сеять тоже нечем.

Это—яркий пример, как общественная работа покрыла семейную и личную.

В сущности причина упадка хозяйства лежит и в этом случае не в детях, а в отце. Если отец перечит сыновьям-комсомольцам, работать не работает толком, а ворчит и шипит на детей,—как тут наладиться крестьянскому хозяйству?

В отличие от суровых родителей-гонителей мне приходилось встречать и отцов, довольно благосклонных к молодежи вообще и к комсомолу в частности. К крайнему удивлению, такие отцы попадались даже среди духовенства.

Надо, между прочим, указать, что дьякона и дьячки весьма недовольны тем, что их «с попом под одну гребенку стригут и горячими щипцами завивают».

«Попы, ведь,—особые пгицы,—указывал мне дьячок Крыгин из села Ухватава.—До настоящего времени, несмотря ни на что, живут хорошо. Налоги такие же, а доходы тройные. Делят-то, ведь, как—себе три части, нам одну. Да еще из дохода сначала половину отложат особо и тоже себе».

«Раньше мы были забиты и принижены попами. Даже стыдно припомнить, дьячок имел против попа только четверть голоса. А, ведь, я хоть дьячок, а тоже не середняк, а бедняк. Попы—кулаки, дьякона—середняки, дьячки—бедняки».

Я мог бы привести даже такие случаи, когда дьякона и дьячки поставляли комсомолу для антирелигиозных спектаклей собственные подрыски и разные церковные вещи. Даже изъявляли желание играть на сцене духовную персону или сделать доклад о закулисной жизни духовенства на открытом собрании ячейки.

Или такой пример. В селе эпидемия сибирской язвы. Число посещающих церковь на время возрастает. Дьячок удивляется:

«Откуда появилось столько дураков?».

Впрочем, и этот дьячок не без особого умысла. Он долго хлопотал, чтобы детей его зачислили в комсомол затем, чтобы открыть перед ними дорогу к учению,—да дело не вышло. С тех

пор его отношение к комсомолу двойственное. Порой «от умиления» чуть не плачет,—так любит. А дальше «вертит хвостом и скачет»,—как сказано в басне Крылова. Когда хлопотал о зачислении детей в комсомол, бывало, заведет беседу с секретарем ячейки с таким тонким подходом: «Можно бы организовать мастерскую; девочек учить шить, а мальчиков—слесарному ремеслу. И я бы учиться пошел».

Или еще так: «О разных несправедливостях собирался написать в газету «Беднота» или в «Безбожник», да только не удавалось как-то».

И в то же самое время наедине в дружеской беседе с каким-нибудь примерным человеком—кулачком или бывшим хозяйчиком—разделают они комсомол, что называется, на все корки. Ребята узнают и об этих разговорах,—в деревне не скроешься.

Есть, впрочем, и помимо долгогривого сословия среди деревенских примерных отцов сочувствующие комсомолу приблизительно в том же роде.

Возьмем, например, Гаврилу Моисеева. У него есть два сына комсомольца. По хозяйству он зажиточный,—побольше середняка, бывалый,—проживал и в столицах. В 1905 году был республиканцем. Еще в японскую войну устраивал в селе самовольные собрания и чуть не угодил на тюремное снабжение.

Был первым вестником в селе февральской революции (вместе с попом) и выставил флаг: «Да здравствует Российская Демократическая Республика!». При этой «Российской Республике» остался и теперь. И, глядя на настоящее, твердит, что «сердце обливается кровью». «Не глядел бы на все, что только творится».

На разные стороны жизни наводит критику, довольно неожиданную,—например, тащат Катерину Кокуркину в школу. У ней трое детей, и ей 50 лет—Гаврила Моисеев уж тут:—«Нам нужно устроить «ликнеграмотность»,—а детишек в селе половина сидит дома, потому в школе—ни букваря ни бумаги. А если «дети—наше будущее», то нужно оставить нас, стариков, и взяться за детей».

В связи с этим понятно, что собственные дети комсомольцы и прочие комсомолята о нем говорят в один голос: «Это не нашим отцам чета, с ним можно компанию водить».

Выходит, пожалуй, не плохо, но и не очень хорошо, потому что компания примерных отцов, достаточно веселая и по настроению и даже по поведению, недалеко ушла от так называемых «парней гулен». Спросите на деревне, кто летом «кипники» (пикники) устраивает, а зимою в доме с занавешанными окнами сидит? Все от мала до велика скажут тотчас:—«Отец Геронтий с сыновьями, Гаврила Моисеев с детьми комсомольцами, Митриевы братья и Марк Иванов с женой. А окна затем занавешаны—веселая компания гуляет, так надо, чтобы люди не видали».

Много тем для бабьих разговоров на досуге дает эта компания. — На-ко-ся, Гаврила Моисеев с Федюшкой своим (комсомольцем) в Ильин день у правдника под-ручку по знакомым ходили,—рассказывает Дарья.

— И где это видано, чтобы сын с отцом,—удивляется Лукерья.

— И так весь день,—указывает Марья,—а дорогой-то спяну в рожь забрели, сели, отдохнули маленько, а потом встали, да и забыли, куда итти и зачем сюда попали,—собственные имена свои, и те позабыли. Тут люди по дороге проходили да вывели их.

Также и с дочерьми и их подругами товарищеские отношения.

— И с дочкой-то под-ручку по селу прогуливается,—изумляются бабы.

С подругами старшей дочери, бывает, заходит и дальше.

До сих пор всему селу памятно, как Ваня Спиридонов в масленичное воскресенье на Сотовых вадворках поздним вечером коряжкой (дубинкой) разлучал Гаврилу Моисеева со своей замальщицей Клавкой.

Одним словом, у таких отцов по новому времени—вторая молодость.

Из той же веселой и теплой компании и батюшка Геронтий, «сочувственный» критик комсомола.

Попадаю, например, совершенно случайно к батюшке в дом и тотчас же получаю информацию по текущей комсомольской работе. Матушка—докладчица в таком пулеметном порядке, а батя—содокладчик.

— Ну, вот, военный уголок какой-то решили организовать.

— И кого выделили? Володьку Петухова! А что он сделает? Он и представления об этом не имеет.

— Ничего,—успокаивает батя.—Еще выделили Григория Андреева. Он через всю войну прошел, чай, что-нибудь сделает.

— Нет, я вперед уверена, что дело дальше бумаги не пойдет,—воркует матушка.—Уже не первый пример!

— Вот на бумаге-то устроили кучу организаций—и военный уголок, и безбожный уголок, и ликнеграмотность,—а работа далеко не двинулась.

— Взяли бы нашу Катюшу, она девочка умная, все бы им устроила, как надо.

— А то вот опять библиотека,—уж, кажется, всем надо. А библиотекаря за лето и каталога не составила,—за что только жалованье платят?

— Уж решили ходатайствовать об ее отводе,—добавляет и батюшка.

— Хотят посылать учиться в Ленинград Алешку Фомина, а он и читать не умеет путем,—сельской школы наверное не кончил.

Батюшка входит в азарт:

— Ну, что из него получится, скажите!..

От такого сочувствия ей-ей не поздоровится. И в конце концов трудно сказать, какие отцы хуже—те ли, что в своей темноте нападают на детей комсомольцев с безменом в руках, или эти бывалые, ласковые с заманивающим словом.

Лучше держаться на-стороже, в стороне и от тех и от других.

Мои комсомольские наброски приходят к концу. Среди этих фигур, одновременно пламенных и твердых, попадаетея порой комсомолец пожиже и сортом пониже. Например, Михаил Костоломов из той же ячейки, что братья Алексеевы. Когда он записался в комсомол, отец спросил его: «Мишка, зачем ты записался?». А Мишка заревел и ответил: «Я пойду, коли так выпишусь и скажу, что отец меня ругает».

«Ах, так перетак,—вспылил отец,—ты хочешь, чтоб меня арестовали»,—и отстал от Миши.

И теперь про Мишеньку пишут: «Служит приказчиком в Кредитке и пьет через день. И сам говорит, что в этом месяце будет недочет».

«В пасху на гулянке я задал ему вопрос,—пишет автор письма,—наверно за тебя отец твой поручился?».

«А если бы отец не поручился, так я бы каждый день пил. А потом пусть что хотят со мной делают».

Тоже по-своему согласная семейка. Помирились с отцом. Отец тоже по пьяной лавочке мастер ходить. А Мишеньку пьянка до того засосала, что он и про комсомол позабыл.

Конечно, такие комсомольцы при первой же чистке выметаются прочь, как негодный сор, железной метлой комсомольской программы и этики.

В этих отрывочных примерах я старался изобразить трудную жизнь молодого комсомольца в деревенской семье.

Это комсомол первой стадии. Молодой, начинающий, ведущий борьбу за свое существование.

Как только комсомол укрепится и созреет, ему не страшны попреки родителей и неурядицы в семье. Сглаживаются трудности в хозяйстве, крепкий коллектив не допустит до упадка хозяйство своих членов. А если они перегружены общественной работой, то даст им замену и в поле и дома.

Таким образом надо сказать, что все эти шероховатости не имеют особого значения. У деревенского комсомола молодое, здоровое тело, и хотя он порою надрывается в работе, но сказать о нем можно словами, приведенными выше:

«На здоровом теле и болячка заживет».

Май 1925 г.

А. БЕЖКОВИЧ.

Комсомольская стенгазета.

Сказать «деревенская стенгазета» и тут же не вспомнить о деревенском комсомоле—невозможно. Одно с другим неразрывно связано. Иногда бывает так, что сначала возникает стенгазета, а затем к затеявшим ее двум-трем паренькам, из наиболее острых, мало-по-малу примыкает вся местная молодежь, и вокруг невиданной «городской затеи» группируется первое ядро будущего комсомола. Иногда наоборот, за «стенгазету» комсомольцы принимаются лишь тогда, когда их ячейка уже достаточно выросла и окрепла, когда их голос настолько усилился, что они могут кликнуть клич далеко за пределы своей глухой деревушки, порой на целую волость. Ведь, стенгазета в деревне—это то же самое, что наша столичная печать, и роль ее та же—наладить самое широкое общение умов, взбудоражить застоявшиеся мозги, пробудить общественное мнение и выразить его.

Как можно убедиться из целого ряда примеров, приведенных ниже, комсомольская стенгазета в значительной степени достигает своих целей. Ее с увлечением читают и обсуждают, с нею считаются. Все грамотные и даже малограмотные принимаются писать в стенгазете. Каждый лезет со своим мнением, каждому хочется подать голос. Зато и выпадает же работа на долю каких-нибудь членов импровизированной редколлегии, которые, надо заметить, и сами в этом деле совсем не мастера. Только суровая комсомольская закалка удерживает «стенредактора» на его неблагодарном посту.

Кроме того, и соображения чисто материального характера способствуют успеху стенгазеты: не надо платить копеек за «Бедноту» и другие крестьянские газеты, а стоит лишь пойти в избучитальню (где чаще всего вывешивается стенная газета). Постояв там, почитав газету, узнаешь новости своей деревни, области, СССР, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и др.

По размерам газета бывает различна, от обыкновенного писчего листа до 6—8 листов, то вытянется в длину на 2—4 аршина, то растянется сверху вниз до 2—3 аршин.

По распределению материала она пытается копировать обыкновенную газету. Есть передовица, отдел хроники, объявлений, вопросов и ответов и проч., а внизу, как и в обыкновенной газете, подписано: ответственный редактор. Только нет условий подписки. По содержанию же стенгазета специфически местная (заводская, деревенская или станичная). Она пестрит своим домашним, а иногда семейным, интимным материалом. В одном случае напечатана на Ремингтоне, в других написана от руки, часто неразборчивым почерком, чернилами или карандашом. Иная совсем полиняла от времени и от сырости. И буквы на бумаге остались, как водяные знаки. У другой обрезаны поля и искурены на цыгарки. А бывают и такие случаи. Вывесят утром газету, публика не успела прочесть, а ее уж искурили. Другую пиши.

Едкость газеты, вся соль деревенского юмора, содержится в рисунках-кариатурах. Но и карикатуры особенного типа.

Художник рисует иллюстрацию от чистого сердца, а выходит неумышленная естественная карикатура. А другая выходит, напротив, злая, как собака, злее наших городских сатирических журналов. И все имена настоящие.

Мужицкая брань—обух...

Те газеты, о которых я буду говорить ниже, привезены из самых глухих географически мест, из так называемых «медвежьих углов». Предо мною лежит газета из северной полосы России—«Голос Комсомола», Корбангской волости, Кадниковского уезда, Вологодской губернии. Это самый северный, лесистый и глухой уезд губернии. Газета написана от руки, неразборчивым почерком. Вначале есть отдел «По всему миру», в котором вы читаете новости Англии, Франции, Германии, а затем уже идет своя собственная жизнь, жизнь деревни. На первом месте стоят такие темы, как кооперация, крестьянский заем, сельхозналог и, особенно, жизнь комсомольцев. Здесь, например, в отделе «Комсомольское решето» читаем: «Тов. Куликов свою идейность вытравил скоро. В начале деятельности ячейки был ее активистом, а теперь даже частенько на собрания не ходит. Не думаешь ли, тов. Куликов, от нашей ячейки отчалить. Скоро переродился». Подписано: «Шпилька».

Еще ниже газета не менее ядовито пишет о другом комсомольце в заметке «Не банкиром ли стать хочешь»: «Комсомолец Н. Смирнов наши собрания стал забывать. Оно и неудивительно: парень соблазнился перепродажей яиц и, как мечтательный по природе юноша, видимо, хочет обуржуазиться. Антирадно, тов. Смирнов, каковы твои на этом фронте достижения? Ждем от тебя доклада о твоих балансах».—«В.»

Заметило недремлющее око газеты двух девиц, начавших по вступлении в комсомол курить табак, и пишет о них в статье

«Сверх-демократизация»:—«Комсомолки Маня и Лиза до вступления в комсомол не курили. В связи со вступлением в ячейку начали курить папиросы фабрики «Чужие», а теперь не пренебрегают и махоркой. Это подозрительно. Не воображают ли наши комсомолки, что курение девушкам рекомендуется уставом?..».

Каков тот материал, который получает газета от деревенских сотрудников? Некоторый свет проливает на это ответ редакции тов. Якушевичу: «Статью о землеустройстве не печатаем. Как старательно ни пытались ее прочитать—не могли. Следует писать разборчивее и без помарок».

Каково влияние корбангской газеты на жизнь своей деревни? Привезшая номер этой газеты, студентка Малинова говорит: «Один мужик мне говорил, что вот не хотят великодворцы делить землю, перейти от чересполосицы к четырехполью, а вот пропечатайте их в газете, и сразу поможет».

Или такой случай: зажиточные крестьяне изувечили корову крестьянина, требовавшего проведения землеустройства, и об этом стенная газета напечатала. После того пострадавший крестьянин говорил каждому зажиточному: «Вы виноваты, не отказывайтесь! Слепили корову, теперь уж вся деревня знает, в газетах пропечатали,—это верно».

Возьмем еще газету с Поволжья, из села Рыбушки, Саратовской губернии, доставленную другой экскурсанткой, С. Могилянкой. Газета написана от руки, иллюстрирована рисунками и довольно богата местным материалом. Из этой же газеты мы узнали, что на 800 дворов этого села получается различных газет 391 экземпляр, в том числе одна газета из Америки.

Но наряду с этой периодической печатью бытует в Рыбушке и стенная газета, которая отражает местную жизнь и этим как бы дополняет печатные газеты, которые рыбушане получают даже из Америки. Ведь, специально о рыбушанской женщине не пишут ни в одной из тех газет, а в стенной мы читаем статью женщины-врача, в которой она призывает рыбушанок к поддержке женотдела. В другой статье—«Еще о бабках», женорган пишет: «Знахарки-бабки, как паразиты, сосут кровь крестьян и крестьянок и отправляют их к богу в рай»,—следует перечисление по именам и фамилиям трех знахарок. «Они вылечивают от всякой «нечисти», «приговаривают», «наговаривают» и не стесняются подачками за свою грязную работу»,—имена еще четырех бабок,—а ниже мы читаем: «...при производстве аборта употребляют отвертки, щипцы и другие предметы производства заражения крови. Женщины страдают, часто умирают». Дальше идет призыв к женщинам не обращаться за медицинской помощью «к этим самозванцам, обладающим сверхъестественной силой...», а предлагается обращаться к врачу-специалисту.

Теперь перейду на Кубань, откуда я этим летом вывез из различных мест большое количество стенных газет.

Возьмем хотя бы газету «Хлебороб», издающуюся в станице Дербентской, приютившейся в глухом ущелье северо-западного склона Кавказских гор,—в ущелье, которое находилось в сфере влияния бело-зеленого бандитизма до 1922 года включительно. Этот «Хлебороб» написан поистине с хлеборобским терпением: на бумаге в клеточку, печатными буквами, карандашом, то химическим, то цветным—одна статья синим, другая красным. Или же так: в одной и той же статье часть написана красным, несколько предложений синим, а затем опять красным. И таким образом, не только газета, но и отдельные статьи выходят из этой своеобразной «типографии» довольно пестрыми. И если прибавить сюда яркие рисунки, то пестрота газеты еще более усугубляется. Рисунки выполнены и карандашом, и чернилами, и акварелью.

Передовая статья посвящена годовщине конституции СССР. Дальше идет призыв редакции к гражданам писать в газету, который заканчивается такими словами: «Помните, чем больше материала, тем чаще будет выходить газета».

Газета уделяет много внимания кооперации. С одной стороны, она призывает станичников вступить в кооператив, а с другой—вскрывает недостатки кооператива и еще чаще проделки кооператоров, которые теперь участились.

В том же номере помещен рисунок-кариатура, высмеивающий неудачную попытку ЕПО организовать лесоразработку. Рисунок представляет кадило, в которое с двух сторон дуют два кооператора, один олицетворяет торговлю ЕПО, а другой—лесоразработку. Торговое ЕПО дует себе, и ему хоть бы что, а лесоразработывающему дым лезет в глаза, и у него страшно текут слезы, в которых чуть не тонет все ЕПО. А внизу под рисунком ехидная заметка: «Что ответит на это ЕПО?». И ЕПО должно ответить,—промолчать никак нельзя. Ибо этот же вопрос зададут и во втором, и в третьем номере, и до тех пор, пока не получат ответа.

Угостил приказчик ЕПО «дивчат» конфетами или монпансье, и новый рисунок в самых смешных позах изображает эту сцену, а чтоб это было понятно, ставят точки над *i*,—подписывают все имена. В уголку рисунка прибавляют: «далеко он (приказчик) пойдет».

Возникли нелады между церковным сторожем и церковным советом, в результате которых сторож даже хотел повеситься, и око газеты тут как тут и дает нам эту историю в виде стихов:

В церкви сторож есть старик,
Очень престарелый,
В дело церкви так он вник,
Стал, как угорелый.

Церковь наняла его
Лишь с такой фактурой:
Часть деньгами уплатить,
Часть мануфактурой... и т. д.

История очень длинная и сложная. В результате узнаем, что газета сделала большое дело для несчастного старика-сторожа. Она подняла этот вопрос, огласив его на всю станицу, и этим побудила ячейку поставить его перед церковным советом, а затем ввести формы найма в рамки закона и этим помочь разобраться в законах не только священнику, пытавшемуся отговариваться незнанием советских законов, но и сторожу, который, по всей вероятности, теперь знает их.

Ведет газета борьбу со знахарками. С одной стороны, она сообщает гражданам о распоряжении власти, в силу которого бесплатно лечат животных в ветеринарных пунктах, с другой—стыдит знахарей, не считающихся с этим распоряжением и берущих плату с граждан. Газета иронически замечает: «...Постановление распространяется только на ветеринарные околотки, на бабок же, шептунов, знахарей и других спецов оно не действует: они могут брать сколько угодно с граждан, лишь бы шкура осталась хозяину».

Или: у хозяина заболели лошади чесоткой, и газета напоминает, что это болезнь заразная, а потому он должен вылечить своих лошадей, и тут же указывает, что лечение бесплатно. И категорически воспрещает ему пускать своих лошадей на пастбище, где они могут заразить и других лошадей.

А то заболел глазами у гражданина бык, и хозяин обратился за помощью не к ветеринару, а к бабке, которая посоветовала засыпать глаз сахаром или горьким перцем. Гражданин это сделал, и бык совсем ослеп. Газета, напоминая об этом факте пишет: «Кайтесь, товарищ Насенченко, и гоните в шею от себя всех знахарив и бабок, ибо в ветеринарном участке лечение скота бесплатное».

Вообразите себя на месте «протянутых» в газете, как там говорят, и вы сразу поймете, что газета имеет большое воздействие на жизнь станицы.

Неаккуратная расплата с рабочими также находит отзвук на страницах газеты. В статье «Бедноту эксплуатируют» мы читаем: «В Золотухе денег нет. И вот ловкий плантатор пошел на обман: воспользовавшись природными условиями погоды, нанял десять душ рабочих, которые проработали у него некоторое время, а денег и до сих пор не получили». Это сообщение заканчивается грозным обращением к «Рабочкому»: «Рабочком, заставь эксплуататора заплатить рабочим деньги». А ниже мы читаем объявление того же «Рабочкома»: «Настоящим довожу до сведения всех

граждан (станции Дербентской, пользующихся наемной силой, чтобы таковые заключали трудовые договоры. За укрывательство багратрачества будут составляться акты в нарсуд).

Так ведет газета защиту бедняцкого элемента.

Как-то в школе был устроен вечер-спектакль с буфетом, и по этому поводу газета поместила рисунок-карикатуру, который в преуморительных фигурах танцующих дает характеристику вечера. Сверху рисунка мы читаем написанное большими буквами: «Просвещение», а внизу: «Дурак не догадается, а умный промолчит».

В станице есть или, вернее, была девица, падкая на танцы, и вот газета решила урезонить ее—поместила в газете рисунок этой «балерины», отплясывающей «китайночку»; сверху рисунка написали: «Приехавшая из Москвы «Дуся» рекомендует балериной, а исполняет танцы из «Табеля срочных донесений». Тут тоже намек. И это так подействовало на девицу, что она сбегала из станицы—перешла в другую.

Не щадит газета и тех, которые варят самогон, будь то отдельная личность или целая деревня. В том же номере помещены самогонные частушки: один куплет воспевае деревню Куряши, устроившую в подполье гонку самогона, а другой изобличает гражданина Косимова, продающего из окна самогон:

— Почему у Куряшей
Из подполья дым идет?
— Потому, что под полом
Винокурный завод.

К Косимову пьяница
Подойдет и ахнет.
Там из каждого окна
Самогонкой пахнет.

Загуляет ли председельсчета, спляшет русскую или истратит лишнюю копейку из народного рубля, газета тут как тут.

Вот под заголовком «Председатель загулял» читаем: «В день Петра и Павла в деревне Красиково председатель деревенского сельсчета Аким Горшков важно выплясывал русскую, ну, конечно, шибко под мушкой, не теряя достоинства «власть имущего». Не мешало бы его от этих достоинств освободить».

Но кому от газеты достается, так это, конечно, попу. Для па газета—это злая оса, которая кусает, не теряя жала, впиваясь все глубже и больше. Чуть не в каждой газете мы читаем, то как пошел поп собирать по приходу гвозди для починки крыши на бане, то как поп и дьякон подрались на дележе яиц, и дьякон от злости истоптал все яйца.

Под заголовком «Мракобесов кормят» мы читаем: «6-го апреля в церкви Николы было собрание прихожан. На собрании постановили собрать приходом жалованье на причт, при чем попу А. Жданову предназначено 138 пудов, дьякону 92 пуда, да псаломщику 69 пудов, итого 299 пудов». А ниже автор статьи угрожающе поучает: «Граждане Никольского прихода! Не пора ли за ум взяться и чем платить за одурачивание себя такую сумму, не лучше ли было бы оборудовать хорошенько вашу школу. Подумайте! А. К.»

Этот же самый эпизод деревенской жизни отмечен частушкой, которая помещена в другом номере газеты. Переливаясь, она поет:

У Никольской-то у церкви
Духовенство ожило,
На мужицкий горб себя
Кормить возложило.

Не щадит частушка и главных поклонниц и содержательниц церкви старух, а заодно и девушек.

Бабоньки и девушки,
Зря вы в церковь ходите,
Все равно, когда умрете,
В рай-то не угодите.

Какой успех имеет эта антирелигиозная пропаганда литературного характера? Я наблюдал на Кубани, что письменное обличение действует сильнее, чем живое слово. Журнал «Безбожник», случайно попавший в руки малограмотного читателя, вызывает больше вопросов, чем диспут, на который смотрят, как на перебранку. Беседуя на антирелигиозные темы с крестьянами, я довольно часто слышал ссылки того или иного собеседника на «Безбожник».

В газете есть отдел вопросов и ответов. Для характеристики этого отдела беру первый попавшийся вопрос—вопрос крестьянина Ж—ва: «Имеет ли право на скидку при взимании сельхозналога хозяйство, в котором при одном работоспособном члене семьи падает пашни на едока полторы десятины?».

Ответ: «Скидка или даже полное освобождение допустимо лишь в том случае, когда при таких семейных условиях на едока пашни три четверти десятины».

В конце этого отдела помещено обращение редакции к читателям: «Редакция обращается ко всем крестьянам, которые не могут самостоятельно разрешить «больные» вопросы, обращаться за разрешением таковых в редакцию, которою и будут даваться по возможности на все заданные вопросы разъясняющие ответы».

Газета язвит не одного лишь загулявшего попа, но и представителей местной власти достается от нее.

В стенгазете одной из кубанских станиц «Вперед», № 3, мы видим рисунок, который красноречиво говорит, как реагируют некоторые из «протянутых» в газете на новую гласность. Он же нам расшифровывает появляющиеся все чаще и чаще в настоящих газетах известия об избиениях и даже убийствах селькоров.

Рисунок этот незатейлив. Мы видим на стене эту самую газету «Вперед», № 3, а возле нее два «протянутых», как внизу написано, кварткома. Эти кварткомы показывают левыми руками на то место газеты, где о них написано, а правые сжав в кулаки, тычут прямо под нос тут же изображенному селькору. Этот рисунок поясняется надписью: «Нападении кварткомов на членов редакционной коллегии».

В отделе объявлений отмечу: «Сегодня, в 4 часа дня, около кладбища состоится футбол-матч первой команды спортсекции «Прибой», прибывшей из города Краснодара, против первой команды «Спартак». Игра дает большой интерес зрителю»...

Приведу еще несколько выдержек из сырого материала, поступившего в редакцию, сохраняя всю его естественную прелесть:—«Распустились». «В здании союза «Всерабземлес» имеются окна, которые служат для просвета. В это прекрасное время заходит товарищ Брус в комнату, садится на окно и кладет ноги свои, которые были грязные. Товарищ Брус является завакправом (?), он должен следить за чистотой, которую ему поручает союз РЛКСМ; для нашего завакправа в комнате союза не имеется кресла, в которое он бы сел и положил свои ноги. Просьба к товарищу Брусу, чтобы он подтянулся и следил за чистотой. Батрак». (Псевдоним.).

Приведу еще одно заявление, написанное на небрежно оторванном клочке бумаги и подписанное также Батраком: «Братва это не хорошо. Заходишь в союз и смотришь натокую честоту то тоже так как в избе-читальни сор грязь и тому подобного вит мы члены союза должны следить за честотой потому что неудобно ходит в союз а ище зав ик. прав. РКСМ ево обязаност смотреть за честотой а он некогда невкажет что здес такие хозяева так от братва нада в общественных зданиях не курит и не сорит а следит за честотой ибо от этого заболевают люди».

Из этих двух корреспондентских заметок видно, как станичники ведут борьбу с грязью в общественных учреждениях. Характерно, что на сцену борьбы выступают полуграмотные батраки.

В заключение характеристики этого материала я приведу «Призыв» батрака к молодежи: «Эх, играй гармошка громче, не меняй свои лады, так и быть, скажу я нонче вам, ребятам молодым: эй, ребята, торопитесь, на газету подпишитесь, а табак

бросай курить, полно голову мутить. Знай, табак вредит здоровью, в нем нет пользы никакой, от газеты, есть надежда, будешь с умной головой. Что творится там, в Германии, как живет наш пролетарий, стоишь лишь газету взять, все ты можешь в ней узнать. Эх, играй двухрядка звонче, а я барыню пойду, верю, завтра или нонче я подписчиков найду. Эх, играй двухрядка громче, моей песенке шабаш, верю, завтра или нонче увеличим мы тираж».

Мой очерк был бы неполным, если бы я не сказал ни слова о работе редакционной коллегии. Мне известно, например, как работает редакционная коллегия газеты «Вперед».

Кстати, эту работу характеризуют рисунки, помещенные в газете. На первом мы видим редакционную коллегию за работой в довольно бодрых позах, а на втором—редакционная коллегия за работой уснула: один на столе, остальные на скамейках.

Из беседы с членами редакционной коллегии выяснилось, что газету они стараются написать и вывесить к утру каждого воскресенья, а корреспонденты, и вообще пишущие в газету граждане, заняты всю неделю в селении работой, а в субботу приезжают домой и привозят свой материал. И вот, чтобы поспеть к утру «издать газету», приходится сидеть всю ночь.

Комсомол в частушках.

Комсомолец не только работает, не покладая рук на советской и общественной работе, не только строит новую жизнь деревни, он находит время и для посиделки, для песни, для частушки.

Новая форма народного творчества—частушка—не обойдена и комсомолом. Комсомольские частушки сочиняются и расппеваются не одними комсомольцами,—жизнь комсомолии, ее учоба, стремление к светлому будущему находят свое отражение также и в частушках беспартийной крестьянской молодежи. Ни одно явление общественно-бытовой жизни, затрагивающее молодежь, как самую чуткую и восприимчивую часть деревни, не проходит мимо частушки, этой остро-современной формы деревенской поэзии. Поэтому не безынтересно будет каждому юноше и девушке перечесть деревенские комсомольские частушки, чтобы увидеть подлинное лицо «окомсомолившейся» деревни.

Предлагаемые ныне частушки относятся к Северо-Двинской, Вологодской, Новгородской, Ярославской, Ульяновской и другим губерниям, преимущественно северным. Эти частушки антирелигиозные, любовные, отмечающие стремление к знанию, отношения к родителям и пр.

Частушки комсомольские неотделимы от частушек остальной молодежи, описывающих то новое в деревенском быту, что пробивается сейчас молодыми ростками сквозь толщу крестьянской темноты и должно разрастись в большое, могучее дерево. Поэтому здесь помещаются и те и другие.

Прежде чем перейти к самому изложению, я позволю себе отметить, что помещаемые ниже образцы далеко не исчерпывают всей массы разнообразных и интересных частушек, расппеваемых молодежью по деревням под звуки «тальянки» и записанных нашими этнографическими экскурсантами.

В начале описания будет уместно процитировать частушку, связанную с именем великого вождя пролетариата и крестьянства—Ленина, видевшего именно в молодежи строителей нового общества. Частушка, сочиненная секретарем комсомольской ячейки в деревне говорит:

Посмотрите, люди добры,
Что на свете деется:
Ленинская мысль-идея
Всюду теперь сеется.

Наиболее яркий мотив комсомольских частушек—учение. Об этом поют многие частушки, одна за другой:

Эх, берет меня тоска,
По ночам не спится.
Заразили меня книги,
Я хочу учиться.

Воскресенье подошло,
Не пойду молиться,
Уж то времечко прошло,
А пойдем учиться.

Запишуся в комсомол,
Поделюсь заботою,
Обучуся грамоте,
Сама поработаю.

Деревенский комсомол жаждет книг, а их еще так мало в деревне, что приходится на-лету ловить каждое новое слово, идущее из города. Деревня строит сама свою культуру. Народный дом, изба-читальня вытесняют церковь, даже заставляют забыть о «милом»:

Заросла тропинка в церковь,
Новая проторена:
Дверь избы-читальни нашей
Широко растворена.

Эх, подружка моя Таня,
Не скучай ты о милом:
Нынче будет представленье,
Мы пойдем в народный дом.

У Петрушкиных ворот
Висит объявление:
Собирайтесь, девки, бабы,
В комсомол на чтение.

Большим недостатком работы деревенского комсомола являются слабое вовлечение в союз девушек и неактивность комсомолок, но сейчас появляется улучшение и в этой области.

Вот девичья частушка, показывающая, как деревенская девушка начинает понемногу отходить от посиделок и приобщаться к новой культуре:

В посиделки не пойду,
Я не милка Сенина.
Заведу я граммофон,
Буду слушать Ленина.

Девушка не только сознает, что грамота—это все. Она даже ставит «милому» условие, успев подхватить городское словечко «политшкола»:

Я твердила милому:
«Не спеши жениться,
А поедem в политшколу
Мы с тобой учиться».

Частушка указывает девушке ее путь к знанию, и она, не оставившаяся, идет дальше, начинает принимать участие в общественной жизни деревни:

Вы, девчоночки, ходите
С комсомольцами гулять.
Комсомольцы вас научат,
Книжки Ленина читать.

Не гляди, что у меня
Платьице с заплаткою.
Меня выбрали в совет
Женской депутаткою.

А парни друг перед другом хвастают, одна деревня другую разжигает:

Ваше поле колосисто,
Наше—колосистее.
Ваши девки—коммунистки,
Наши коммунистее.

Наконец, желание комсомольца не только слушать и читать, но и писать самому тезисы, доклады и проч., оттесняет «милку» на задний план:

Не хочу бежать я к милке,
Ее губки целовать:
Дайте ручку и чернила,
Буду тезисы писать.

Интересно провести параллель между этими новыми частушками, рисующими громадный сдвиг в психологии молодежи, и частушками прежними, еще живущими в деревне у той буйной «отчаянной» части молодежи, которая не нашла еще выхода для своей энергии, не сумела отличить свой путь в стремительных потоках новой жизни после революции.

Прежние частушки ярко характеризуют кошмарное прошлое и

те условия, в которых жила и воспитывалась прежде крестьянская молодежь. Наиболее распространены они там, где нет комсомола, где еще льется море самогонки, и буйство, драки, увечья служат главным развлечением, а часто и основным содержанием жизни деревенской молодежи. Вот наиболее характерные из этих частушек:

Самогоночки попьем
Из чистеньких бутылочек.
Кто отчаянных заденет,
Береги затылочек.

Финский ножик притупился,
Надо выточить его.
Стал товарищ заноситься,
Надо выучить его.

Самогонку в поле гоним,
Где нагоним, тут и пьем.
Где на нас ребята сердятся,
Туда гулять идем.

Два нагана отобрали,
Третий браунинг купил,
У товарища сударушку
Навеки я отбил.

Комсомольский вариант говорит о другом:

Револьвер семизарядный,
Мине Троцким подарен,
Защищаем мы республику,
С товарищем вдвоем.

Теперь перейдем к частушкам, отражающим борьбу комсомольцев на безбожном фронте:

Лейся, песня, по селу,
Облеги и нивы.
В комсомольско рождество
Нет попам наживы.

В Комсомолии на паску,
Собралась палата,
Саваофа порешили
Сократить по штату.

Вступление в комсомол почти всегда связано с моментом разрыва с религией:

В комсомольцы записался,
В бога веровать отстал.
Комсомолочку-девченку,
И то любить не стал.

Для девушки вступление в комсомол или гулянье с комсомольцем затрудняется именно необходимостью ходить в церковь и религиозностью. Иногда ей удается порвать с этим, но в большинстве случаев она не может освободиться от религиозного дурмана, усугубляемого родительским влиянием:

Вы не думайте, граждане,
Что я богомолочка.
Я, молоденька девчонка,
Буду комсомолочка.

Я надену белу кофту,
В комсомолки запишусь.
А людям какое дело,
Что я богу не молюсь.

С комсомольцами гулять—
Надо измениться.
Крест на шее не носить,
Богу не молиться.

Свою беленькую кофточку,
Я повешу к зеркалу,
Мой-то милый—комсомолец,
А я хожу в церкову.

Комсомолец со своей стороны предъявляет «милке» требование:

Моя милка ничего,
Лишь религиозная.
Жить с ней могут дураки,
Умным невозможная.

Но трения с родителями на религиозной почве все увеличиваются. Мы имеем немало случаев ухода комсомольца из семьи по этим мотивам. Некоторое отражение этого процесса находим в частушках:

Сделай, тятка, забастовку,
Перебей мамке горшки,
Чтоб по праздникам христовым,
Не месила пирожки.

Кабы тятка, кабы мамка,
Кабы брат—как у людей,
Не пойду я больше в церковь,
За три тысячи рублей.

Как у тетки Акулины,
Старой богомолочки,
Внучки: Танька, Манька, Санька,
Панька—комсомолочки.

Комсомольцы, комсомольцы,
Каки вы отрекатели,
Отреклися вы от бога,
От отца и матери.

Этого мало. В антирелигиозных комсомольских частушках столько остроты, столько сатиры, что нельзя не привести хоть некоторые:

Ангел семечкам торгует,
Богородица—сигом.
Исус в Кане Галилейской
Гонит чистый самогон.

Или:

Ангел с чортом разодрались,
Стало жарко небесам.
Нет житья попам на свете,
Исхудали телеса.

Недаром поется:

Колокольчики звенят
Колокольцами,
Все святые недовольны
Комсомольцами.

Комсомольцы шли,
Попы охнули,
Все святые не воскресли,
А поздохнули.

Освободившись от поповского мракобесия, комсомолец уже не возвращается обратно к религии, он уже настоящий безбожник:

Я безбожником родился
И безбожником умру,
А поповские легенды
Мне совсем не по нутру.

Какой свежестью, крепостью, комсомольским удалством веет от частушки:

Не боюсь я ни ада,
Не боюсь я чертей,
А, коль боже попадетса,
Так задам ему взашей.

Частушек антирелигиозных очень много, и из помещенных выше ясно видно, что лозунг: «На штурм богов», подхваченный комсомольской массой, будет осуществлен полностью.

Не менее важен вопрос о взаимоотношениях стариков и молодежи, в частности, о положении комсомольца в семье.

Вот частушка, указывающая, как далеко ушла молодежь от

своих родителей. Им не понять совершающихся событий, открывающих новую страницу в жизни крестьянского молодняка:

Эх, родители, родители,
Пустите со двора.
Не поймете вы, родители
Что новая пора.

Комсомол—крепкая защита для всей молодежи, да и не найти силы, которая не пустила бы комсомольца на собрание:

Хоть ругайте, не ругайте,
А в народ меня пускайте.
Коль не пустите—пойду
Комсомолу заявлю.

Хоть ругайте, не ругайте,
А по-вашему не быть.
Во ячейку, на собрание
Не задержите ходить.

Для девушки комсомолец, коммунист часто является причиной ухода из дому или, напротив того, поводом к суровым домашним притеснениям.

Коммунист ты, коммунист,
Рубашечка сатинова,
Из-за тебя я, коммунист,
Дом родной покинула.

Коммунист мой, коммунист,
Черненькие глазки,
Из-за тебя меня бранят,
Держат на привязке.

Девушка вступила бы в «Релькасем», но ей грозит быть выкинутой на улицу без всяких средств к существованию:

Мне все девочки сказали:
«Запишися в Релькасем».
Я бы рада, да прогонит
Батяка из дому совсем.

Характерно, что вступление детей в комсомол несет для родителей целую массу неприятностей и опасений:

Испугалася до смерти
Нынче мамонька моя:
Я пришла, да ей сказала:
Комсомолкой стала я.

Дед Никита—богомол,
Часто в церкви молятся,
Он боится, что как сын
Его окомсомолится.

Новое пролезает во все поры и щели и постепенно заполняет жизнь иным содержанием. Комсомол—шеф Красного флота, и вот потекли тысячи комсомольцев из глухих деревень к Черноморью, к Балтике, чтобы через несколько месяцев учобы стать боевыми «военморами». Всего больше, конечно, вопрос о военморе волнует девушку, и она поет:

На рябинушке сижу
И в «Известия» гляжу,
День читаю напролет,
Про российский Красный флот.

На комсомольцев-краснофлотцев надежда крепкая, они защитят от всех врагов:

Не полезет из Босфора
К нам антантовская свора.
Ей загонит в спину кол
Сердце флота—комсомол.

Но девушка сама не хочет оставаться безучастной и горит желанием хоть чем-нибудь помочь флоту:

Эй, дивчата, кто за мной.
Живо за работу.
Мы кисеты будем шить
И отправим флоту.

Иметь «миленка» комсомольца, да еще военмора,—большая гордость для деревенской девушки, и она язвительно поет сопернице-подруге:

Твой миленок рыжий пес,
Ярый богомолец.
Милый мой—теперь матрос
Судна «Комсомолец».

Комсомол—надежный резерв для Красного флота, это он доказал на деле.

Хоть и любят погулять комсомольцы, а против самогона стены идут. Правда, не все такие твердые ребята, чтобы удержаться от соблазна, но все же подавляющее большинство активно борется с самогоном, этим бичом современной деревни.

Частушка об этом поет:

Гармонист кудрявый Вася,
Гармонист—веселый звон,

Не к лицу тебе, мой милый,
Пить ханжу да самогон.

Бушует самогонная стихия, и вот умиротворяющим началом являются комсомольцы.

Эх, деревня веселится,
Самогонщики идут.
Комсомольщики потянут
Самогонщиков в нарсуд.

Комсомол действует отрезвляющим образом даже на самых отчаянных буянов, и парни исправляются:

С измалетства сбаловался
Водку пить, табак курить.
В комсомол как записался,
Перестал теперь дурить.

Будет, разумеется, неполным освещение жизни деревенского комсомольца, если мы не затронем вопроса, играющего в жизни молодежи громадную роль. Это—вопрос о любви, о взаимоотношении полов. Комсомолец не только работник «Релькасем», но такой же «миленок» и покоритель женских сердец, как и другие парни; иногда комсомолец по этой части слывет даже «первым парнем на деревне». Вполне понятно, что как и все частушки о любви, комсомольские любовные поются, главным образом, девушками.

Комсомолец для деревенской девушки представляется в различном освещении. То он слишком умен, недоступен для нее, занят большими делами, то он такой же веселый, как все, и с ним можно погулять и даже «влопаться» в него:

Есть парнишка на селе,
Чернобровый хлопец.
Девки влопались в него,
Это—комсомолец.

Я на печке сижу,
Ножки свесила.
Комсомола полюбила,
Стало весело.

Вот он недоступен для нее, и она мечтает провести с ним хотя бы один вечер, уважает в нем делового человека, порой восхищается им, а иногда даже задорно хвастает:

У райкома знамя красное
Колышет ветерок.
Погулять бы с комсомольцем
Хоть один да вечерок.

Ты играй, играй, гармошка,
Разливайся мельче вдаль,
Мой миленок какой умный,—
Комсомольский секретарь.

Твой миленок—гармонист,
Хорошо играет,
А мой Вася—коммунист,
Дела разрешает.

Но не всегда родители разрешают любить комсомольца, боясь, чтобы их дочь не сделалась комсомолкой. Сами девушки тоже колеблются, но, в конце концов, мирятся с тем, что их миленок—комсомолец:

Эх, мой милый, чернобровый,
Не велят тебя любить,
Не велят тебя любить,
Комсомолочкою быть.

Мой-то милый—комсомолец,
А я беспартийная,
Навязалась любовь,
Така канительная.

Сошью кофту белую,
Ластиком отделаю,
Мой-то милый—Рекесем,
Что же я поделаю.

Женитьба комсомольца необходимо связана с гражданским браком, а иногда это выливается в более простые формы сожительства:

Мой миленок меня сватал,
За него замуж пойду.
Мы упишемся в совете,
А к попу я не пойду.

Разругались мы с попом,
Да в нем и не нуждаемся.
Пойдем с мыльм в исполком,
Там и повенчаемся.

Эх, яблочко,
С боку верчено,
С комсомольцем живу
Я не венчана.

Комсомолец женится, конечно, без попа и поэтому первым условием ставит разрыв с церковью:

Урезонивал Машутку:
Говорю тебе не в шутку,

Плюнь на церковь и попа,
Нет—прощай же навсегда!

И, добившись согласия, весело поет:

Завивайтесь, кудри, в кольца?
Своего добился я.
Будешь женой комсомольца,
Настя, милая моя.

Домашняя обстановка, влияя на мировоззрение девушки, на ее взгляды, не может заставить ее забыть о милом-комсомольце.

Меня дома посылают:
Сходи лошадь напоить.
Мой миленок на заводе,
Комсомольцем состоит.

Научившись немного грамоте и умению разбираться в окружающем, девушка видит впереди широкую дорогу к светлой жизни через кооперацию и зовет с собой милого записаться в кооператив:

Ах, ты, милый мой Ванюша,
Как ты молод и красив!
Будет жизнь наша счастлива,
Коль пойдем в кооператив.

Комсомолец, в свою очередь, начиная жить сознательной жизнью, зовет девушку последовать его примеру, бросить глупые девичьи затеи:

Девушки, голубушки,
Вы не мажьте рожи,
Лучше запишитесь
В Союз Молодежи.

Довольно характерно, что и в частушке о женитьбе проскальзывает момент социального расслоения деревни:

У меня сережки есть,
Золотые кольца.
Не пойду за богача,
Пойду за комсомольца.

на этом обрываются наши частушки, посвященные деревенской комсомольской лирике. Мы видим, как многогранна эта интереснейшая сторона жизни деревенского комсомола, но за недостатком места приходится ограничиться изложенным.

Проследив по этим отдельным отрывкам важнейшие моменты комсомольского бытия, отраженные в частушках, хочется сказать в заключение несколько слов.

Комсомол в деревне не спит. Его могучее влияние распространяется все шире и шире, захватывает не только молодежь, но и взрослое население деревни.

Работа комсомольских ячеек пестреет массой характерных подробностей, которые порою трудно подметить постороннему наблюдателю, но отдельные отрасли комсомольской работы, выпукло выступающие на сером фоне деревенской жизни, должны быть освещены как можно ярче и отчетливее.

В настоящем сборнике выявлены основные моменты комсомольской работы.

Отражение этих моментов, как снимки на-лету, мы видим в приведенных выше частушках.

Здесь отразились и учеба комсомола, эта стихийная ненасытная жажда знания, толкающая молодежь деревни в город на рабфак, в фабзавуч, и беспощадная борьба с наследием векового прошлого—религией, и молодая деревенская любовь со всей ее простотой и нетронутой силой. Комсомолец уже достаточно осознал себя и в частушке поет:

Эх, яблочко,
Полукруглое!
Комсомольцем быть—
Дело трудное.

И как раз в деревенских частушках мы можем почерпнуть много ценного и важного, характеризующего настроение нашего передового деревенского молодняка—комсомольцев.

Деревенский комсомол—непочатая сила, в союзе с которой должны строить новую деревню. Верится, что и в дальнейшем он будет гигантскими шагами идти к новому быту, и что в комсомольских частушках мы услышим отзвуки этого важнейшего процесса нашей эпохи.

Придем мы к этому через ленинизм.

Пусть же разносится по всей необъятной Комсомолки призыв, льющийся из глухой деревни в частушке:

Через горы, чрез высоки,
Не видать нам инея,
Товарищи комсомольцы,
Вспоминайте Ленина.

15/V 1925 г.
Ленинград.

Иван Михайлов—поэт-комсомолец.

Об Иване Михайлове прослышала я случайно. Зашла за каким-то делом в исполком волостного села С., и там председатель местного культ просвета, учитель П. П. Т-в, рассказывая о местных комсомольцах, сообщил мне, между прочим, что вот и в деревне Жерновке живет активный комсомолец Иван Михайлов,—он сочиняет хорошие стихи.

Деревня Жерновка ничем не отличается от прочих невзрачных сереньких деревушек довольно глухой, хотя и не вовсе захолустной Новгородчины. Ничем не отличается от своих односельчан, вековечных и упорных в труде хлеборобов, также и типично-средняя семья Михайловых. Живут ни богато ни бедно. Как говорила старуха-мать: «Все всегда было, ни в чем никогда не нуждались». Но и достатков особых у них не замечается. Старик давно уже помер. Глава семьи—старший женатый брат; кроме него с женой, еще трое «едоков», как уже сказано—старуха-мать, младшая сестра—шестнадцатилетняя Дуня, бойкая, веселая певунья, и 22-летний брат Иван. Это и есть комсомольский поэт. И о нем придется рассказать подробнее. Во-первых, он комсомолец из наиболее активных, во-вторых, он поэт подлинный и незаурядный.

Вот для начала одно из его стихотворений:

Осень, мужичья богачка,
Хлебом набила овин.
Кто это небо запачкал
Грязью пслзущих овчин?
Так незаметно березы
Кто перекрасил в желтик?
Тушат небесные слезы
Солнца желтеющий лик.
Холод в лдяные сосульки
Свесы на крышах убрал.
Пляскою складной и гулкой
Цеп со снопами играл.
Дымно и парно дышали

Рты закоптелые риг.
Дробно телеги стучали.
Лаялся галочий крик.
Ляскали зубьями мялки,
С хрустом жевали ленки;
Шумно свистели трепалки,
Часом казался денек.
Девки на первом почине
Слилися в лад запева.
В грязной и пыльной личине
Еле милашку признал.
Лица оделися в маски,
Смазались в копоть и пыль...
Серые, серые краски
В гумнах наш труд полюбил.

Писать Иван Михайлов начал совсем недавно, только в 1923 г. Раньше не пробовал. Читать поэтов привык и полюбил с самой школы,—он окончил школу, что в соседнем селе,—«от доски до доски» прочитал Никитина, Некрасова, читал Пушкина, Лермонтова, Кольцова и др. Но сам взялся за перо только позапрошлой зимой, в первый год своего учения в новгородском сельскохозяйственном техникуме, куда откомандировала его местная ячейка РЛКСМ.

К учению он всегда стремился, и вот, попав в техникум, он с жаром принялся за работу. Не плошал ни на учебном ни на общественном фронте. Участвовал во всех кружках, пуще всего увлекался стенгазетой. Вот тут-то в нем и открылся поэт. В его записной тетрадке за 1923 год больше полусотни самых разнообразных стихотворений. Вот несколько его комсомольских песен.

Комсомольская.

Вперед, ребята, железным шагом!—
Союзы ваши весь мир трясут.
Обман душите под красным стягом,
Порвите узы церковных пут!..
Идейный факел сильнее раздуйте,
Сожгите косность слепых сердец!
В потемках с красным огнем бунтуйте,
С икон срывайте святой венец!..
Плен мракобесья пусть все покинут,—
Берите чорта в аду за хвост!..
За дело смело. Пусть враки сгинут!
К земному раю мостите мост!
Бросайте вызов царю на небо,
Его бессилью пошлите смех!..
Природа наша и даст нам хлеба,
Природа даст нам земных утех...

Учоба ставит на путь наш веки.
Несите пользу вперед годам.
Пути открыты, и нет помехи
Отрядов юных стальным рядам!..

(Помещено в стенгазете Новгородского С.-Х. Инст. «Труд», № 6.)

В этой песне он перепевает чужие напевы, но вскоре его голос становится крепче.

Деревенский Комсомол.

Здесь позже, чем в каждом городе,
Новым словом сказал комсомол.
Мы горды, что в идейном голоде,
Новой стройки мы вбили кол.
Раньше наши молчали трубы,
Мы идеи могли лишь красть.
А теперь с Марксом в красном клубе
Мы беседуем явно всласть...

Или:—

От деревни к деревне огнистые
Разоставь фонари РКСМ,
КИМ'а красного стрелы лучистые
Путь укажут единственный всем.
Раскачай языки громозвучные
С колоколен набатных идей,
Разбросай людям доводы жгучие
Несравненно великих вождей.
Без устали труби с красных вышек,
Там, где мрак, пламеней, как свеча,
Чтоб из крепких крестьянских сынишек
Пополнялись ряды Ильича!

Или вот начало его бодрого и красочного гимна:

Первое мая.

Сегодня лепестьями маки
Шелестят выше бодрых голою
Сегодня кто с нами, всякий—
В гордом гимне цветущих ртов.
Нам сегодня и небо поверит,
Что мы взлетом отважнее птиц.
Нашу мощь пролетарий измерит
Миллионной улыбкой лиц.
Мы поем не под страхом старого.
Целый мир—не подпольный кружок.
Даже в ручке ребенка малюго
Кольхается красный флажок...

Зимой учоба и общественная работа. Летом тоже общественная работа, еще более ответственная, у себя на деревне. Но, кро-

ме того, и работа в поле—летняя страда. Иван Михайлов остался верен земле-кормилице. Он любит ее, любит природу, любит упорный, тяжелый труд хлебороба. Недаром он «крестьянский поэт» (иначе не назовешь), в нем самом так и бурлят живые соки земли. Он сам это чувствует:

И конь и я—друзья-поэты,
Нас вдохновляет общий труд.
Нам каждый год весна и лето
Живой поэзии дадут...

Летний трудовой день родит в нем едва ли не самые лучшие образы его «живой поэзии». Он у него то «раскачался в истоме хмельной, в позолоту наряженный», то

День-то, день-то позолоченный,—
Будто счастья ясный лик,
Как шатер, в огнях сколоченный,
Светом солнечным велик...

И все о том же страдном трудовом дне поют его стихи:

Радость труда.

Солнце весенним бегом
Мерит красивый день.
Этакой хмельной негой
Живо прогону я лень.
Мы хоронили силы
В долгий зимний досуг,
Нам расшевелит жилы
Трудолюбивый плуг...

По морю нивы.

Эх, какой пышной постелью
В даях раскинулась рожь!
Эх, как под птичьей трелью!
Страдный денек хорош!
Как на живом одеяле,
Ветер взбивает валы.
Будто в хмелю, закивали
Низко ржаные стволы.
Ну, и забрали силу,—
Стан в человеческий рост.
Гордость стеной склонила
Колос, что лисий хвост.
Эх, как в хмелю закивали,
В качке глотают зной.
Бредят: «скорей бы осень,
В скирды бы на покой»...

На покосе.

Раскачался в истоме хмельной
В позолоту наряженный день.
Запестрели моря травянистые,
Как рядами отважных пловцов,
Заребрились покосы волнистые
С каждым взмахом могучих косцов.
Засмеялся звеняще-раскатисто,
Тонкой сталью запел сенокос.
Заломалось лучами проказисто
Солнце в зеркале острых кос.
И чертят косари полукругами,
Бреют волос зеленый земли,
Машут, машут руками упругими,
Как на шутку без дела пошли.
На плешивых лугах великанами
Станут дыбом большие стога,
Зарастет на неделю курганами,
Где гуляла мужичья нога.

Но вот отработан «хмельной» день знойной страды. И вечернюю прохладу поэт-комсомолец встречает совсем иными песнями. Одно из таких «вечерних» стихотворений называется «Деревенская читальня»:

Каждый вечер, лишь прохлада
Освежит от зноя пот,
Стерегу, когда в деревню стадо
С гулом из полей пройдет.
С нивой, лошадей и плугом
Я прощаюсь на ночь до утра;
Дорожу читальней я, как другом,
Там мне книга—милая сестра.
Как приятно, сбросив лапти,
Ветром в красный клуб бежать.
Аппетитней и вкуснее сласти
Строчки мудрых слов читать.
В этот час газеты, книжки
Там спокойно не лежат.
Там сидят подростки и детишки,
Вижу в окна парней и девчат...

В деревне Жерновке еще нет никакой избы-читальни. Для того, чтобы с книгою делить «редкий свой досуг», приходится бегать за 3 версты в волостное село. Но Иван Михайлов уже принялся за дело. Он хочет в своей деревне устроить избы-читальню и, конечно, добьется своего. Недаром предкультипросвета говорил о нем не только как о поэте, но и как о дельном комсомольском работнике. Впрочем, знают его сравнительно немно-

гие. Эти о нем отзываются с почтением: «ученый, что и говорить». А с другими заговоришь и скажешь: «умный, мол, и работает много».

— Да что вы,—улыбаясь, ответит собеседник,—он все больше в книжку глядит.

А об его литературной работе большинство и понятия никакого не имеет.

Это все происходит от излишней скромности Ивана Михайлова. Он ни за что не станет говорить о себе. То немногое, что мне удалось о нем узнать, приходилось выспрашивать у его родных и даже у людей посторонних.

Он говорит все больше о науке, о книжках, о поэтах. Однажды он говорил мне о своей поэзии. Рифма, по его словам, дается ему нелегко, он ее ищет, переделывает. Он ищет новых путей в поэзии, но пока, как говорит, безуспешно. По его мнению, это оттого, что он ничего не знает из «теории стихосложения». — «Чувствую, что не так пишу, как бы хотел, а как надо, не знаю. Ведь, есть же какие-нибудь правила. А их-то я и не знаю...», — говорил он мне.

Иван Михайлов упорно работает над своими стихами, и от этого упорного, настойчивого труда веет такою бодрой, черноземной силой. Он сам об этом пишет так неподдельно правдиво:

Хоть у нас в голове перспективы полей,
И хоть мозги недружно варят с непривычки,
И хоть нужды съедают часы от мыслей,
Но берем мы напором уроков странички.
Не помеха, что мы сел мужицких питомцы,
Что мозоли совсем не сошли с грубых рук,
Что со старого смиренны и серы, как овцы;
Но Республике здесь мы накопим услуг.

Это он говорит о «красной учобе». Об учобе у него тоже много стихов. Недаром ему «вкуснее сласти строчки мудрых слов читать». Ведь, учоба—это путь к «новой стройке», а комсомолец в деревне—главный строитель нового.

Вот стихотворение, написанное Михайловым, повидимому, после речи на комсомольском собрании:

...Я сказал здесь про смычку с городом,
Про успехи советских работ;
Улыбнулась деревня так молодо,
От вниманья раскрыла рот;
Говорит: «Не сравнятся мне с городом;
Хоть бы дал он товаров и книг,
Тогда, может, и с этим голодом
Распрощается наш мужик»...

Как видим, тамошний комсомол не замкнулся в себе, он всей деревне рассказывает и «про смычку с городом», и «про успехи советских работ», будоражит умы.

Женских образов у Михайлова мало, но вот один:

Осень любви.

Не скрала осень красоты
Со щек твоих малиновых.
Гулять идешь с букетом ты
Из гроздей из рябиновых.
Кому сплетаешь ты венки
Из хмеля из кудрявого?
И с кем ты бегаешь в лесок,
Ловить коня буланого?
Бывало, как любили мы
Качели круголетные.
Ты помнишь посадки зимы,
Забавы беззаботные?..

Но порой ему мечтается другая—«такая скромная, в шуме незаметная» девушка «в белом платье, с черным локоном». Он спрашивает ее:

Что ты смотришь холодно на чужие радости?
Аль сердечной верностью влюблена в урок?..

Впрочем, любовные мотивы редки в стихах Ивана Михайлова. Его стиль—это песня о родной деревенской природе, о крестьянской трудовой жизни или бодрая и звонкая комсомольская песня...

Для того, чтобы закончить свой набросок, приведу одно из последних стихотворений Ивана Михайлова. В нем молодой поэт, как живой, встает перед нами.

Подарок.

Я изгородь чинил у ручейка, а рядом
Мешком ловили рыбу ребятишки;
Как смех, летели брызги градом,
Намокли рукава и грязные штанишки,
Считали мелкую рыбешку, как овес,
И, как раки, ползали в воде с мешком,
И лица мокрые, как-будто бы от слез...
Нырjali палками в корнях под бережком.
Потом смотрели, как упругим прутком
Я в пары колья обвивал,
Как кол со взмаха въелся в землю круто,
Как в книжечку потом с природы рисовал.
— Дай, дяденька, картинку мне да Коле,—
Спросил один и выжал мокрый нос.

Подумал я: «Для баловства он, что ли?».

— Я к стенке прилеплю,—сказал молокосос.

Я вырвал бережно портретик Ильича

И, как святыню, с чувством дал ребенку.

И вспыхнули в глазенках два луча.

— Спасибо,—выпалил мальчонка звонко.

— Слышал про Ленина?—спросил у шалуна,—

Таких, как он, у нас немного.

Он людям счастье дал, детей любил.

Большие будете, укажет вам дорогу...

Чувашский комсомол.

Объехав за 5 летних и осенних месяцев 1924 года 43 волости из 58 волостей Чувашской области, я наловчился в умении отличать тамошнего комсомольца от беспартийного.

Если глаза у парня бойкие, лицо осмысленное и движения уверенные—это и есть комсомолец.

Для проверки своей догадки я спрашивал:

— Давно комсомольцем?—и почти всегда получал следующий ответ:

— Член рылыксымы (РЛКСМ) с 1923 (или 24) года, билет номер такой-то.

Есть два типа комсомольцев. Одни с удивительной настойчивостью и упорством стремятся к учению,—где угодно, но только бы учиться и учиться.

Это—культурные вожак комсомола. Они намечают и прокладывают пути всей ячейке. Они всеми силами будоражат костность многоголовой беспартийной массы.

Другие—это, так сказать, «хозяйственники». Это те, кто работает в комсомоле, рядовые работники. К науке они относятся благожелательно, но сами к ней особенного стремления не имеют.

Это—идеальнейшие регистраторы, учетчики, счетчики и т. д., это подлинные технические работники деревенского строительства.

Есть и еще комсомольцы. Их привлекли в комсомол довольно своеобразные причины. Одни записались потому, что «комсомол всему старому насупротив должен делать». Другие совсем попросту: «Ванька поступил, так как же мне не заделаться»... С такими ребятами тем, кого в комсомол привлекли причины более глубокие, приходится повозиться порядком.

Работы комсомолу очень много. Все активисты, с которыми я веду переписку, жалуются, что времени не хватает.

Это происходит отчасти из-за неумения распределить свое время. Работа начинает идти совсем другим темпом, когда приезжает на каникулы местная учащаяся молодежь. Но разъедется

она, и как-то тускнеют ячейки, покрываются налетом чисто деревенской медлительности.

Тем не менее, тяга в комсомол громадная. Умному парню во многих местах уже прямо срам не быть в ячейке.

Однажды я спросил у секретаря вол'ячейки об одном мимо проходившем парне:

— А это комсомолец?

— Какой он комсомолец! Дурак он, вот кто.

Этого парня домашние не пускают в комсомол, и молодежь стала его презирать за это.

В комсомол идет молодежь из всех слоев крестьянства, в том числе и поповичи.

Заклейменные поповским происхождением, они стараются всеми силами доказать свою полезность работой в комсомоле.

Учителя из духовного звания формируют образцовые школьные ячейки и свою работу ведут как нельзя лучше, точно так же и молодые поповичи в комсомоле; из них очень большой процент выходит в активисты.

В общем комсомол в деревне воюет со всем, что пахнет стариной. Понятно, что блюстители традиций—старики—комсомольцев не любят. Они говорят: «Комсомольца—сторона упорная, что комары или оводье, лезут, терпенья нет, плюнешь и уйдешь со схода». Так ворчал бывший главный советчик в «миру». А теперь он и на сход не ходит.

— Все равно, по-комсомольски будет.

Такие отношения между комсомолом и стариками существуют в общем масштабе, но в отдельных случаях они другие.

Так, например, в Чуваш-Сорминской волости живет Тимофей Максимыч. За свою долгую жизнь он открыл в соседних селениях шесть школ, много боролся с духовенством и власть имущими, хотя сам, как человек хозяйственный и экономный, был «богатой жизни».

Теперь он очень дружен с волорганом ячейки РЛКСМ Иваном Михайловым. Они вместе ходят к мельнице, где у старика своего рода обсерватория. Там он по восходу солнца вычисляет часы. Могу засвидетельствовать, что его часы шли минута в минуту с моими. Кроме этой премудрости, он учит комсомольца, как распознавать страны света по звездам и как определять по ним время и т. д.

Они очень дружны, но брата его, милиционера, тоже комсомольца, старик не любит.

Комсомольцы со всей пылкостью молодости ненавидят духовенство. В ответ получают, конечно, той же монетой, но в более сдержанной форме.

Приехав читать лекцию о краеведении на «советский празд-

ник» (день ребенка) в Ходоры, я остановился у благочинного, как у единственного, у кого было свободное помещение, в котором я после нескольких недель работы очень нуждался.

Волорганизатор тов. Сарра, придя звать меня в нардом, ни за что не хотел войти в комнаты, как ни звал его мой хозяин. Пришлось мне выйти на кухню.

После волорганизатор объяснил мне, что не хотел входить в дом к попу, да еще благочинному. К псаломщику он еще вошел бы в комнаты. А вот, например, к архиерейскому дому так он и близко не подошел бы.

Индусскому парию и то, должно быть, не приходилось терпеть такого презрения к себе, какое выпало на долю этого чувашского протоиерея.

С учительством комсомол живет совсем дружно. За семь лет революции учительство опростилось; а комсомол обратился в нечто дисциплинированное и стройное.

Когда я приехал читать лекцию в горно-марийский педтехникум, то минут 5 ушло на выборы председателя и секретаря собрания. Одним из секретарей учащиеся выбрали преподавательницу обществоведения.

Учительница не хотела итти записывать лекцию, но учащиеся требовали и на своем настояли.

Надо отметить, что за последнее время комсомол вступил в настоящую смычку с учительством; да как тут не осмычишься, когда то и дело комсомолец и учитель являются членами волисполкома при председателе-коммунисте.

А это после выборов в октябре 1924 года я встречал очень часто. Да и по кооперативам сплошь и рядом учитель и дельный комсомолец несут все тягости работы.

Таковы взаимоотношения между чувашским комсомолом и стариками, духовенством и учительством.

Как я уже сказал, комсомол «отучил» часть стариков ходить на сходки. Деревенская масса все более и более проникается симпатией к комсомолу, который всегда держит линию защиты интересов неимущих. А так как таковых в чувашских селениях громадное большинство, то можно сказать, что комсомол уже завоевал доверие деревни.

Однако, «богатеи» деревни наступают единым фронтом, и борьба с ними принимает иной раз очень длительный и упорный характер.

Так, например, в деревне Новых-Мадиках, Чуваш-Сорминской волости, при мне начался передел общественного леса.

Лес тридцать лет назад был поделен по дворам; за это время бедные давным-давно «свели» лес, а богатые берегли его и в случае нужды покупали со стороны и чаще всего у своих же

соседей из бедняков. Поэтому получилось, что у бедных остались одни сгнившие пеньки, а у богатых прекрасный строевой лес.

И вот на очередь дня поставили вопрос, как быть с лесом.

— Быть по-старому, кто чем владел, тот тем и владей,—говорят зажиточные.

— Да у нас одни пеньки, и те-то погнили,—горюют бедняки.

— А мы тут при чем,—отвечают богатеи.

— Давай, ребята, делить весь лес по числу едоков,—предложил волорганизатор Михайлов.

Бедняки обрадовались, а зажиточные испугались.

Это дело началось при мне; через три недели я снова был в этом селе, но вопроса все еще не решили, хотя сходки бывали каждый день с вечера и до поздней ночи.

Я имел терпенье просидеть на одной из сходок целых пять часов в сплошном сизом тумане махорки, но и на этот раз вопроса никак не могли решить.

Организованность среди зажиточных была удивительная. Но, как видно, упорство волорганизатора победит их сплоченность.

Комсомольцы почти везде состоят секретарями сельсоветов и этим самым они руководят жизнью селения, так как председатели сельсоветов нередко бывают никуда негодные, безграмотные и неделовые. Секретарь же обязательно должен быть и грамотным и деловым, а такому парню трудно не быть в комсомоле.

В Чуваш-Сорминской волости служит милиционером брат того волорганизатора, который бсрется за равномерное распределение общественного леса.

Милиционер—тоже комсомолец, с виду очень тихий, даже робкий, смотрит тяжелым, немигающим взглядом. «Словно в душу хочет заглянуть»,—как говорят про него.

А, между тем, он поймал и арестовал одного отчаянного бандита в его же собственном подполье.

Этот бандит после ареста бежал из камеры предварительного заключения и скрывался поблизости.

— А ведь он может отомстить вам!—невольно воскликнул я, узнав об этом.

Чуть дрогнул угол рта.

— Да, может, но я наготове.

— А если он из-за угла?

— Ну, что же, такая наша судьба.—И больше о нем ни слова. Таких примеров самоотверженной службы комсомольцев можно было бы привести без счета.

А сколько самоотвержения бывает при борьбе с самогонщи-

ка́ми, ско́лько побоев и даже опасностей для жизни и увечий переносят комсомольцы на самогонном фронте.

В одной из волостей Цивильского уезда живет комсомолец, отчаянный борец с самогоном. Во время голодовки он сам поддерживал свой дом тем, что варил и продавал самогон поездной бригаде из Казани и Москвы, а теперь, как бы искупая перед обществом свой грех, он неутомимо преследует самогон.

— Ведь, сам же ты гнал ведрами,—плачут самогонщицы.

— Гнал. А теперь сделался комсомольцем, сознательным, сам не гоно и вам не позволю!

Его уже где-то вздули.

А вот и другой весьма любопытный пример. В бумагах учителя К., в Мало-Корачкинской волости, я подглядел черновик «доноса»:

«Члену РЛКСМ товарищу такому-то. Доношу для принятия решительных мер, что Павел Иванов варит в своем доме самогон. О чем вас и осведомляю для совершения соответствующего обыска. Учитель К.»

Мне было неудобно раз узнавать, пострадал ли этот любитель спиртного от учительской мести. Думаю, что нарсудья «стребовал» с него три или пять рублей штрафа, из которых 25% идет государству, 25%—заявителю и 50%—районной милиции.

С религиозными предрассудками чувашский комсомол борется с остервенением и чем только может.

С язычеством, чуть живым, он расправляется очень просто: возьмет и осквернит святыню жестоко, даже грубо, но зато непоправимо и убедительно.

Вот пример: есть близ деревни Чешламы, Богородской волости, священное дерево, в котором проживает грозный дух Кереметь. Мимо этого дерева прежде не проходили, или обходили кругом. Надо было молчать и в особенности не ругаться, чтобы Кереметь не принял на собственный счет. Как-то раз во время гулянки один комсомолец подошел к священному дереву и на глазах у всех исполнил под деревом естественную нужду, потом несколько раз неприлично выругался. Дерево было осквернено.

Ну, что, что сделалось?—наглядно подтверждал комсомолец.—Ровно ничего не сделалось. Ничего не болит. И никогда не заболит. Только спросите,—когда хотите, покажу.

С православной же церковью так просто не поступишь, и поэтому ярости против нее у комсомола еще больше.

Приведу прекрасный пример отношения к духовенству педтехникумцев, то-есть, будущих народных учителей.

К концу ноября я возвратился в Чебоксары, где, между прочим, сделал информационный доклад местному так называе-

мому ученому обществу; там я трижды упомянул про духовенство, которое давало мне весьма ценные материалы, указывало нужных мне людей и вообще способствовало моей работе.

Все это упоминалось мимоходом, и значения этому я, конечно, не придавал. Через день я читал лекцию в чебоксарском педтехникуме, и перед началом ее один из слушателей предупредил меня, что кое-кто из учащихся был на моем докладе, и они остались, чрезвычайно недовольны моим троекратным упоминанием о попах. «Очень уж противно было о них слышать». Можно быть уверенным, что эти будущие народные учителя такое же отношение передадут и своим ученикам.

Комсомол богат работниками и энергией, но очень беден деньгами. Жалованья, по словам Янтиковского, зам. волорганизатора, сам волорганизатор получает 1 р. 94 к., а его заместитель 1 р. 50 к. в месяц.

Помню, общее собрание учительства и комсомола Алым-Касинской волости. Шли прения о размере членского взноса в МОПР. Кто-то из учителей шикнул гривенником, но вызвал общую бурю протестов, часть комсомольцев поблдедела с испуга. Снизили по общему голосу учителей до пятака, но и тут комсомольцы слезливо смотрели на своего волорганизатора (он же и член водисполкома).

— Две копейки,—отрезал тот, и комсомольцы, воробьями нахохлившись на скамейках, дружно закивали головами. «Мало»,—возразил один учитель. «Будет,—твердо ответил волорганизатор,—где ребятам денег набраться, отцы и копейки не дают. Убедительный довод заставил всех немедленно же установить двухкопеечный ежемесячный взнос.

Политпросветработа ведется на все лады. В наиболее организованных ячейках существуют стенгазеты.

Если коротко определить характер тамошней стенгазеты, то это сплошной выпад против поповского сословия, подчас весьма жестокий. Не забыть мне одного комичного случая, из-за которого я даже не получил нужного мне материала.

В здании ВИК'а, Никольской волости, я увидел стенгазету, частью написанную по-русски. Я, конечно, внимательно ее изучил. В ней, между прочим, были забавные частушки на каждого священника волости. Было несколько карикатур на них. Заехал я к одному священнику, чтобы получить от него выполненное им задание—статистика рождений, браков и смертей по церковному архиву.

«Лошадь с колокольцами—из волости»,—встретил он меня.—«Да, я из ВИК'а».—«Посрамление мое в газете видели?»—«Что-то мельком заметил».—«С батюшкой чуть сердечного удара не приключилось»,—плаксиво вмешалась попадья.—«Поверьте,—

подхватил батюшка,—поехал по делу, а как увидел себя на стене, не помню, как и довели меня до дому... И кому жаловаться?»— «Не знаю»,—искренно ответил я.—«Не написать ли Калинин?»— «А вдруг и он комсомолец»,—шутя сказал я. Он испуганно поморгал глазами и жалостливо сказал: «Нет у людей правды». А материалов мне не дал.

Интересно, что стенгазеты берегутся, как нечто самое драгоценное,—нигде мне не дали ни одного экземпляра.

Изб-читален в Чувашской области не густо. И по одной на волость не наберется. С интересом и некоторым волнением вспоминаю я избача (заведующего избой-читальней) в Убеевской волости.

Маленький, подслеповатый, с громадными очками, он царит в своей читальне. Книг много, почти все классики и ряд известных писателей (главным образом, приложения к «Ниве»). Новейшей литературы скудненько, а то, что есть,—брошюры в поллиста или лист и не всегда ценные.

Но с какой гордостью показывал он мне свое богатство.

Почти все свое грошовое жалованье он тратил на библиотеку, к которой у него какое-то родительское чувство. Держа мою руку в своих, он умоляюще смотрел на меня и жалобно говорил: «Ведь в Ленинграде у вас и ваших знакомых, наверно, есть книги, ненужные теперь, послали бы нам. Пошлете? Уж обещайте помочь нам».

Отпугивая закоснелых столпов старого быта от сходок, создавая к себе благоприятное отношение деревенской массы, комсомол быстро овладевает влиянием на молодежь.

Мысль, что ячейки молодежи зарождаются искусственно, ошибочна,—они появляются совершенно естественно, сами по себе. Для этого надо лишь, чтобы в среде молодежи были один-два парня, ищущие какой-нибудь общественной деятельности, помимо работы в своем хозяйстве. Там же, где интересы молодежи держатся лишь в плоскости тех или других личных выгод, сосредоточены в маленьком мирке собственных интересов,—там комсомол не зарождается.

Так, например, в селе Русской Сорме, Асакасинской волости, на мой вопрос, почему у них нет ячейки комсомола, мне ответили изречением весьма мудрым: «Без девки не проживешь, а без комсомола жить можно!».

В тех деревнях, где комсомольцев мало, они чрезвычайно крепко держатся друг за друга,—где один, там обязательно будет и другой.

Там, где на комсомольца приходится пятнадцать-двадцать парней, он уже наверняка окружен, как планета спутниками, двумя-тремя беспартийными, будущими членами РЛКСМ.

В тех же местах, где комсомол является господином положения, там он настолько перемешан с беспартийной массой, что с первого взгляда вся молодежь кажется комсомольцами.

Одною из самых лакомых «приманок» в ячейку РЛКСМ является театр, всецело находящийся в руках комсомола.

Быть актером, выступить на сцене перед знакомыми и друзьями—мечта каждого более или менее «героического характера». Если нет пьес агитационного содержания, ставятся почти всегда «смешные», при чем комические пьески, например, Чехова, переделывают на свой лад, делая их позабавнее и, в сущности, приближая к своей жизни. Нередко актеры так увлекутся, что начинают импровизировать и этим ставят партнеров в затруднительное положение. Когда насмешат публику, и подыметесь колеблющийся гул хохота, сами корчатся от смеха, а иной раз и не удержатся, да так и прыснут совсем откровенно. Тогда и зрители и артисты вместе хохочут до упаду, до потери силы стоять на ногах.

Помню спектакль в Тарханах, Батыревского уезда; играла, как всегда, молодежь. Содержание пьесы было такое. Бедняк, оторвав хвост у лошади богача, пришел вместе с ним судиться к взяточнику-судье. Бедняк показывает за пазуху, и судья, думая, что это взятка, приговаривает бедняка держать лошадь до тех пор, пока у нее не вырастет вырванный хвост. Вместо взятки бедняк вынимает камень, и судья юсается в дураках¹⁾.

Во время исполнения хохот стоял непрерывный, порою все грохотало кругом в каком-то неопишемом вопле. Стариков и старух, между прочим, не было на спектакле, были только молодежь, служащие волисполкома и местная интеллигенция—лесничий с женой и учителя.

После спектакля обыкновенно бывают танцы, и тут происходит забавное смешение—из мужской части комсомола «городские танцы» кое-кто побойчее танцевать умеют, зато деревенские девушки их не знают. Учительниц мало, и я в другом месте с интересом наблюдал, как волорганизатор, брезговавший войти в комнаты благочинного, с увлечением танцевал с его дочерью. А она с удовольствием смотрела на кудрявую голову безбожника, деятельностью которого так недоволен ее папаша.

Но комсомол не всегда танцует.

¹⁾ Это, очевидно, инсценировка древне-русской повести о судьбе неправедном. Было бы любопытно определить, проведена ли она по литературному источнику или прямо по народной памяти из сокровищ фольклора. Во всяком случае, явление весьма интересное и ценное, как новый путь творчества, найденный полуинстинктивно, — воскрешение старых созданий народного гения в новом аспекте, современном и даже злободневном. (Р е д.)

В Акулевской волости после спектакля произошло резкое разделение молодежи. Под залихватские звуки гармошки щегольски одетые беспартийные парни пошли в удалой гляске; гремели каблуками, щелкали пальцами, где надо, вскрикивали и выкидывали удивительные причудливые коленца к великому удовольствию и изумлению девушек.

Смело могу сказать, что много девичьих сердец было покорено в этот вечер, недаром я после спектакля, выходя на улицу, в потемках беспрестанно натыкался в коридоре на парочки.

А партийная молодежь хотя и завистливо смотрела на танцы, но помнила свое постановление не танцевать до годовщины смерти Владимира Ильича, и, как ни просились ноги, в пляс не пустилась.

Беспартийные поддразнивали их, девушки, не понимая причин воздержания, упрекали их в трусости и грозили вслух лишить их своей благосклонности и перенести ее на удальцов-танцоров.

Этой осенью производился набор на военную службу родившихся в 1902 году. В волости несколько дней подряд царил дикий разгул. Новобранцы ночами пьянствовали, а днем носились на подводах взад и вперед по селу, буйствовали, орали частушки. У каждого парня через плечо было повязано новенькое белое полотенце—прощальный подарок зазнобушки. Особо удачливые ребята еще в руках держали подчас и не по одному полотенцу. Эти удальцы гордо размахивали своими трофеями и были особенно веселы.

Один комсомолец конфузливо мне заметил, что такой уж у них дикий обычай исстари.

Через некоторое время я нарочно его спросил, много ли он думает собрать полотенцев, когда уйдет в солдаты. «Много»,— уверенно ответил он.—«А зачем же их набирать?»—Он растерялся, покраснел и ничего не ответил.

А в Тархановской волости, Батыревского уезда, один бывший комсомолец горько жаловался мне на свою судьбу. Был в Красной армии добровольцем и видным активистом. На свою беду влюбился в одну местную девушку, родители которой отдавали ее за него замуж лишь при условии, если он обвенчается в церкви, в противном случае они отдадут ее за другого парня из той же деревни. Любовь была так сильна, что он венчался церковным браком.

На следующий день его из ячейки так и «шарахнули». Теперь ему надоело сидеть со своей женой, рвется учиться, а куда без комсомола выкатиться?

— Так из-за свадьбы и погибнет мой век,—горевал он.

Но в общем масштабе венчание сходит на-нет и у беспартийных. Пойдут в волисполком, зарегистрируются и возвращаются к парню в дом, а «свадьбу», т. е. свадебное угощение, обещают после церковного венчания.

Венчаться совсем не благоразумно: во-первых, плати попу, а, во-вторых, самое главное, угощай чуть не всю деревню. Ладно и так, по-граждански.

Один старик долго мне жаловался: «Вот сей год сколько-сколько у нас поженилось, никто свадьбы не делал; ни разу и не попробовал свадебного пива... А я когда женился, так сто двадцать ведер пива в угощение обществу выставил... Вот это свадьба была! А теперь какая свадьба—снюхались, а обществу никакой пользы»...

С большим удовольствием вспоминаю я одно чрезвычайно интересное собрание ячейки комсомола в Никольской волости. Обсуждался вопрос, устраивать ли диспут с церковниками для антирелигиозных целей. Часть, наиболее пылкая, горой стояла за, другая часть колебалась. Учитель из 8-летки, тоже комсомолец, резко выступил против «устроителей», доказывая, что «попы нас разобьют, и мы сами укрепим религию в массах».

Собрание было чрезвычайно горячее, пламенные речи за и против поочередно разбивали слушателей на неравные стороны,— то за диспут было большинство, то после чьей-нибудь речи оно становилось меньшинством, а потом опять доходило до большинства. В конце концов, убедил учитель. Он устранил тяжестью ответственности за совершенно определенный провал.

До сих пор звучит в моих ушах этот звонкий, с хрипотой от многочасового крика, голос учителя: «Учиться, ребята, учиться! Успеет еще и свое возьмем!».

Собрание было настолько бурное, что, когда оно окончилось, и учитель выскочил в зал, где я дожидался подачи лошадей, он, разлетевшись, спихнул меня с места, даже не заметил этого и убежал домой.

Искать каких-нибудь национальных особенностей в Чувашском комсомоле не приходится.

Он имел бы ряд этнических особенностей, если бы революция застала его лет 40 назад, когда чуваша доживали свой национальный быт, кое в чем хранивший следы их загадочного прошлого.

Последние 20—30 лет совершенно переделали быт чувашей на русский манер. Остатки его—национальные наряды, вернее, части их, женщины донашивают совершенно машинально, без малейшего понимания их смысла.

Чувашский священник ничем не отличается от русского, чувашский учитель такой же, как и русский, и комсомолец из

чувашей, появившийся в совершенно антинациональную эпоху, не имеет никаких резких национальных особенностей.

Не отличаясь ничем от русского комсомольца, он сильно отличается от беспартийного чувашского парня. У первого, кроме работы по своему хозяйству, есть призвание к общественной деятельности и влечение к знанию. У второго работы по своему хозяйству перемежаются с шатанием по улицам, с выкрикиванием грязных частушек под гармошку, с мечтами об объятиях, но мысли о работе для какого-нибудь коллектива у него нет.

Естественная жизнь среди природы создает нормальную, быть может, несколько упрощенную, психику, и поэтому молодая деревня ставит вопрос бескомпромиссно, ребром: «жить только для самого себя, или же жить для общественной работы и потом для себя».

Можно определенно сказать, что вся наиболее ценная интеллектуально и морально чувашская молодежь находится в рядах комсомола.

Однажды это особенно резко бросилось мне в глаза.

В селе Бишеве, Никольской волости, Чебоксарского уезда, в поисках куда-то убежавшего комсомольца-поповича попал я в избу-читальню, приютившуюся в школе. Вошел в просторную комнату, где вдоль всей стены стояли длинные столы с двумя скамейками по бокам. На стенах плакаты и портреты вождей СССР (приложение к «Крестьянской Газете»). На столе 10-линейная лампочка скудно освещала человек 10 парней. Один из них, около которого стояла лампочка, читал вслух чувашскую книжку, кажется, Зиновьева о Ленине. Тотчас же завязалась оживленная беседа; я старался заинтересовать их своим делом, а они пытались заручиться моим обещанием выслать им книги. Собираются они каждый вечер и перечитывают уже прочтенные книжки.

Они спрашивали меня, главным образом, как пробраться к учению, кое-кто задавал научные вопросы.

Во время моего ответа смотрели на меня с широко раскрытыми глазами и, казалось, заучивали наизусть мои слова; потом опять поток вопросов.

Я не представляю себе, сколько времени я был в избе-читальне, может быть, десять минут, а может быть, и два часа.

Помню, что ямщик, дожидаясь меня, не в меру рассвирепел и чуть не исполнил своей угрозы—уехать без меня в волость.

С сожалением пришлось распрощаться с этим живым уголком, так неожиданно промелькнувшим передо мною в беспроектной чувашской глуши.

В поле забилась пурга. Мелкие колючие снежинки резали и кололи лицо.

С закрытыми глазами, под монотонный звон колокольцев еще ярче представлял я себе полутемную комнату с небольшим пятном лампочки и горстью юношей, живых, искренних и полных желания познать жизнь во всю ее ширину.

И вдруг яростным порывом ветра из пропавшего в пурге села, чуть слышно, как из загробного мира, донеслось заунывным воплем: «А мы девок-то.... да.....». Пели беспартийные парни. И тогда еще ярче, еще нагляднее выявилось, что такое деревенский комсомол и что такое комсомол для деревни!

4 февраля 1925 г.
Ленинград.

Комсомол Области Коми.

Мне предстоит говорить не о городском комсомоле и даже не о комсомоле Тульской, Тверской или Рязанской губернии, а о комсомоле далекой окраины СССР—Области Коми (зырян). Туда не проедешь по железной дороге или на автомобиле. Пробраться приходится на карбасе, на острогрудой вымской или удорской лодке с четырьмя «упругами», с шестью набойками, и ехать в ней дней 10—12, считая и дневки в пути.

Лесные массивы, северные горные увалы, светловодные быстрые речки, медведи, белки, олени, огромные лиственницы, сосновые боры,—такова физическая среда, окружающая зырянских комсомольцев.

И тут же старинный уклад первобытной охотничьей жизни, отцовская незабываемая власть, колдуны, кулаки, разлагающийся церковный дурман.

Тяжелая борьба за существование и тяжелый физический труд с сохами и косами-горбушами, с допотопными ружьями-кремневками,—все это лежит на плечах подрастающей зырянской молодежи и, главным образом, на плечах комсомольцев.

Однако революция делает свое дело. Она втягивает в творческий процесс эту вековую бесформенную массу человеческого материала, в том числе и комсомольцев, придавая всему форму связывающую, организованную.

Союзы молодежи в Области Коми возникли в 1919 году. До этого существовали лишь школьные, ученические организации, большей частью без всякого руководства со стороны местных властей и вопреки желаниям консервативного учительства. Школа в Области Коми была церковно-приходской. Однако в этих школах раньше, чем где-либо в другом месте, возникли организации учащихся, советы старост и т. п.

Такие организации существовали в Усть-Выми, Деревянске, Айкине, не говоря уже о городских организациях в Усть-Сысольске, где были еще до революции духовное училище, реальное училище, женская гимназия, высшее начальное училище (те-

перь это все педагогические техникумы, сельскохозяйственные школы и школы II ступени).

О работе этих школьных организаций много говорить не приходится, так как иной работы, кроме самообслуживания школы, там не велось.

С юсени 1918 года в пределы Зырянской области переносится гражданская война. Наступление белых происходит с двух сторон—от Архангельска через реки Вашку и Мезень и от Печоры, при чем в 1919 году осенью белогвардейские войска доходили до городов Яренска и Усть-Сысольска, пробираясь к Вятке и Котласу, но наступление к ноябрю месяцу было отбито.

Нужно заметить, что еще весной 1918 года были организованы два особых зырянских полка, Вашко-Мезенский и Ижмо-Печорский, которые сыграли немалую роль в деле освобождения Севера.

Много зырянской молодежи, особенно учащихся, пошло добровольцами в ряды Красной армии.

Возникшие в 1919 году союзы молодежи были заняты борьбой за освобождение Севера. Только в 1920 году дела приняли более или менее устойчивое положение.

На первых порах организации множились, но, не имея конкретной программы и неясно представляя себе задачи союза, скоро распадались.

К заслугам союзов все-таки нужно отнести революционизирование масс и массовый уход добровольцев в ряды Красной армии.

Культурно-просветительная работа носила случайный характер. Доклады, беседы были исключительно в связи с текущим моментом.

Шиворот-навыворот сочинялись пьесы, как, например: «Белые и белый хлеб», «Белые и красные офицеры», «Под сапогом капитана Орлова» и др.

Первые две пьесы принадлежат комсомольцам Мишке Жданову и Василию Кызродеву. Название каждой пьесы уже определяет ее содержание. В первой описывается, как из Архангельска приехали белые отряды, роздали населению белый хлеб, папиросы, галеты английские, а на другой день сами оказались голодными, отобрали у населения черный хлеб и пороли жителей. В результате—восстание и возглас: «Лучше черный хлеб, да свободная жизнь! Долой белых! Да здравствуют красные!».

Между прочим, пьесы были написаны на зырянском языке и имели большой успех во всех ближайших деревнях.

С выделением зырян в автономную единицу (август 1921 г.) работа союзов принимает планомерный характер.

В волостях возникли новые организации, ячейки. Всего ком-

сомольцев в декабре 1924 года в области Коми было 1.100 человек. В Союз записывалась молодежь, наиболее отягченная физическим трудом, наиболее претерпевшая нужды и бедность.

Юношеский порыв, юношеская вера в близость новой светлой и радостной жизни, желание переступить через нищету и косность жизни, «встать выше» их, бороться со всяким невежеством, темнотой и злоупотреблениями,— вот то существенное, что побуждало молодежь вступить в комсомол.

Гармоника, посиделки, гулянье, старые песни давно накучили и быстро отмирают, если их есть чем заменить.

В этом отношении деревня кое-что уже получила. Первое— это спектакли, вечера, танцы. Почти во всех зырянских селах ныне умеют танцевать краковяк, кадрили, тустеп и др. танцы. Также во взаимоотношениях парней и девушек произошел перелом. До революции парни и девичьи гуляли отдельно, и только на посиделках и в хороводах они могли встречаться ближе. Пусть парень походит с девицей и побеседует с ней наедине,— и он должен обязательно жениться. Так обстояло дело, например, в селе Разгорте, на реке Удоре. А теперь уже и в этом селе парни и девушки сидят вместе и гуляют «под-ручку». Зырянская частушка выразила сущность этой новой перемены. Женская частушка поет:

Пришла новая пора—
Можно любить парня,
Можно целоваться
И не выйти замуж...

(Перев. с зырянского.)

Комсомольцы и комсомолки поощряют простые и свободные отношения юношей и девушек между собой и агитируют в этом направлении.

В селе Глотове раньше на посиделках ребята занимались лишь тем, что садились к девицам на колени, мешали им прясть или ткать, а порою смастерят чучело из тряпок и соломы и этим чучелом бьют по головам какой-нибудь парочки, засидевшейся в укромном уголке.

А теперь на смену таким развлечениям пришло чтение газет, беседы о новом быте, ликнеграм и взаимное обучение.

Красные крестины неоднократно устраивались в деревнях, если родители были оба комсомольцы, или же муж комсомолец влиял на согласие своей беспартийной жены.

Молодежь приветствует свободный брак. Но она против частого развода. Общественное мнение деревни не весьма благоприятно разводу. Родители невесты говорят: «Кому она будет нужна, такая подержанная».

Комсомольцы ведут и антирелигиозную пропаганду. Доклады и беседы, устраиваемые ими, привлекают внимание деревни. Приходят старики и старухи, затем, чтобы опровергнуть безбожников, а в сущности доказать свою собственную преданность старой вере. Комсомольские доводы, обычные еще с 1919 года: «Бога нет, а если есть, то пусть он меня покарает на месте, за то, что я его отрицаю. Он не карает, значит, его нет». Но старики иногда подходят пространнее, стараясь доказать существование бога конкретными примерами из охотничьей жизни и пройденного жизненного пути. По поводу происхождения человека от обезьяны они не задумаются привести тысячу самых неожиданных возражений. Например; «Почему в таком случае, овца или кобыла не рождает человека?».

Споры доходят до ругани. Старики соглашаются, что мощей не бывает, что поп такой же человек, как все, только поученее. Но бог существует. Это незыблемо в их старом уме.

В Усть-Цыльме (Печора) комсомольцу приходится бороться с предрассудками староверов-раскольников. Староверская молодежь до сих пор слепо подчиняется заветам дедов. Девушки до брака не выходят дальше своего двора. Выйдя замуж и ставновясь матерями, староверские женщины раньше шести недель не могут входить в дом соседа. Комсомольцы влияют на эту молодежь, ставя спектакли, доклады, живую газету, инсценировки из местного быта.

В селе Онежье (по реке Выми) комсомольцы, помимо культурно-просветительной работы и издания стенгазеты, следят также за благоустройством волости и помогают бедняцкой борьбе против кулацких элементов. Онежская ячейка возникла в 1923 г. В ней восемь членов, из них двое полуграмотны, остальные— учащиеся школ 1—2 ступени. Возраст участников не превышает 17 лет. Ячейка достаточно авторитетна.

До 1924 года церковные луга в этой волости не были переданы в ведение ВИК'а. Комсомольцы, видя, что луга попадают с торгов в обычном порядке лишь зажиточным крестьянам, решили отобрать эти луга. Зажиточные мужики ругали их за это, но решение было приведено в исполнение. Однако одна пожня в три воза (50 пуд. сена) была председателем ВИК'а оставлена тайно за церковью. Комсомольцы и ее отобрали, угрожая довести об этом до сведения УЗО.

За порогами по Выми происходил обычный для района передел лугов с дележкой на пан. На собрании сами мужики выдвинули в председатели комсомольца Сеникова, который довольно умело защищал интересы бедноты.

В суровой обстановке рано созревают зырянские юноши. С семнадцати лет они уже вполне разбираются во всех обществен-

ных делах, заработках, купле-продаже; они прекрасно знают, при каких условиях будет хороший улов рыбы, удачная охота, разбирают приметы погоды, звериные и птичьи повадки.

Так же рано созревают и девушки. Четырнадцатилетние не уступают в работе матери и часто заменяют ее, пекут хлеб, шьют, ткут, ходят за скотиной. Косят они наравне с мальчишками, жнут, ездят с лошадьми на рубку бревен. Мне известны случаи, когда в лес за 200—300 верст крестьянин-отец отправляется на рубку бревен сам-друг с восьмилетнею дочкой. Поэтому молодежь способна решать общие вопросы в пределах волости.

Гражданская война встряхнула массу крестьянства и пробудила ее от спячки под опекой кулака или купца. Поп в деревнях тоже потерял авторитет. В деревенскую общественность входят комсомол и сельсовет.

Это отразилось даже в сказках, побасенках, и разного рода прибаутках.

Например, такая «задача» из села Онежья:

Раньше говорили так: «Три купца да три разбойника должны переправиться через реку. Лодка помещает лишь двоих. Если с одним купцом останутся два разбойника, то они могут его ограбить. Угадайте, как вышли купцы из беды?».

Наступила гражданская война. Купцов обозвали буржуями. Парни и девушки на посиделках переделали вышеприведенную задачу на новый лад: «Три буржуя и три разбойника должны переехать через реку. Буржуи-то толстые, толстые, как наш Микит-Паш (местный купец),—все яйца да белый хлеб едят. А разбойники—те тощие и злые. Лодка помещает двоих. Разбойники того ждут, как бы ограбить одинокого купца... Но буржуи—догадливый народ. Догадайтесь и вы».

Мимоходом замечу, что белый хлеб и яйца среди зырян—предметы исключительной роскоши. Население питается три четверти года ячменным хлебом, а в остальное время—ржаным.

Третий вариант записан мною летом 1924 года. Оказалось, что комсомольцы задавали эту задачу публике со сцены под таким заглавием: «Три буржуя и три комсомольца».

«Случилось раз нам, трем комсомольцам, встретиться с тремя буржуями. Мы ехали на съезд, а они за товаром. Подъехали к реке. Смотрим, стоит одна маленькая лодочка. Двоим только сидеть. Буржуи дрожат. А мы грозно: «Ну, ну, ага?». Черти, они умные. Все переехали, никого и побить не досталось. Отгадайте, как они вышли из беды».

Публика реагировала дружным хохотом.

В этот же вечер была переделана и другая задача о том, «Как комсомольцы поместили сорок буржуев в девяти конюшнях».

Потом и малыши стали вставлять в бабушкины рассказы:

— Не купец, а буржуй, бабушка.

— Не злодеи, а комсомольцы.

Эти примеры с задачами, между прочим, показывают, как трудно работать деревенским комсомольцам, по крайней мере, зырянским. Хорошей, дешевой книги зырянская деревня не видит. За четыре года выпущено на зырянском языке около двадцати пяти названий брошюрок, издание которых нельзя назвать удачными. Многие брошюры устарели. Из сочинений Ленина до сих пор не переведено ни одной строчки, не считая отдельных изречений и лозунгов, напечатанных в местной газете.

В годы гражданской войны северные жители страдали от холода. Города замерзали без дров.

В волостях от холода страдали школы, детдома, но благодаря комсомолу и его субботникам, топливный голод никогда не стоял остро.

Субботники и теперь имеют место в деревнях, выражаясь в помощи семьям красноармейцев косыбою, вспашкой полей.

В летний период работа в комсомольских организациях по всей области ослабляется, почти замирает. Комсомольцы отправляются на сенокос, сплавливают плоты и пр.

Лучшее время для комсомольской работы—осень и первая половина зимы. Но и тогда встречается ряд затруднений в смысле руководства и инструктирования ячеек со стороны обкоммола и укомов. Главная причина—разбросанность комсомольских организаций на большие расстояния от города (30, 70, 100, 200, 400 верст) и отсутствие не только железной дороги, но даже и удобного тракта.

Зимой нередко почтовая связь прекращается совсем. В некоторых уездах почтовые сношения отсутствуют и летом (Усть-Вымский уезд, Удора). Раз в месяц посылаются нарочные, иногда вся корреспонденция отсылается с попутчиками и порою теряется в пути. Из этого можно заключить, с каким трудом проникают в деревню газеты и журналы. В этом же кроется причина малоуспешной работы волисполкомов и сельсоветов области.

Два слова о пионерском движении, которое в области Коми тоже имеет место. Всего пионеров насчитывается 550 человек, разбитых на отряды.

Существует специальный детский городок на месте бывшего женского монастыря. Здесь жизнь бьет ключом. Вместо бывшего заунывного звона колоколов и шамканья монахинь, раздаются живые детские голоса и песни:

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов.
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов.

В этот городок собраны дети со всех концов области. Детей помещается там до 300 человек, и все—пионеры. Работа затрудняется отсутствием подготовленных руководителей. Снабжение этого городка литературой, несмотря на сравнительно близкое расстояние от уездного города (35 верст), крайне недостаточно.

К числу практических необходимых мероприятий нужно отнести улучшение путей сообщения: постройку железной дороги и организацию речных паровозных сообщений.

Вся культурно-политическая работа, в том числе комсомольская, зависит от этих условий.

К непосредственной работе комсомола за ближайшие годы должно относиться: а) численное укрепление ячеек; б) идейное их вооружение антирелигиозным и марксистским багажом, для чего нужна учеба; в) налаживание нормальной связи уездных городов с волостями и г) подготовка селькоров.

В заключение нужно сказать, что деревня в культурном развитии отстает от города, тем более зырянская деревня. Но отраднo видеть, что и эта глушь шевелится, размышляет, активно стремится изменить свои вековые «сучки да горбыли». Среди молодежи, в частности среди комсомольцев-зырян, большая тяга к учебе, к знанию. Но самое важное для нас—это правильное понимание заветов Октября и заветов Ленина.

Комсомол на Кубани.

Кубанский комсомол значительно моложе русского. Только в середине 1920 года Кубань освободилась от господства белых армий генерала Деникина. И лишь тогда кубанская молодежь смогла организовать в комсомол.

Возник комсомол на Кубани, как и все во время революции, быстро, стихийно. Молодежь каким-то инстинктивным чутьем сознавала необходимость этой организации, учуяла в ней силу и дальнейшую возможность борьбы за идеи, выдвинутые революцией. Как везде и всюду, начали с места в карьер. Собиралась группа самых смелых и решительных, в то же время безалаберных парней. К ним примыкали остальные. Выбирали, по обыкновению, инициатора ответственным секретарем, намечали лучший дом в станице (дом попа, торговца), объявляли его комсомольским клубом, сносили туда мягкую мебель, ковры и непременно пианино, извлекая все это из квартир станичной буржуазии (те же поп и торговец), убирали иконы, картины, портреты, фотографии, заменяя их плакатами с революционными лозунгами и портретами вождей революции,—и клуб был готов.

Обстановка такого клуба была чрезвычайно пестрая. Стол покрыт каким-либо персидским ковром, а рядом с ним другой, вовсе не покрытый, как бы щеголяет своей худобой—некрашенными засаленными досками. Возле столов длинные деревянные скамьи, венские стулья, мягкие, кожей или красным бархатом обтянутые кресла. На полу грязь и шелуха от семечек.

Располагалось все это вперемежку: полное равноправие, ни одна из вещей обстановки не могла претендовать на особое, ей присущее место. «Если что сломается—в сторону, в угол,—рассказывал мне комсомолец Петраш,—даешь другое!».

Но постепенно резкие контрасты в меблировке клуба стирались, и он принимал более свойственный ему вид. Тот же комсомолец говорил: «Как нанесли мы сразу в свой клуб бархатных да кожаных кресел, так с непривычки боялись на них садиться, чтоб не вымазать в грязь, а потом освоились. Сядешь и поду-

маешь: «прежде отец Иван так сидел, а теперь я» (о Иване—местный священник).

С утра до вечера, а иногда и до поздней ночи из клуба неслись звуки расстроенного пианино, пение «Интернационала», который комсомольцы прилежно разучивали, или бессвязные, но в то же время горячие речи ораторов. «Все учились,—говорит комсомолец Кандыба,—бывало, парень не умеет двух слов связать, а ему говорят: иди, ораторствуй! Первый раз скажет два-три слова, а потом больше и больше, и выучится говорить, как следует оратору».

Клуб всегда полон: свои комсомольцы, любопытствующая молодежь, зашедшая сюда кто по приглашению комсомольцев, кто по собственной инициативе посмотреть, что за комсомол такой выдумали. Одни посмотрят и уйдут, а другие еще придут, и раз, и другой, да так и останутся постоянными посетителями клуба, пока сами не запишутся в комсомол. Комсомолец Чалый рассказывал: «Пришел я в первый раз в комсомольский клуб,—молодежи битком набито, все свои парни, музыка (пианино) играет. Как теперь помню, на столе стояла большая лампа, с подбитым стеклом, а дым из нее черный-черный, так и валит. Все курят—от табачного дыма и от копоти не продохнешь. Сходил раз и другой раз, а потом и в комсомол вступил».

Но вскоре этот период беспечности и комсомольской вольницы прошел. Постепенно комсомол перешел от вечеринок к занятиям по политграмоте и непосредственному участию в культурно-просветительной работе среди народных масс, преимущественно среди молодежи, а там и к участию в общественных и административных органах, завел свою стенгазету...

Вот об этой-то постоянной работе комсомола и о комсомоле как бытовом явлении, я и хотел бы порассказать. Материал, легший в основу этого очерка, собран мною во время летней (1924 г.) этнографической работы на Кубани.

В изложении его буду придерживаться следующего порядка. В основу очерка положу материал, характеризующий первые шаги развития теперешней организации. Затем опишу более зрелую стадию комсомольской организации, ее жизнь и работу. Расскажу о комсомоле недавно возникших поселков и коммун. Всякий раз буду брать комсомол на фоне той бытовой среды, из которой он возник и в которой живет и развивается.

Начну с комсомола села Хамышки.

Отыщите на карте Кубанской области, у истоков реки Белой, вечно покрытые снегом вершины Фишта и Оштена, мысленно спуститесь от последней через зону альпийских лугов и узкую полоску хвойного леса и в зоне лиственного леса через 5—6 часов ходьбы вы попадете в село. Это первое горное село, которое

вы встречаете, идя от главного водораздела Кавказского хребта, и последнее, если вы идете в горы по реке Белой. Село одиноко приютилось среди гор при впадении реки Хамышки в Белую. Окружающая природа очень дикая. С двух сторон, северной и западной, стоят высокие обрывистые горы, а на юг и восток горы с покатыми склонами, покрытые густым лесом. Самое село находится как бы в объятиях гор. Прорезываясь сквозь эти горы, течет бурная и беспокойная река Белая. С осени до весны она сносит мосты, заливая дорогу, идущую по ущелью, и, преграждая единственный путь, связывающий село с культурным миром, наглухо, как в бутылке, закупоривает это село на целых пять—шесть месяцев. На эти шесть месяцев «блокады» селяне запамятуются всем, чем нужно и возможно. «Живем, как медведи»,—говорят хамышевцы. Вокруг на 20—25 верст—ни души. На северо-запад, через горы, в 28½ верстах село Мизмай (Темнолесское), а на северо-восток, по реке Белой, в 20 верстах, станция Даховская, населенная казаками, с которыми хамышевцы после гражданской войны весьма не в ладах. До революции жили душа в душу, даже были смешанные браки: казаки женились на крестьянках из Хамышек, а крестьяне-хамышевцы на казачках из станции Даховской. Теперь же между ними вражда; хамышевцы называют казаков кадетами, а казаки их—большевиками.

Село Хамышки возникло в 1863 году. Во время покорения западного Кавказа, на месте нынешнего села был укрепленный опорный пункт. Чтобы колонизовать его, царская власть предложила солдатам поселиться на этом месте, обещая им прежде всего освобождение от военной службы, освобождение от государственных налогов, а затем и готовые постройки, помощь на оборудование хозяйства и бесплатный провоз семей с родины на место нового поселения. Несмотря на эти льготы, охотников нашлось только 8 человек. Несколько позже в Хамышки начали приходить крестьяне-беглецы из Харьковской и других губерний, гонимые помещичьим режимом. Сельчане их охотно принимали, и село росло. Теперь в нем 135 дворов. Главное занятие жителей—лесной промысел, а подсобное—скотоводство. Хлеба не сеют, но сажают картофель.

Дополним наш историко-географический обзор села обзором политическим.

По словам тов. Дубовского, «на фронте внешней войны хамышевцев было около 100 человек. Воевать надоело, поэтому после переворота все были против войны. Возвращались с фронта солдаты с одной мыслью—установить Советскую власть у себя в селе. Агитируя за Советскую власть, мы вовсе и не знали, что это такое,—говорил мне тов. Дубовский,—а просто считали, что это будет власть в наших руках. Главным желанием солдат

было уничтожение офицерства, богачей, помещиков, а затем уничтожение неравенства «иногородних»¹⁾ и «коренных»²⁾ в своем селе. О партии мы ничего не знали, а только слышали о большевиках. Пришли с фронта с винтовками и организовали Советскую власть. Был избран комиссар и совет. В совете были военный и земельный отделы. Земельный вопрос был разрешен: мы поровну разделили между собою землю (сенокосы) и прихватили к своему юрту³⁾ часть войсковой казачьей земли. Поговаривали об имущественном уравнивании и общей разверстке скота, но до дележа не дошло.

Такие посягательства бедноты вызвали недовольство кулаков; середняки же рассчитали, что от такого раздела им ничего не достанется, а потому тоже не шли на него. Беднота, добивавшаяся имущественного уравнивания, осталась в меньшинстве. Помещичьих хозяйств, конфискацией и разделом которых можно было бы удовлетворить бедноту, вблизи селения не было.

На первых порах весь спор кончился ничем.

До августа месяца 1918 года было спокойно. Потом началось нашествие белых. Первая банда была организована в Хакосе (хутор казака Шевыра) генералом Гейманом, который до этого скрывался у даховских казаков под видом пастуха, а потом нанялся кашеваром на покосе. Узнали хамышевцы об этой банде от своих односельчанок, вышедших замуж за даховских казаков, или же через даховских женщин, вышедших замуж за хамышевцев. Муж-казак невзначай расскажет эту новость жене, а она, верная своим хамышевцам, передает об этом брату, а тот всем расскажет.

Как только хамышевцы узнали об этой генеральской опасности, сейчас же организовали самооборону в 150 человек. Вооружались все, кто только мог носить оружие, винтовками, берданками и охотничьими ружьями. Сами приготавливали патроны из охотничьего пороха и свинца.

В средних числах августа белые напали на хамышевскую самооборону и разогнали ее. «Белые,—рассказывают хамышевцы,—пришли и установили в селе «кадетскую» власть, а мы все, кто был в самообороне, ушли в лес. По ночам мы приходили в село за хлебом, а наутро опять уходили в лес». Белые обложили село контрибуцией «за то, что оно не признавало кадетской власти»—24 лошади, 6 штук рогатого скота и 22 пуда печеного хлеба. Землепользование было введено старое, и «коренные» требовали с «иногородних» плату за землю.

«После каждой мобилизации, объявляемой Деникиным,—вспо-

1) Иногородние—пришлые, не пользовавшиеся правами сельчан.

2) Коренные—основные жители села.

3) Юрт—территория сельской земли.

минают далее хамышевцы,—наша зеленая армия все росла и росла. В лесу, куда ни пойдешь, везде встречаешь красных партизан. А в 1919 году, после убийства Рябовола¹⁾ и повешения Калабухова²⁾, к нам начали присоединяться и казаки. Они приходили к нам с винтовками и пулеметами и этим ободряли нас».

Староста села, который был избран при «кадетках», помогал красным партизанам выдачей документов, по которым они могли жить в других станицах, и снабжал их хлебом.

В 1920 году, 24 марта, отряд красных партизан под городом Майкопом соединился с Красной армией. Молодежь вся вступила в армию, а старики вернулись в свое село и организовали Советскую власть. Первым делом—вновь перделили землю по едокам и организовали помощь беднейшему населению за счет добычи, отобранной у белых.

А вот что рассказывал тов. Шашко о последующей революционной деятельности села: «Не успели наши сельчане отдохнуть от борьбы с Деникиным, как в том же 1920 году, в июле месяце, в станице Царской (ныне Пролетарской) генерал Хвостиков поднял восстание, которое охватило весь Баталпашинский и часть Лабинского и Майкопского округов. Хамышевцы опять очутились совершенно отрезанными от советской части Кубани и прижатыми к горам. В таком же положении очутились еще два соседних села. Все три села организовались, мобилизовали все свое мужское население от 18 до 45 лет в отряд, а с 45 по 55—в самооборону. Ввели строгую дисциплину в своей «армии»: за неповиновение командирам вне боевой обстановки—25 ударов плетью, а в боевой обстановке—смертная казнь» (протокол от 11 августа 1920 года). Но случаев применения этих мер не было.

Отряд установил связь через Белореченский горный перевал с Красной армией, расположенной на берегу Черного моря, и вел борьбу с хвостиковцами, пока не было ликвидировано восстание. Но после ликвидации хвостиковщины хамышевцы оставались вооруженными и организованными до марта 1924 года, постоянно ведя войну с местным бандитизмом».

Таким образом Хамышки с честью вышли из этой семилетней борьбы не на жизнь, а на смерть за дело революции. Они и после остались верны себе. Уже летом 1924 года, едва успев оправиться от бедствий, учиненных последними бандитами, хамышевцы организуют у себя комсомол (ячейки РКП там еще нет).

Мне с товарищем посчастливилось присутствовать на пер-

1) Рябовол—председатель кубанской краевой рады, убит деникинцами в Ростове.

2) Калабухов—член кубанского краевого правительства, повешен по приказанию Деникина в Екатеринодаре.

вом организационном собрании комсомола. Председатель сельсовета и лесной объездчик, он же инициатор организации комсомола, предложили нам побывать на этом первом собрании вновь возникающего комсомола и даже выступить на собрании с речью.

Специального места для комсомольского клуба еще не было. Поэтому мы собрались в школе. Учитель долго не соглашался предоставить нам класс для заседания, мотивируя свой отказ тем, что все имущество школы, согласно циркуляру Обоно, находится под его строгой ответственностью, и что, в силу того же циркуляра, в школах нельзя устраивать собраний, не имеющих отношения к учению. Предсельсовета доказывал, что школа—народное достояние, и народ, что хочет, то и делает. В конце концов учитель передал ключи председателю сельсовета, и мы устроили собрание в классе.

Перед собранием лесной объездчик и предсельсовета ободряли молодежь и давали указания, как вести себя на собрании, как избирать президиум. Затем комсомолец Тарлецкий, ездивший в Майкоп за литературой и инструкцией, открыл собрание и предложил приступить к выборам президиума и бюро. Он начал с доклада о своей поездке в Майкоп: «Я, как вам известно, ездил в Майкоп,—смущаясь начал он.—Я привез, как вам известно, книги, заглавия их не могу рассказать, две лен(ин)изма и еще какие-то... забыл... Далее продолжал Тарлецкий: «Повестка дня: выборы президиума и бюро».

Выборы прошли очень неумело. Молодежь никак не могла постичь технику выборов, как ни старался предсельсовета внушить ей, в чем дело. Всего присутствовало на собрании 11 комсомольцев. Кандидатов было назначено 6. За первого кандидата голосовали все, за второго—тоже и т. д. Во время выборов вошел один из записавшихся, и, видя, что он опоздал, громко на весь класс произнес: «Я извиняюсь в том, что меня не было,—вы дело делаете, я извиняюсь»,—и сел.

Кое-как выборы президиума закончились, и приступили к делу. Первым взял слово предсельсовета. Говорил он о том, чтобы комсомольцы смелее и решительнее действовали, не смущались своего неумения, и как можно больше учились. Он обещал найти им особое помещение для комсомола. А потом вдруг, среди речи, ни с того ни с сего энергически заявил: «Если кто будет смеяться над нами, я эту с... в порошок сотру. Будь это хоть отец родной, так и на него составлю протокол и отправлю, куда надо». Заклучил он свою речь рассуждением о боге: «Все это дрянь, что какое-то моление. Я, например, плотник, сделал табуретку, я творец этой табуретки. Зачем я сделал это? Для себя, для своей надобности. Если плохо я сделал, то в этом я виноват! Так и бог. Если он творец человека, то он должен создать

такого человека, который был бы хорошим. Если человек плохой, то виноват в этом бог. Творцом является природа, а табуретка—это мы. Мы такие, какими нас создала природа, а бог и все моление—это ерунда. Я был религиозным, а со службы пришел безбожником. И теперь давай сколько-угодно этих богов,—я их всех перебью! Если есть бог, то пускай он меня накажет. А он не наказывает, значит, его нет».

«Верно! Правильно!»—поддакивала ему молодежь.

Следующим говорил лесной объездчик. Говорил о Соввласти, о том, что дает она рабочим и крестьянам. Указывая на меня с товарищем, он воскликнул: «Вот они, дети рабочих и крестьян, теперь могут учиться. Вы им можете все говорить,—это наши студенты». Затем обращаясь к комсомольцам, он спросил: «Зачем вы записались в комсомол? Говорите этим людям смело, вы можете им доверять все. Вот они издалека, из самого Ленинграда приехали, чтобы посмотреть и узнать, как мы живем». И тотчас же ответил за них, взяв книгу и потрясая ею в воздухе: «Мы, вот это наша книга, мы будем учиться, и они нам помогут!»—и указал на нас. Председатель собрания встал и, обращаясь к нам, громко произнес: «Спасибо!».

Пришлось и мне выступать перед молодыми комсомольцами, приветствовать возникшую организацию, ознакомить слушателей с целью и задачами комсомола и указать на ту культурную, бытовую работу, которая их ждет, и так далее.

Затем избрали секретаря и бюро комсомола. Во время выборов один из комсомольцев громко засмеялся. Сосед сделал ему замечание: «Тут, брат, собрание,—никак нельзя шутить».

В текущих делах разбирали вопрос об исключении одного из вступивших в комсомол. Председатель собрания выступил с докладом по этому вопросу: «Исключить его надо потому, что он болен венерической болезнью. А каждый, если он чувствует, что он болен, то должен лечиться, чтобы не заразить других. А как мы знаем, что он не лечится и может заразить нас, то мы его хотим исключить». Открылись прения по этому вопросу. Сам исключаемый, хотя и нерешительно, отвергал возводимые на него обвинения. Предсельсовета убеждал сознаться в болезни, говоря, что никакого стыда в этом нет. Если же над больным будут смеяться девчата, то предсельсовета обещал ему свою защиту от насмешек.

Перед голосованием этого вопроса председатель собрания заявил: «По-моему, если кто скрывает свою болезнь, то он не должен быть в комсомоле, а то через него и мы будем болеть». На эти слова председателя исключаемый ответил: «Я могу и отказаться от комсомола, бог с вами». Собрание же по этому поводу вынесло решение примиряющего характера; «Послать исключаемого

мого к фельдшеру, чтобы его освидетельствовали (кстати, фельдшер как раз только-что приехал в село), а если он не пойдет к фельдшеру, то, значит, он болен, и тогда его исключить из комсомола».

Собрание затянулось до часу ночи, все устали, начали выходить из зала заседания на улицу. Председательствующий, призывая к порядку, заявил: «Во время собрания нельзя ходить, надо порядок соблюдать, а если кому надо выйти, то подходите ко мне и спрашивайте разрешения. В школу ходили, знаете, как это надо спрашивать».

Последним обсуждался вопрос о помещении для комсомола. Предсельсовета предложил комсомольцам занять под клуб молитвенный дом, но комсомольцы один за другим закричали: «Не надо, не надо! А то старики будут нас ругать, а бабы проклянут нас!».

Комсомольцы, должно-быть, вспомнили, как однажды товарищ предсельсовета вздумал отвести молитвенный дом под аптеку. Женщины тогда чуть было не избивали его, кинулись на него с кулаками, приговаривая: «Мы тебе дадим, попробуй только устроить аптеку в нашей церкви».

Долго спорили, где найти помещение под комсомольский клуб. Наконец, порешили: поручить подыскать его самому предсельсовета, который охотно взялся за это, тем более, что он сам записал в комсомол своего 15-летнего сына.

В конце заседания председатель собрания, видя, что я что-то записываю, сказал: «Может-быть, наши товарищи студенты опишут, как мы организовались?». А предсельсовета воскликнул: «Эх, если бы была эта старая газета, где о нашем селе пропечатано. Я за нее теперь бы сигнул (прыгнул) через школу, если бы ее кто достал!».

Среди всех комсомольцев, присутствовавших на собрании, никто не умел писать протокола. Поэтому мой товарищ написал им примерную форму протокола, с которой они должны будут списывать.

Всего записалось в комсомол 13 человек. Двоих исключили, как детей зажиточных родителей. Из девушек в комсомол никто не вступил. Все вступившие в комсомол—малограмотные. Из Майкопа, от районной ячейки РЛКСМ ко времени организации получили два экземпляра устава организации и четыре экземпляра биографии В. И. Ленина. Это начало библиотеки хамышевского комсомола.

Взаимоотношение между молодежью и стариками можно характеризовать, как стремление молодежи выйти из подчинения старшим. Несмотря на свою революционность, старики-хамышевцы всячески тормозят возникновение комсомола. Комсомолец По-

дымай говорил мне: «Еще в прошлом году мы хотели организовать комсомол, так старики брали нас за грудки (груды) и ругались: «Што, в комсомолию хотите записаться? Мы вас запишем». И вообще, по словам комсомольцев, старики презрительно относятся к ним. А бабы так и проходу не дают, как только увидят комсомольца, так и говорят: «Жениться время, а они в комсомоле заседают!». Другой комсомолец с самым серьезным видом утверждал, что если бы не бабы, то в комсомол все парни записались бы. «Наши,—говорит он,—боятся того, что бабы будут смеяться, потому и не записываются в комсомол».

На мой вопрос старикам, почему они относятся так недоброжелательно к комсомолу, те ответили: «Что от них будет хорошего, если они соберутся сами и наставлять их будет некому? Вот хоть своих сынов, пока доведешь их до ума, так не раз и не два побьешь их, не только-что поругаешь. Все наставляешь да учишь хорошему. А в комсомоле только лениться научатся. Какой с комсомольца хозяин будет?».

Несмотря на такое авторитарное отношение стариков к молодежи, молодежь все же пытается освободиться. «Как старики ни ругают нас за комсомол,—говорил комсомолец Чиж,—мы все-таки организуемся, будем получать книжки из Майкопа. А как почитаем да научимся, так тогда докажем старикам, какие есть комсомольцы».

Однажды я попросил предсельсовета, чтобы он рассказал мне про революционную деятельность села. Это услышал его старший брат. Обратившись к предсельсовета, он сказал ему: «Напрасно все это ты будешь говорить. Ты знаешь, кто они? Может быть, шпионы из-за границы, может быть, офицеры от Врангеля. Кто их знает? А ты все им расскажешь, а они все это запишут и припомнят. Разве мало у нас было таких шпионов?». Предсельсовета эти слова, видимо, задел, и он, заметно волнуясь, высказал свое мнение на этот счет: «Я тоже об этом думал,—начал он,—когда они подали мне свои документы (действительно, когда он читал наши документы, то было такое впечатление, что он думает крепкую думу: все внимание ушло в чтение. Он несколько раз прочитал их, посмотрел и потом уже решил дать нам приют),—но я подумал, пускай они хоть сами генералы, пускай они шпионы, наши враги из-за границы. Если я буду говорить правду, то они узнают, как народ стоит за Советскую власть, а потому я не боюсь и говорю все, как оно было у нас. Ты думаешь, как услышит какой-нибудь генерал за границей, что мы так стоим за Советскую власть, так обрадуется? Нет! Как узнают за границей, как мы стоим за революцию, то белые и не подумают притти к нам».

Хамышевская жизнь, как видно, не перебрдила еще. С одной

стороны, мы наблюдаем, как бы вполне благоприятные условия для существования комсомола—революционность села и стремление самой молодежи к новой жизни и работе над созданием ее, с другой стороны,—враждебное отношение стариков и женщин к комсомолу и общее невежество. Но «лиха беда начало». А начало как раз и положено.

Теперь перейдем в другую часть области, географически и экономически резко различающуюся от горной,—на степную Кубань и остановимся на станице Гиагинской.

Станица Гиагинская населена казаками, а также иногородними. Казаки составляют преобладающее большинство и по языку и быту распадаются на великорусский и украинский элементы (поровну), а по верованиям на православных и старообрядцев. Старообрядцы в меньшинстве.

В станице 4.153 двора и 18.000 населения. Население занимается земледелием.

Станица Гиагинская также имеет революционный опыт. Восставший в Екатеринодаре в 1905 году 1-й Урупский Кубанского казачьего войска полк, сменивший свой офицерский состав и выбравший из своей среды командиров, пришел в станицу Гиагинскую и здесь излагал свои революционные требования тогдашним властям и защищался до тех пор, пока подавляющими силами правительственных войск не был обезоружен. Зачинщиков восстания, во главе с избранным командиром полка, бывшим вахмистром Кургановым, сослали на каторгу; Курганова на 25 лет, а остальных на меньшие сроки.

В станице есть ячейка РКП. Впервые она была организована в 1918 году; всех членов тогда было 25. Но с приходом белых ячейка распалась и вновь была организована лишь в 1920 г., когда Кубань освободилась от белых. В 1924 году в ячейке было 39 членов, мужчин 37 и две женщины. Казаков—10 человек, остальные 29 иногородние.

Комсомол организован в 1920 году, после освобождения Кубани от белых армий. Теперь комсомол состоит из 25 человек действительных членов и 15 кандидатов, всего 40 человек. Из них казаков—3 (действительных членов 1 и кандидатов 2), иногородних—37 человек (действительных членов 24, кандидатов 13). Половой состав: мужчин—31 (членов 21, кандидатов 10), женщин—9 (членов 4, кандидатов 5). По социальному положению: детей рабочих и служащих на паровых мельницах, маслобойнях и т. п.—6 человек; детей советских служащих—3 человека; детей бедняков-хлеборобов—11 человек; детей батраков—5 человек. Эти данные относятся только к действительным членам комсомола. О кандидатах сведений нет.

Грамотных—21 человек; малограмотных—19; неграмотных нет,

так как всех неграмотных обучили, и они считаются теперь малограмотными.

Комсомолом организованы драмкружок, сельскохозяйственный кружок и политкружок.

Работу комсомола можно выразить следующими данными: за апрель и май месяцы 1924 года (работа велась и в другие месяцы, но учет ее не производился) комсомол поставил 9 спектаклей, 5 в станице, а 4 на стороне, на хуторах. Из пьес были поставлены следующие: «Жорж Дант» (2 раза), «Христово воинство» (1 раз), «Суд над подсолнухом» (2 раза), «Буржуй в переплете» (1 раз), «Она ушла» (1 раз), «Комсомольский петрушка» (1 раз) и «Товарищи на новоселье» (1 раз).

Из девяти постановок только три были платными. Присутствовало на спектаклях от 100 до 120 человек, исключительно молодежь и на 60—70% беспартийная. Это работа «Драмкружка».

Работа сельскохозяйственного кружка выразилась в слушании лекций и бесед местного агронома; их было прочитано за те же два месяца три: 1) «Агроном и поп», 2) «Благодать божья—гром, молния и прочие явления природы» и 3) «О посадке деревьев и обработке полей». Посещаемость: на первой беседе—36, на второй—25 и на третьей—35 человек. Кроме того, раньше было устроено несколько бесед учителем Лебедевым о мироздании. Сами же комсомольцы в кружке докладов не делали, но полученные знания в беседах с агрономом распространяли среди хлеборобов.

Политкружок вел работы собственными силами и только в своей среде. Было сделано 7 докладов на темы: «Ленин, его жизнь, работа и значение в революции», «Краткая биография Владимира Ильича», «Коммунизм—необходимое условие социализма», «Итоги мировой революции», «Устав РЛКСМ и программа», «Что надо знать хлеборобу о едином сельскохозяйственном налоге», «Гражданская война и ее история». Присутствовало: 1-го мая 100 человек, а в другие дни—от 25 до 35 человек.

Из бесед с комсомольцами мне удалось выяснить их стремления и желания. Так, один окончивший школу второй ступени заявил, что заветной его мечтой является поступление в ВУЗ. В какой ВУЗ поступить, он еще не выбрал. «Просто,—говорит он,—чувствую, что хочу учиться, а чему, не знаю». Другие два решили во что бы то ни стало поступить на рабфак, а остальные метят в партшколу. При этом последние яснее представляют себе свою будущую работу. Один из них, не смущаясь, заявил, что он хочет быть предвиком. Другие более или менее определенно высказались за работу в избечитальне, в местном театре, в комячейке, в кооперативе и, наконец, в школе—преподавать политграмоту.

Намечая себе профессии, 19 человек малограмотных не от-

стают от 21 грамотных. Все определенно тянутся к интеллигентному труду. Ни один из 40 человек не выразил желания тянуть дедовскую лямку хлебороба.

Клуб комсомола помещается в доме священника. Все стены клуба расписаны изображениями красноармейцев во весь рост, лозунгами комсомола и партии.

Взаимоотношения комсомола и стариков проделали некоторую эволюцию за время существования комсомола. «Первые годы старики и вообще население враждебно относилось к нам,—говорят комсомольцы.—Нас называли лентяями, бездельниками, но теперь нас ругают только старики и старушки, которые слишком часто ходят в церковь. Они называют нас безбожниками. Зато все остальные теперь относятся к нам доверчиво и даже доброжелательно».

По словам тех же комсомольцев, отношение к ним изменилось под влиянием работы комсомольцев в местном театре, в избе-читальне и особенно после того, как они начали выступать на собраниях и митингах. «Они увидели, что мы уже не такие, как раньше были;—говорят,—поумнели наши комсомольцы».

Один комсомолец рассказал мне, какую борьбу пришлось ему выдержать в семье, когда он вступал в комсомол. «Отец не знал, как я записался в комсомол. Я его не спрашивал, потому что знал, что он не разрешит. А когда я принес домой книжку—устав комсомола, и отец это увидел, то начал меня ругать и хотел побить. Но я ему сказал, что буду жаловаться в ячейку (РКП), если он будет меня бить. А отец ячейки боялся. В тот же день отец порвал книгу и бросил ее в печку. Я потом выпросил у секретаря другую. Отец увидел, что у меня сильное желание быть в комсомоле, и перестал меня ругать, но сказал, чтобы я никогда о комсомоле дома не говорил».

О Гиагинском комсомоле мы можем сказать, что он уже прежил все трудности первоначальной организации и недоброжелательное отношение населения, справился с ликвидацией неграмотности и приступил к культурной, общественной работе, которая дает широкую возможность приложения молодых сил. А в них, как мы видели, нет недостатка.

Возьмем еще вновь возникший поселок, или, как там его зовут,—хутор Красный. Хутор этот возник на потомственной казачьей земле, в 12 верстах от железнодорожной станции Ильская, в 1921 году. Состоит он из 144 дворов с 691 душой населения, почти все из демобилизованных красноармейцев,—иногородней бедноты. Живут все еще очень бедно, экономически не окрепли.

В бытовом отношении хутор довольно любопытен. Очевидно вследствие материальных недостатков и нового политического мировоззрения, старый быт быстро отмирает и заменяется совсем

новым. Там, например, не празднуют рождений и крестин, но в то же время и октябрин нет. Новорожденного регистрируют в исполкоме—и только. Больше никакого внимания вновь появившемуся человеку—расти, мол, а потом получишь по заслугам. Один тамошний отец, показывая на своего двухлетнего сынишку, босого, без шапки, в юдной ситцевой рубашонке, насквозь пропитавшейся арбузным соком и покрытой толстым, лоснящимся, как начищенный сапог, слоем грязи, с вымазанной рожицей, говорил мне: «Это настоящий коммунист, к попу его не носили, церкви он не знает. Этот, если вырастет, так предрассудков у него никаких не будет. А мы какие коммунисты? Нет, нет да вспомнишь бога, или подумаешь: а правильно ли я делаю, что не выполняю старого батьковского обряда?».

Имя этому «будущему коммунисту» выбрал сам отец, назвал его Владимиром, «в честь Владимира Ленина, вождя октябрьской революции».

У того же хуторянина в жилой комнате нет ни икон, ни картин, ни портретов, только две-три фотографии висят возле зеркала,—это члены семьи и родственники. Но вместо всего убранного, чтобы заполнить пустоту, а, может быть, чтобы удовлетворить художественную потребность, хозяин дома нарисовал красной глиной на стене, на белом фоне, большую пятиконечную звезду, как раз над своей кроватью. Звезда сразу бросается в глаза посетителю и скрашивает пустоту стен комнаты.

Похороны, особенно детей, доводят на хуторе до крайней простоты. У одного хуторянина рано утром умер ребенок, жена обмыла, одела его, а отец тем временем наскоро сколотил гробик из дощечек. Затем, пока жена спотовила завтрак, он вырыл яму, тут же, во дворе, в углу, возле дома. И вдвоем они закопали своего сына. «А зачем все эти выдумки,—говорил хуторянин,—мертвому все равно».

После всего вышесказанного вполне понятно, что на хуторе Красном вся молодежь состоит в комсомоле. Всего молодежи комсомольского возраста—20 человек. Никаких столкновений в семье на почве вражды к комсомолу не бывает на хуторе. Комсомол здесь—своя организация, неотъемлемая часть целого. Единственный недостаток комсомола—его неграмотность. На 20 человек только 5 грамотных, да и те малограмотны.

Неграмотность комсомола, как зеркало, отражает неграмотность всего хутора. Едва 40% всего населения его кое-как грамотны. «Нет сил»,—говорят хуторяне. Уже второй год они строят школу и никак не могут закончить. Бедность всему виной. И «ликнеграм» покуда лишь мечта хуторян.

Здесь социальная среда как нельзя лучше благоприятствует существованию и развитию комсомола, только вот экономика

подкачала,—как говорят и сами комсомольцы (комсомол не имеет даже своего постоянного помещения). Нет и руководителя, который смог бы вести культурно-просветительную работу в среде самого комсомола.

Перейдем к сельскохозяйственным коммунам и посмотрим, каковы положение и рост тамошнего комсомола. В коммунах нет и тени враждебного отношения к комсомолу. Комсомол в коммуне—молодой авангард, он раз навсегда порвал со всеми традициями старого быта. Он является политическим двигателем для массы коммунаров.

Когда в коммуне «Братство», организованной в 1920 году, в юрте станицы Дундуковской, старые коммунары, поддаваясь индивидуалистическим и собственническим тенденциям, решили поделить между собой коллективное хозяйство и земельные угодья разбить на целый ряд хуторов, комсомольцы, видя такой нездоровый уклон своих отцов,—уклон, ведущий к гибели коллективное хозяйство,—запротестовали. Они заявили коммунарам, что если те разделят имущество и землю, то комсомольцы этого имущества им не дадут вовсе, исключат их из коммуны и на их место пригласят безземельных крестьян из Ставропольской губернии и организуют новую коммуну. Старики спасали перед таким решительным отпором комсомола и колхоз был сохранен. Мало того; комсомольцы отвели специальную площадь земли и сами засеяли ее, с целью использования дохода с этого поля специально на культурно-просветительные нужды комсомола.

Из этого видно, что положение комсомола в коммуне совсем иное, чем, хотя бы, в глухих Хамышках, или даже в станице Гиагинской. Здесь не может быть и речи о том, что комсомольцу скажут: «Ты—лентяй, безбожник», или: «Тебе надо жениться, а ты в комсомоле заседаешь». В этой обстановке комсомол работает не только самостоятельно, но он определенно претендует на руководящую роль.

Или возьмем трудовую коммуну «Федоровскую», организованную в 1920 году в юрте станицы Тимашевской. Здесь, как и в предыдущей коммуне, вся молодежь состоит в комсомоле. На 69 человек населения коммуны комсомольцев 10 человек, двое из них хорошо грамотны, а остальные малограмотные. В первую очередь этот комсомол ликвидировал неграмотность в своей среде и затем принялся за культурно-просветительную работу в коммуне и на стороне, среди хуторян.

Комсомол организовал клуб и устроил сцену—и все это в бывшей конюшне пана Курганского, где самими комсомольцами было поставлено пять спектаклей.

Кроме того, комсомол постановил (протокол № 3 от 22 июня

1924 года) пригласить учителя с высшим образованием, чтобы он подготовил комсомольцев к поступлению в ВУЗ.

Комсомол в юбейх коммунах пользуется полной независимостью, от коммуны вообще и от семьи в частности; комсомольцы составляют свою особую семью, которая пытается, и, как мы видели, довольно удачно, стать примерной и показательной организацией и служить проводником коммунистических идей.

На нескольких примерах этого очерка мы видели, откуда начался комсомол на Кубани, как он развивался и во что в конце концов вылился.

Зачаточный, еще совсем слабый, неуверенно нащупывающий почву под неокрепшими ногами, комсомол села Хамышек—это первая стадия. Так зарождался всякий комсомол на Кубани. Затем он проходил все последующие стадии, которые, будучи взяты для примера из разных кубанских сел и станиц проходят перед нашими глазами на страницах этого беглого очерка.

Результат—это комсомол коммун «Братство» и «Федоровской». Здесь он уже выступает перед нами, как мощный рычаг в строительстве новой жизни, как важнейший двигатель революционной машины.

К тому же придет и комсомол тех остальных сел, станиц, хуторов и коммун, где экономические, политические и социальные условия жизни задержали его развитие. Он также станет авангардом и молодой свежей своей силой довершит дело революции.

Черкесский комсомол и молодежь.

По вине исторических событий черкесский комсомол сложился значительно позже, чем русский. Гражданская война, нашествие белых на Кубань, а следовательно, и в Адыгею¹⁾, бандитизм, социальная обстановка, окружавшая черкесскую молодежь (авторитет старших), культурная отсталость черкесов и целый ряд других факторов надолго задержали возникновение и развитие комсомола в Адыгее. Зародыши комсомола возникают (в шапсугских аулах)²⁾ только в 1922 году, тогда как русский комсомол в большинстве случаев возник уже в 1918 году.

Однако, несмотря на все эти обстоятельства, черкесская молодежь, вступившая на комсомольский путь, как бы сознавая свой запоздалый выход, стремится наверстать потерянное время.

Но сначала я познакомлю читателя с той социальной средой, из недр которой вырос современный комсомол в Черкесии. Из двух-трех примеров мы увидим положение черкесской молодежи в семье и в обществе.

Отец—глава семьи—это властный повелитель в восточном духе. Когда он ест, то, кроме старшего сына, который прислуживает ему стоя, никто из членов семьи не должен присутствовать. Старший сын считает за великую честь прислуживать своему отцу во время еды. И только, когда он женится, он будет есть вместе с отцом, а прислуживать им будет следующий по старшинству сын.

Женский пол семьи? Даже жена никогда не дерзнет хоть единым глазком взглянуть, как обедает глава семьи. И это не простой каприз, так предписывает обычай.

На мой вопрос пожилому черкесу—почему он не обедает вместе со своей семьей, как это водится у русских, он сначала

¹⁾ Адыгея—Черкесия.

²⁾ Шапсуги—одно из черкесских племен.

сильно смутился, и я понял неуместность моего вопроса. Но потом он сказал: «Зачем жена смотри, как мы кушай, ево стыдна будет». Впоследствии я убедился, что, действительно, черкес и черкешенка, если им случится увидеть за едой друг друга, испытывают самый неподдельный стыд.

Таков этикет черкесской семьи.

Возьмем один пример из общественной жизни.

Старик, едущий верхом на лошади, повстречавшись с любым из молодых черкесов, также едущих на лошади, может потребовать, чтобы встретившийся сопровождал его. И общественный этикет велит молодому черкесу повернуть своего коня и ехать за стариком, держась с левой стороны поодаль и бдительно следя за каждым движением плети старика, чтобы в случае повелительного жеста, стремглав ринуться и выполнить любой приказ. И так следует ехать, пока старик не скажет: «Я вижу ты хорошо воспитан, умеешь оказывать услуги старшим,—можешь теперь продолжать свой путь».

Пережиток ли это первобытного родового быта или же это более позднее явление, возникшее в черкесской среде в период военного расцвета черкесских племен, когда черкесы предпочитали военное ремесло всем другим и отличившиеся на войне пользовались всеобщим уважением дома и в обществе,—трудно сказать. Это уважение распространялось на всех участников войны: в глазах женщин и молодого подрастающего поколения они становились героями. К тому же военное ремесло требовало дисциплины. И старшее поколение, воспитывая младших для войны, должно было ввести этикет беспрекословного повиновения со стороны младших—старшим. Это сохранилось и строго соблюдается до сего времени.

Так, черкесы, будь то старики или молодежь, при появлении среди них старшего по годам, встают, дают место и садятся лишь после того, как он сядет. Молодой никогда первый не заговорит со стариком.

Такова та бытовая обстановка, в которой росло и воспитывалось молодое черкесское поколение.

Однако побеги революции пробиваются и сквозь эту ледяную кору, точно так же, как весной нежные ростки трав тянутся к солнцу: растут, цветут и обсеменяют выращившую их почву. Такое сравнение невольно напрашивается, когда следишь за жизнью черкесского комсомола.

Вот в ауле черноморских черкесов, в горном ауле среди дикой кавказской природы, застывшем в старых социальных формах, мы встречаем новый социальный побег—комсомол в лице единственного комсомольца, восемнадцатилетнего середняцкого сына. На мой вопрос, зачем он поступил в комсомол, он ответил:

«Наша здорово хочет учиться»¹⁾. Цель ясная и определенная. Сверстники его сначала смотрели недоверчиво на его комсомольство и с любопытством ожидали от него чего-нибудь из ряда вон выходящего. Но не дождались и привыкли к тому, что в их среде есть комсомолец. Установились прежние отношения, а затем возникло и стремление подражать. Один из товарищей этого комсомольца уже говорил мне: «Наша тоже скоро пишешь в комсомол».

В другом ауле черноморских черкесов, Карповском, комсомол вырос в полуоформившуюся организацию, насчитывающую с десяток членов. В «полуоформившуюся» — потому, что трудно установить действительные границы, отделяющие комсомол от остальной молодежи. Когда я спрашивал черкесских парней, каждого в отдельности, об их отношении к комсомолу, то все они говорили, что они сами комсомольцы, они посещают все собрания комсомола.

На одном из таких собраний, посвященном ликвидации неграмотности, я побывал. Собрание устроили в классе единственной школы, и на собрание пришли не только комсомольцы, но все парни аула. Кроме меня, присутствовала учительница с пункта ликвидации неграмотности. Избрали председателя весьма просто: один из присутствующих назвал фамилию парня лет 25-ти, все одобрили, и он занял место председателя без всякого голосования. Секретаря же совсем не избирали. Да это и было бы бесполезно, так как среди них не было ни одного настолько грамотного, чтобы он мог вести протокол собрания. Учительница считает своим долгом выполнять секретарские обязанности помимо всяких избраний. И на мой вопрос председателю, почему собрание не избирает секретаря, он сказал, указывая на учительницу: «Ево будет писать». Но далеко не всегда учительница присутствует на собраниях и, следовательно, не всегда выполняет секретарские обязанности. Когда некому писать протокол, то и не пишут. По выражению одного черкеса: «Зачем все писать, что наша будет говорить».

На повестке дня был единственный вопрос — о ликвидации неграмотности среди молодежи аула. Надо или не надо ликвидировать неграмотность? Об этом совсем не говорилось на собрании, очевидно, все пришли с готовым решением — неграмотность ликвидировать. Спорили только, какой группе какие часы отвести для занятий. Школа одна с одним классом, а групп образовалось три. К тому же было летнее время — июль месяц, когда в деревне, а, следовательно, и в ауле, по крестьянской поговорке: «один день кормит год». Каждая из групп отставала для себя

¹⁾ Мы говорили с черкесами на странном жаргоне, который на кавказских «низах» заменяет российскую речь и считается «русским». Образцы этой русской речи в обилии приведены в статье.

самое свободное время дня. Оказалось, что для всех удобнее всего было бы от 12 до 5 часов дня. Комсомольцы, а с ними вся молодежь, энергично, со всей пылкостью южного темперамента, стояли на своем. А интересы тут же стоявших учеников, или, вернее, их родителей, которые согласились пускать детей в школу только с 12 до 5, отстаивала учительница. Дело в том, что до 12 и после 5 дети должны были пасти скот. Во время прений это собрание проявило свою истинную национальную физиономию. Говорили на черкесском языке, выразительно жестикулируя. Говорили один за другим, вставая, но не спрашивая разрешения у председателя. Каждая мысль, каждое слово, выражающие настроение аудитории одобрялось общими восклицаниями слушателей. Когда все было высказано, и аудитория пришла к одному решению, поручили одному парню передать решение учительнице. Тот с таким же жаром, как и в споре, заявил: «Ми писался в комсомол, что наша будет бесплатно учиться. А раз наша бесплатна не учись и свободный день не давай — наша не желай комсомол. Наша бери документы, за деньги нанимай учитель и сам учись... Наша комсомол не надо. Зачем его бесплатно не учи?». С этим решительным требованием комсомольцев учительнице пришлось согласоваться.

Группа комсомольцев решила поступить в партшколу; для подготовки пригласили своего же черкеса, студента медицинского института. Все малограмотные, а времени на подготовку около полутора месяцев. Однако желание поступить в партшколу было так велико, что все эти обстоятельства не смущали никого.

А все Бжассо виноват, — он первый показал дорогу в партшколу. О том, как он попал туда, следует сказать несколько слов, так как попал он не по своей воле. Это дядя его устроил.

Дядя этот 70-летний старик, по его словам, «учел» прочное положение Советской власти и решил учить племянника. После такого решения он подговорил молодого Бжассо поступить в партшколу. Тайно от родителей парня, ночью, чтобы никто не видел, они оседлали лошадей, спустились с гор к морю, в Туапсе сели на пароход и отправились в Новороссийск. Но там парня не приняли. Однако дядя упорно стал хлопотать и добился своего. Он с племянником съездил в Краснодар, и оттуда дали распоряжение: принять. С этим распоряжением они возвращаются в Новороссийск, и Бжассо устраивается в партшколе. Молодой черкес, дитя гор, никогда не живший с русскими и в городе, поселяется в общежитии один среди русской молодежи. А предусмотрительный дядя снимает себе квартиру по соседству и ежедневно навещает племянника, чтобы тот не заскучал по родным, по товарищам, по аулу и горам. И так навещал он его около

двух недель, пока тот не перезнакомился со всеми курсантами и не сдружился с одним из них, вообще пока не освоился со школьной обстановкой. Уезжая из города, старик в утешение обещал племяннику навещать его к нему в гости.

А дома родители, узнав, что их сын учится на «коммуниста», проливали по «погибшем» горькие слезы, а особенно мать: «Теперь их сын будет коммунистом, безбожником, не будет слушать родителей и старших, и за это Аллах жестоко их накажет». Весь аул жалел несчастных родителей. Ждали кары грозного Аллаха. А старого дядю все в ауле ругали. Даже молодые черкесы осмеливались быть с ним непочтительными. Иногда на старика, как он говорил, находило малодушие, и он собирался ехать в Новороссийск, чтобы взять обратно племянника. Но всякий раз, как только он был близок к отъезду, ему как-будто бы кто-то нашептывал: «Пускай его поучится». И он откладывал свою поездку. На рождественские каникулы Бжассо приехал в аул к родным. Какая радость была для родителей, когда они увидели своего сына здоровым, чистеньким, хорошо одетым и, к немалому их удивлению, вежливым со всеми и особо почтительным с ними, родителями.

Молодежь аула завидовала ему невероятно. Все расспрашивали, как поступить в школу, и есть ли там и для них место.

Вскоре истек срок каникул, и Бжассо, провожаемый завистливыми взглядами своих сверстников, поехал продолжать учение. На этот раз он поехал не ночью, не тайком от всех, как раньше, а среди бела дня, и повез его к пристани сам отец, необычайно счастливый тем, что его сын сделался предметом всеобщего внимания в ауле.

И всего через год из аула Красного по следам Бжассо пошло еще четыре парня, а желающими учиться можно считать всю молодежь аула.

Несколько позже эта тяга в партшколу распространилась и на соседние аулы.

И вот теперь приходится наблюдать такие ретивые группы молодежи, как в Карповском ауле, которая, едва зная русский алфавит, решила за полтора месяца подготовиться в партшколу.

А, ведь, не так давно, всякого, поступившего в партшколу считали «погибшим», и все говорили о нем либо как о несчастном, либо как об исчадии дьявола.

Вернемся еще на минуту к нашему собранию.

В самый разгар прений открылась дверь, и показалась фигура старика. Все умолкли, позы изменились, и на всех лицах можно было прочесть испуг и покорность. Старик, увидев нас (меня и учительницу), тоже немного смутился, но затем, овладев собою и направив строгий взгляд на своего сына, который был

председателем, сказал ему по-черкесски, чтобы тот шел домой. Председатель, ни слова не возражая, оставил собрание и ушел. Собрание расстроилось, и молодые участники, как воробьи, испуганные коршуном, готовы были метнуться вон из «зала» заседания. Учительница, видя такое паническое настроение собрания, вмешалась в дело и водворила порядок, а старик почувствовал себя лишним, стушевался и незаметно вышел.

Собрание вновь оживило: лица оживились, и языки заговорили. Таков авторитет старших. Слишком глубоко укоренилось это беспрекословное подчинение молодежи старикам, сыновей отцам. Не так-то легко от него освободиться даже в такое время, как наше.

Описанное выше комсомольское собрание характеризует не совсем еще выкристаллизовавшуюся организацию.

Другое собрание, свидетелем которого я был,—собрание комсомола кубанских черкесов—носит совсем другой отпечаток. Самое место собрания—изба-читальня, увешанная плакатами, с газетками на столе и десятком-другим книг революционного характера,—как-то больше соответствовало комсомольской среде, нежели школа с ее классом, ребятами и учительницей.

Собрание велось по всем правилам. Избрали голосованием председателя и секретаря, оглашалась повестка дня, вносились поправки, участвующие в прениях брали слово у председателя, вносились предложения. Все это проходило тихо, гладко, даже я сказал бы, молчаливо. На мой вопрос, почему они так мало говорили по поводу предлагаемых вопросов, мне ответили: «Наша все так понимаем». Следовательно, прения излишни.

Собрание было посвящено неделе помощи воздушному флоту, продналогу и крестьянскому займу. Докладчик был русский и доклад делал на русском языке. Что было непонятно собранию,—тут же переводилось на черкесский язык.

В политическом отношении кубанские черкесы выше черноморских. Объясняется это тем, что первые в силу своего географического положения вынуждены были принять активное участие в гражданской войне. Они были втянуты в войну еще генералом Корниловым и воевали до поражения Деникина. С приходом красных на Кубань они с таким же рвением взялись за советское строительство.

Черноморские черкесы, затерянные в горах, не принимали никакого участия не только в гражданской войне, но и в империалистической, и жили в глуши да в тиши. Только теперь октябрьская волна докатилась до черноморских аулов и начала подымать крепкие устои старого строя.

Если мы возьмем черкесский комсомол в цифрах, то в черноморских аулах мы найдем от 1 до 10 человек комсомольцев, а в кубанских до 50—70 на 80—140 дворов аула. В кубанских

аулах процент молодежи, вступившей в комсомол, выше чем у русской, в соседних станицах, где 30—40 человек комсомольцев на 1.500—2.000 дворов селения—цифра наиболее типичная.

В отношении пола—безраздельная мужская монополия. Ни в одном комсомоле я не встречал черкесских девушек. О работе комсомола в избе-читальне много не скажешь. Далеко не в каждом ауле есть изба-читальня. В ауле Панахес меня провели в избу-читальню, где среди пустого помещения на столе лежали газеты и несколько книжек; некоторые из них чистенькие, совсем не разрезанные. На мой вопрос, почему они не читают книжек, ответили: «Наша совсем не умеет читать, наша желает учиться читать». Почти все комсомольцы неграмотны. Но газеты, все-таки, читают. Кто-либо из грамотных читает вслух русскую или черкесскую газету собравшимся послушать комсомольцам. Но что особенно будоражит умы, так это религиозный вопрос.

Как некогда исламу пришлось, очищая себе место, бороться с народной религией черкесов и верой в священные деревья, в предков и в мифические существа, с тем, что в обыденной речи зовется язычеством, так «новой вере»—коммунизму—приходится вести борьбу с исламом. О том, как вел борьбу ислам с язычеством, мы доподлинно не знаем. Нам известно только, что формально ислам победил, сделавшись официальной религией черкесов. Знаем также, что остатки язычества живут и до сего времени в черкесском быту. Они до такой степени еще живы, что при знакомстве с подлинными народными верованиями черкесов трудно решить, имеем ли мы пред собою язычество или это, все-таки, мусульманство.

Чем закончится идейная борьба коммунизма с мусульманством, покажет ближайшее будущее. Я лишь отмечу, что главной или, вернее, единственной ратью в этой борьбе является молодежь—комсомол. Комсомольцы в ауле—стойкие борцы за коммунизм.

Приведу несколько фактов, характеризующих эту борьбу.

Однажды мы проезжали мимо мечети с молодым черкесом. Увидев собравшихся там стариков, он сказал мне: «Наша старик работай не желай, иди на мечеть богу молись. Наша старик глупый, все старый режим вспоминай, все слушай мулла, читай коран, не кушай русский борщ».

Другой юноша спрашивал меня, может ли наука распорядиться силами природы, как, например, дождем, и рассказывал с насмешкой о том, как их старики молили Аллаха, чтобы он дал им дождь. И тут же он рассказал мне об этом обряде моления, из которого явствовало, что это—пережиток языческого жертвоприношения.

Молодежь посмеивалась над такой наивностью стариков и говорила: «Наш старик природа не признавай».

Молодой Али однажды мне сказал: «Наша мулла все сердись на комсомол и совсем не смотри на нас». А затем он рассказал мне, что он видел, как русские судили в Краснодаре своих попов, и, подумав, добавил: «Вот и наша поп надо так судить, чтобы он боялся. Теперь мечети совсем не надо. Кто желай мечеть, тот нанимай себе поп».

Но черкесский мулла куда решительнее сражается с комсомольцами, чем православное духовенство. В ауле Панахес мулла заявил, что умерших комсомольцев он не будет хоронить. На это молодежь лишь задорно усмехнулась: «Наша все равно, хоть совсем поп не надо».

Согласно декрету отделения церкви от государства, верующие должны содержать мечеть и муллу. Для оплаты своего труда панахесский мулла потребовал 300 пудов пшеницы, да посеять и убрать три десятины пшеницы, кроме того, отопление и освещение мечети и квартиры муллы, а если ему этого не дадут, то он закроет мечеть. Комсомольцы сейчас же смекнули: «Ага, так, значит, если хорошо ему заплатить, тогда будет бог, и он будет молиться, а если не платить, то он закроет мечеть, и нет бога».

«Какой же это бог?»—говорят молодые черкесы.

И комсомольцы решили возбудить ходатайство, чтобы мулле взяли из аула: «Наша совсем не желай мулла»,—говорили они.

Так проникает атеизм в комсомол кубанских черкесов. Несколько иначе обстоит дело у черноморских комсомольцев. Там был случай народного моления, просили дождя. И в этом участвовали некоторые из комсомольцев. На мое удивление такому поведению комсомольцев, один старик заявил: «Комсомол хочет кушать хлеб—не будит дождь, не будит хлеб. Молись Аллаху, будит дождь, и хлеб будит».

Эту бытовую уступку старикам сами комсомольцы объясняют так: «Старик наш все слушай мулла, и сам, как мулла, все ругай нас. Ми, пока наша отца жив, немножко делай, как ево надо. Когда отца умирай, наша тогда делай совсем, как русский, как коммуниста».

У черкесской молодежи на почве подражания идеям коммунизма выработалась программа-минимум: «Живи, как русский, старик не слушай, мулла не слушай, книга умеет читать, работай много, по-русски с дивчаткой гуляй».

И мулла и старики одинаково не любят комсомольцев. Мулла все время поет, что вот теперь плохо жить, нет денег и т. д. «А все комсомол виноват»,—заключает он.—«Аллаха не признают, в мечеть не ходят, и коран не слушают».

Старик, совершивший паломничество в Мекку, фанатик-мусульманин, говорил мне: «Наша молодой черкес стал совсем дурак,—дождь, много роди хлеба, больной, умирай человек: все

это делай природа. Аллах ничего не делай, Аллах нет. Так думай и говори наш молодой черкес. Ево совсем стал дурак, ничего не понимай».

Как бы в ответ мулле и этому старику, молодой Натхо, черкес из другого аула, говорил: «Наша старик раньше был дикий, как зверь в степи. Он ничего не делай—полдесятины сеял проса, немножко кабак (тыква) сади, и все. Теперь наша сей пять десятин пшеница, сей кукуруза, семечки (подсолнечник). Раньше наша дикий был, лошадь кради, ничего не делай. Теперь наша не кради лошадь,—это нехорошо. Наша старик любил война и требовал, чтобы наша молодой черкес его подчинялся. Теперь служи те надо, а учишь надо, книжка читай и лошадь не кради».

В семье комсомол себя проявляет так: я разговаривал в уне (избе) с молодым черкесом, который полулежал на кровати. Вошел отец; сын не изменил своей позы и продолжал говорить. Старая семейная и общественная этика черкесов такого поведения сына перед отцом отнюдь не допускает. Потом я говорил с этим отцом. В прошлом это властный старик, аульный старшина, привыкший к абсолютному подчинению. И он с горечью заявил мне: «Что будешь делать, время настал такой. Старик теперь совсем не в мода. Наша все передал на сына. Старик теперь ничего не знай. Какой совет, какой спалком, какой новый порядка,—все сына знай». Он трагически схватил себя за голову и проговорил: «Наша ничево не понимай».

Многоженство также не встречает сочувствия среди комсомольцев. Как-то в моем присутствии черкесы средних лет начали говорить об одном мулле, у которого две жены. И добрая половина говоривших оправдывала многоженство. Но вмешавшиеся в разговор комсомольцы начали высмеивать многоженство мульты, говоря: «Ему бы не в Советской России быть, а в Турцию ехать к султану в паши, и там бы он мог держать много жен».

Черкесская молодежь не менее русской любит театр, увлекается спектаклями и танцами. Но сами они не в силах поставить спектакль собственными силами. На помощь приходит русский комсомол. Так, в ночь затмения луны 16 августа 1924 года комсомол хутора Львовского, сговорившись с черкесским комсомолом, устроил вечер-спектакль в ауле Панахес. Перед спектаклем русские комсомольцы сделали доклад, в котором разъяснили черкесам, что значит затмение луны. Затем были спектакль и танцы. Черкесская молодежь танцевала как раз в тот момент, когда луна погружалась в тень земли. Старики же в эти трагические для них минуты молили Аллаха в мечети, а женщины подняли плач, им вторили собаки своим воем. Это были жуткие минуты для женской половины и мужчин-стариков, по убеждению которых луну время от времени поглощает злой дух. И если ее не отмолить, то

с гибелью луны погибнут земля и люди,—наступит конец мира.

В эту ночь аул исповедывал разом три веры. Древнее язычество, которое вновь всплыло на поверхность во взглядах на затмение луны, магометанство (на молениях в мечети) и атеизм комсомольцев—новое, дотоле неведомое аулу мировоззрение, выросшее на ниве, вспаханной революцией.

Постановка русским комсомолом спектаклей и докладов для черкесской молодежи есть один из путей, по которому проникает влияние русской культуры. Один, но далеко не единственный путь. Это влияние просачивается тысячами незримых путей.

В одном ауле я встретил юношу, который мечтает сельское хозяйство поставить по-американски: пахать трактором, убирать жатками, молотить паровой молотилкой и т. п. На мой вопрос, откуда он знает об американском хозяйстве, он ответил: «Мне Иван говорил».

Об этом Иване мне удалось узнать от его последователя только то, что он—казак станицы Елизаветинской и что ему 20 лет, и то, что это собеседование происходило на мельнице, где оба в ожидании очереди на помол познакомились, сошлись и разговорились. Мало того: от этого казака Ивана молодой черкес узнал, что бога нет, что мулле не надо слушать, что надо строить школу, а когда все будут грамотны и сознательны, тогда и коммуна будет.

А ведь не так давно было время, когда черкесская молодежь не только чуждалась, но даже боялась того, что называется у нас большевизмом.

Мне рассказывали об одном молодом черкесе, который, когда красные пришли в аулы, скрывался от них, боясь, что его расстреляют за то, что он участвовал в армии белых.

Но потом он убедился, что Советская власть простила всем участникам белых банд. Тогда он не только перестал скрываться и стал свободно жить в ауле, но даже записался в комсомол. Затем получил командировку в краснодарскую совпартшколу. А теперь он учится в Москве. И когда он приезжал на рождественские каникулы в свой аул, он собрал вокруг себя молодежь и вел беседы о том, как надо жить по-коммунистически, к чему стремится Советская власть, и как должны черкесы ей помогать. Эти беседы он вел, как говорят, день и ночь, употребив на них все каникулярное время. Другой комсомолец, еще совсем безусый юноша, с восторгом отзывался о нем: «Ево совсем стал коммуниста, а товарищ постарше, подтвердил: «Ево сердца совсем коммунистический стал».

Таковы пути, которые вывели черкесскую молодежь на широкую комсомольскую дорогу, по которой она потянулась к со-

ветской Москве, вопреки издавна существующей, традиционной тяге черкесов к священной Мекке. Мекка в прошлом,—это мечта старика—правоверного черкеса—совершить на склоне лет паломничество, поклониться святому городу. А Москва в настоящем—это не старческая мечта, а реальная действительность для современной черкесской молодежи.

Сначала комсомол, а затем совпартшкола в Краснодаре или Новороссийске, а там и ВУЗ в Москве.

Умирают в умах черкесской молодежи старые языческие боги, мусульманский Аллах и его пророк Магомет, и рождаются новые—знание, наука.

Взоры молодой Черкесии обратились от древней Мекки к новой Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Комсомольские этнографы.—В. Г. Тан	3
Комсомольская деревня.—С. Абрамсон	7
Образцовая ячейка.—А. Канева	22
Новгородская вольница.—С. Стебницкий	60
Первые шаги.—П. Молл	83
Комсомол Прионезья.—С. Макарьев	92
Комсомолец в семье.—В. Ершов	114
Комсомольская стенгазета.—А. Бежкович	129
Комсомол в частушках.—С. Левитан	138
Иван Михайлов—поэт-комсомолец.—В. Сюннерберг	150
Чувашский Комсомол.—А. Линевский	158
Комсомол области Коми.—Г. Старцев	170
Комсомол на Кубани.—А. Б-ч	177
Черкесский комсомол.—А. Бай	192